

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 6 · № 1 · ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ · 2008

Содержание

Наша первая пятилетка *Фёдор Лукьянов* 5

В поисках самоидентификации

Глобальная роль России и европейская идентичность
Владимир Лукин 8

История России изобилует «государственническими» проектами, в основе которых лежит одна идея: превратить граждан в «винтики» «хорошо смазанной» государственной машины. Только она якобы способна обеспечить «общее благо», критерии которого определит бюрократический аппарат.

Многополярность и демография *Анатолий Вишневский* 18

Позиции России в «северном клубе» могут опираться на тот факт, что по численности населения она вторая после США и первая в Европе страна. Но рядом с Китаем или Индией данный аргумент перестает действовать. Слишком тесные союзы с такими гигантами могут полностью лишить Россию самостоятельной роли.

Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве *Игорь Зевелёв* 33

Проблема соотечественников в России — это наследие империи. В течение полутора десятилетий после распада Советского Союза страна жила с этим наследием, проводя малоэффективную политику, но и не допуская крупных ошибок. Задача будущего — научиться защищать соотечественников и использовать их потенциал в своих интересах, избегая неоимперских соблазнов.

«Слоеный пирог» национальной политики *Алла Язкова* 46

Россия была одной из немногих стран мира, где на предшествующих этапах истории «плави́льный котел» создал сильный в своей основе этнос. В итоге сформировалось Российское государство, объединившее другие народы. Некоторые из них имели свои государственные образования, у других политическая идентичность формировалась уже в составе России.

Большая стратегия

- Ядерное разоружение: проблемы и перспективы** *Виктор Есин* 60
 Застой, воцарившийся в сфере контроля над ядерными вооружениями, необходимо преодолеть. При всех возможных несовершенствах наличие данного режима более благоприятно для международной безопасности, чем его отсутствие. Однако он может прекратить существование на рубеже 2012 и 2013 годов, если руководители России и США не проявят политическую волю.
- Упорядоченная оборона** *Ричард Беттс* 69
 Сегодня Соединенные Штаты тратят на оборону в реальном исчислении больше, чем когда-либо в истории. При этом отсутствует убедительное обоснование необходимости столь впечатляющей военной мощи. Причина подобного положения в том, что без политических стимулов для обуздания appetites правящий класс утратил способность ясно мыслить, когда дело касается оборонной политики. Новая мантра Вашингтона должна звучать так: «Полтриллиона долларов — это больше чем достаточно».
- Война на аутсорсинге** *Вероника Крашенинникова* 84
 Когда частному подрядчику отдается функция, на которую по определению распространяется государственная монополия (применение военной силы), возникает беспрецедентная система отношений между государством, вооруженными силами и бизнесом. Что дает «приватизация войны»: новые возможности или невиданные проблемы?
- Американские выборы и внешняя политика**
Александр Терентьев 95
 Вопреки традиции внешняя политика превратилась в одну из главных тем президентской кампании в США. Проблема глобального лидерства Америки и последствий этого для населения страны — в центре внимания всех основных претендентов.

Иранская головоломка

- Цена сдерживания Ирана** *Вали Наср, Рей Такей* 110
 Администрация Буша намерена сдерживать Тегеран, опираясь на поддержку суннитских арабских государств. Сдерживание Ирана Вашингтон считает главным направлением своей ближневосточной политики — способом стабилизировать ситуацию в Ираке, ослабить движение «Хезболла» и возобновить арабо-израильский мирный процесс. Но эта стратегия неразумна и непрактична. Скорее всего, она еще больше дестабилизирует и без того беспокойный регион.
- Иран: взгляд без предубеждения** *Александр Лукоянов* 120
 Исламская революция завершилась со смертью имама Хомейни и его ближайших единомышленников. Иран давно вернулся на путь развития традиционных капиталистических отношений и постепенно освобождается от препятствующих этому элементов революционного наследия.

Разговор по существу

- «Нам грозит более опасный период, чем холодная война»**
Георгий Арбатов 132
 Во времена холодной войны нас тревожило, что противник может сделать что-то плохое. Сегодня мы должны опасаться того, что стороны не делают ничего хорошего. Они рассчитывают, что все будет идти так, как идет сегодня. Но ситуация постоянно меняется.

«Идея сдерживания когда-то превратилась в догму» <i>Збигнев Бжезинский</i>	141
---	-----

Можно ли было избежать холодной войны? Вполне вероятно — при более просвещенном советском руководстве и несколько менее встревоженном руководстве западном. Но рассчитывать на то, что существует исчерпывающий ответ на данный вопрос, не приходится.

Политическая экономика

Европа, Россия, США: новые величины старого уравнения <i>Тома Гомар</i>	154
--	-----

Для Европейского союза речь идет не о выборе между Россией и Соединенными Штатами, а лишь о том, чтобы эти две страны не сделали выбор за него. Традиционная приверженность Европы главенству международного права, безусловно, необходима, но уже недостаточна в отношениях с двумя крупнейшими державами.

Как развязать гордиев узел между ЕС и Россией? <i>Карл Лиухто</i>	167
---	-----

Вместо того чтобы строить стратегическое партнерство лишь на словах, Евросоюзу и России следует заняться составлением списка оперативных задач, ориентированных на середину будущего десятилетия. Сделав это, мы развяжем гордиев узел, не прибегая к способу, которым воспользовался Александр Македонский.

Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно <i>Филип Хэнсон</i>	174
---	-----

Опасения в связи с тем, что Москва попытается использовать газ как инструмент политического давления, сильно преувеличены. Чтобы Кремль «перекрыл кран» Германии, Франции, Австрии или Италии, ситуация должна балансировать едва ли не на грани войны. Это крайне маловероятно.

Управление рентой как основа стабильности <i>Клиффорд Гэдди</i>	181
---	-----

Ренационализация не обязательно входит в планы Владимира Путина. Права собственности в современной России условны, принципиально то, кто контролирует потоки ренты. Модель управления рентой помогает понять, почему дискуссии о государственной и частной собственности могут сбить с толку.

Отклики и рецензии

Кто виноват в карабахском тупике? <i>Фуад Ахундов</i>	192
Рискованные эксперименты <i>Владимир Дегоев</i>	203
Многомерность политической вселенной <i>Михаил Маргелов</i>	210
Тройной блеф Садама Хусейна <i>Георгий Мирский</i>	212

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 27.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Мартти
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ВАЙНШТОК С.М.

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(*в личном качестве*)

ЖУКОВ А.Д.
(*в личном качестве*)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(*в личном качестве*)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЫК Б.Н.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(*в личном качестве*)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.

заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(*в личном качестве*)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(*в личном качестве*)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ДУБИНИН Ю.В.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Редактор
Александра Кобзева

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блиникова

Ответственный секретарь
Валерия Чистякова

Автор макета
Константин Радченко

Верстка
Наталья Заблочките

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
op@globalaffairs.ru

*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

Редактор
Ринат Якубов

Стилист
Роберт Бридж

Корректор
Людмила Купченко

Иллюстрации
Александр Бобосов

Наша первая пятилетка

Фёдор Лукьянов, главный редактор

У журнала «Россия в глобальной политике» — круглая дата. Пять лет назад, в январе 2003 года, в свет вышел первый регулярный номер. В масштабах истории срок скромный, но скорость и плотность изменений таковы, что впору, как и прежде, считать «год за два», а то и больше.

За это время международная политика сделала несколько крутых виражей. Произошло множество событий, которые нам довелось наблюдать и описывать, в которых мы пытаемся разобраться. Помогают нам в этом лучшие авторы: политики, ученые, писатели из России, государств постсоветского пространства, Европейского союза, США, Китая, Индии, Израиля, Турции, арабских стран, Ирана, Латинской Америки. Мы стараемся раскрыть перед читателем по возможности широкую картину современного мира во всей его сложности и неоднозначности. Судя по реакции на наши публикации, подход журнала вызывает заинтересованный отклик.

В этом номере мы обратились к темам, которые неоднократно поднимали. Среди «юбилейных» авторов —

многие из тех, кто уже не раз выступал на страницах нашего журнала.

Истекшее пятилетие прошло под знаком Ближнего Востока. В первом выпуске «России в глобальной политике» **Георгий Мирский** предупреждал, чем может закончиться вторжение США в Ирак. Перечитывая ту статью сегодня, можно только пожалеть, что она, очевидно, не оказалась в поле зрения тех, кто в Белом доме и Пентагоне принимал опрометчивое решение. В этом номере профессор Мирский вновь пишет об Ираке — о последствиях войны.

Еще два месяца назад Иран считался реальным кандидатом на повторение иракского опыта. Однако доклад американской разведки в декабре 2007 года, в котором утверждается, что Тегеран еще в 2003-м закрыл военную ядерную программу, смешал карты сторонников силовой акции. **Вали Наср** и **Рей Такей** предлагают способ установить в регионе военно-политический баланс, который позволит примириться с Ираном. Путевые заметки **Александра Лукоянова** подтверждают, что современный Иран — страна куда более

разнообразная, чем это представляется и в России, и в Америке.

Иранский вопрос, проблемы Ближнего Востока, взаимоотношения Москвы и Вашингтона, наконец, истоки холодной войны и вообще конфликтов между Востоком и Западом — все это отражено в интервью с двумя ветеранами-«тяжеловесами» международной политики. Джонатан Пауэр беседует с академиком **Георгием Арбатовым** и **Збигневом Бжезинским**.

Генерал **Виктор Есин** призывает Россию и США сохранить режим контроля над ядерными вооружениями, который через несколько лет может прекратить существование. А **Ричард Беттс** задается вопросом, каковы разумные объемы военного бюджета Соединенных Штатов. **Вероника Крашенинникова** затрагивает примечательную тему — участие частных компаний в американских военных операциях по всему миру.

Внешнеполитический аспект президентской кампании в США, — самой захватывающей за несколько десятилетий, — рассматривает **Александр Терентьев**.

Особенности взаимоотношений России и Европейского союза, крупнейшего торгового партнера, к тому же наиболее близкого цивилизационно, всегда оставались в центре внимания журнала. Об этом еще в самом первом номере размышлял **Владимир Лукин**; о новых шансах, которые не должна упустить Россия, он рассуждает и теперь. **Томас Гомар** рассматри-

вает способы выстраивания отношений в традиционном «треугольнике» Россия — Евросоюз — США. Разбором конкретных аспектов сотрудничества, прежде всего энергетического, занимаются **Кари Лиухто** и **Филип Хэнсон**. О нарастающем между тем соперничестве в Черноморском и Каспийском регионах предупреждает **Владимир Дегоев**.

Предметом анализа **Анатолия Вишневого** явились политические последствия демографических вызовов, с которыми предстоит столкнуться всему миру, и России в том числе. **Игорь Зевелёв** обращается к такой активно обсуждаемой ныне проблеме, как отношение Москвы к соотечественникам за рубежом. **Алла Языкова** размышляет о национальной политике, которая не раз становилась в России источником глубоких кризисов.

Фуад Ахундов откликается на серию публикаций, посвященных одной из животрепещущих тем последних лет, — о взаимосвязи принципов права на самоопределение и территориальной целостности.

Любопытный, хотя и спорный, анализ российской политико-экономической модели проводит **Клиффорд Гэдди**. Его статью можно считать своего рода анонсом следующего номера. Главная тема выпуска за март—апрель — попытка подвести некоторые итоги восьмилетнего пребывания Владимира Путина в должности президента России.

В поисках самоидентификации

Вертикаль власти
Журнал «Смехач», 1924 г.

“ Никакой объединяющей идеи в российском обществе сейчас нет. Попытки выдать на-гора некий синтетический продукт, к тому же подаваемый как априори правильный и не подлежащий обсуждению, оставляют стойкое ощущение сиюминутной конъюнктуры ”

Глобальная роль России и европейская идентичность
Владимир Лукин

8

Многополярность и демография *Анатолий Вишневский*

18

Соотечественники в российской политике
на постсоветском пространстве *Игорь Зевелёв*

33

«Слоеный пирог» национальной политики *Алла Язькова*

46

Глобальная роль России и европейская идентичность

Владимир Лукин

Еще в преддверии XXI века казалось, что Россия утратила едва ли не все свои международные позиции. Однако изменения планетарного масштаба, произошедшие за последние годы, раскрыли перед ней возможности стать державой, от которой во многом зависит вектор мирового развития. Но способна ли наша страна сыграть глобальную роль, не придерживаясь своей цивилизационной самоидентификации? Конкретнее — что есть Россия вне европейской идентичности?

ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Поиски новой идентичности, национальной идеи, остаются одним из наиболее острых вопросов российской общественной дискуссии. Спектр мнений о возможном пути в будущее очень разнообразен, а порой и пугающе противоречив. До такой степени, что поиски, призванные по определению сплотить нацию и усилить потенциал страны, на деле способны породить лишь дополнительные серьезные проблемы. Подобное противоречие является следствием целого ряда фундаментальных заблуждений.

Одно из них состоит в убеждении (а скорее предубеждении), что основополагающие принципы общественной и государственной жизни будто бы можно сформулировать и ввести в обиход директивным, принудительным образом. Самое очевидное доказательство иллюзорности этого — исторический опыт России, особенно в XX столетии, большая часть которого была растратчена на усилия по воплощению в жизнь антигуманных агрессивных хи-

В.П. Лукин — д. и. н., профессор, уполномоченный по правам человека в РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

мер, маскировавшихся под лозунгами всеобщего равенства и счастья для нынешнего поколения. Крах Советского Союза наглядно показал опасность и губительность попыток государственного аппарата монополизировать право на идейное и практическое руководство развитием.

Задача современного эффективного государства — создать условия для длительного и подчас противоречивого взаимодействия различных субъектов политической, экономической, культурной и других сфер общественной жизни. Только в такой среде постепенно формируется национальная идея. Подлинное понимание национальной специфики и идентичности может вобрать в себя некоторые революционные лозунги, но оно всегда является продуктом консенсуса, который, в свою очередь, достигается в процессе длительного общественного диалога.

Сегодня в нашем обществе сосуществует множество различных идей и идеологических концепций. Сторонники едва ли не каждой из них категорически настаивают на том, что именно их взгляды должны быть провозглашены в качестве приоритетов развития России. Разброс мнений и острота споров, доходящих до полной непримиримости, очевидно, свидетельствуют о том, что выработать идейный вектор, который был бы единым для подавляющего большинства нации, в настоящее время невозможно.

Никакой объединяющей идеи в нашем обществе сейчас и нет. Попытки выдать на-гора некий синтетический продукт, к тому же подаваемый как априори правильный и не подлежащий обсуждению, оставляют стойкое ощущение сиюминутной конъюнктуры, добротного рабочего материала для сатириков. Тем более что в результате они сводятся ко все более популярному в последние годы лозунгу-тосту «за все хорошее, против всего плохого».

Едва ли не вся российская история изобилует разнообразием «государственнических» проектов, в основе которых (несмотря на внешнее различие идеологий) лежит одна идея: превратить жителей России в «винтики» «хорошо смазанной» государственной машины. Дескать, только она, функционируя как единое целое, способна эффективно обеспечить «общее благо». Причем безусловная монополия на определение критериев такого «блага» неизменно принадлежит бюрократическому аппарату. А он склонен игнорировать, как «второстепенный», тот факт, что абстрактный «народ» состоит из конкретных людей.

В прежние эпохи, наиболее опасные вызовы которых были связаны с прямой и явной внешней угрозой интересам России (агрессией), подобные сформулированные «наверху» модели в основном справлялись с задачами сохранения государственного суверенитета (а то и укрепляли и расширяли его). Однако в тех случаях, когда вызовы национальным интересам носили не прямолинейно-силовой характер, когда требовались гибкость, оперативность и нестандартность «ответных шагов», сверхконцентрированное «государственничество» демонстрировало свою беспомощность.

Так, знаменитая триада XIX века «самодержавие, православие, народность», призванная консолидировать общество, превратилась к концу столетия в идейное обоснование внешнеполитической экспансии — на юг, к осуществлению вековой мечты овладеть Черноморскими проливами и выйти на новые мировые рынки. Однако оказалось, что каменная скорлупа имперско-самодержавной национальной идеи сковала жизненные силы народа, его способность к творческому развитию. Монархическая элита была не в состоянии адаптировать страну к реалиям стремительно надвигавшейся индустриальной эпохи, и напрямую связанные с этим военно-политические неудачи стали прологом революционного слома государства.

В СССР в качестве национальной служила идея «мировой революции». За десятилетия советской власти она прошла ряд стадий — от лозунгов о ее немедленном воплощении в действительность любой ценой до примирительных рассуждений о возможности «торжества социализма» в процессе «мирного соревнования различных общественных систем».

Теперь уже распад советской системы стал наглядной демонстрацией нежизнеспособности тезиса о тотальном примате государства над обществом и индивидом как единственно возможной форме решения национальных задач. Только на закате существования Советского Союза была предпринята попытка переориентации на интересы, права и свободы отдельной личности, конкретного человека. Отчасти призывы не были услышаны, отчасти они уже не могли быть полноценно претворены в жизнь в условиях стремительного распада коммунистического госаппарата.

Наконец, бурные общественно-политические катаклизмы постсоветского периода вновь показали, что многие беды России происходят как раз из-за того, что нашему народу не хватает ува-

жения к себе, осознания себя как общества независимых и ответственных граждан.

Преодолеть нынешние проблемы можно, лишь постепенно преобразовывая менталитет государства и общества, отказавшись от доминирования «коридорно-властных» решений, от слепого следования им со стороны граждан. Россию спасет не новая революция, будь то «бархатная» или бессмысленно-беспощадная, а то, что большинство населения постепенно осознает необходимость последовательных шагов в направлении реально работающей демократии.

Демократические процессы пойдут быстрее, если будет расти благосостояние. Ибо, как справедливо отметил видный немецкий социолог Ульрих Бек, «только люди, у которых есть дом и надежная работа, а следовательно, и материально обеспеченное будущее, являются гражданами, способными воспринять демократию и воплотить ее в жизнь... Без материальной обеспеченности нет ни политической свободы, ни демократии». При этом Россия может избежать ошибок и издержек, которыми сопровождалось выстраивание социального консенсуса при становлении рыночных экономик стран Запада.

Поборники «государственности», склонные к завиральным призывам противопоставить себя остальному миру, обычно подменяют понятия. Стремление взять на вооружение опыт, уже доказавший свою эффективность в других странах, они приравнивают к диктату Запада. Но речь идет не об отказе от российских интересов, а о том, чтобы вписаться в апробированную историей модель совершенствования форм и методов общественного бытия. Ее реализация ведет к благополучию и даже процветанию большинства граждан и собственно государства.

Япония, Бразилия, Индия, Индонезия и многие другие страны идут именно этим, по сути европейским, путем. Да и в Китае, если сравнить его нынешнее общественное состояние с периодом культурной революции, вектор движения очевиден. И никто из них не становится от этого менее самобытными.

Просто тот, кто хочет быть конкурентоспособным, воспринимает и приспособливает к своим условиям лучшее из коллективного опыта человечества. Европа не арабизировалась, заимствовав новую для себя цифровую систему. И не китаизировалась приняв и усовершенствовав фарфор, порох и чай. Как не перестала быть в высшей степени самобытной страной Индия, сделав английский язык сред-

ством национального общения. Скорее, наоборот, без этого она вряд ли превратилась бы за полстолетия в единую великую державу.

В начале 1990-х годов немало копий было сломано вокруг теории Самьюэла Хантингтона о грядущем «столкновении цивилизаций» как контрапункте международной политики в XXI столетии. Многие увлеклись тогда выискиванием в размышлениях почтенного профессора едва ли не «тайных сигналов» к началу подготовки Третьей мировой войны. Между тем данная теория констатировала объективные изменения, начавшиеся еще до краха биполярного миропорядка. Мир становится слишком разнообразным, а процессы, происходящие в различных уголках планеты, столь масштабны, что ни одна даже самая сильная держава уже не способна в одиночку оказывать на них решающее влияние, а тем более контролировать их. Для России это, в частности, означает необходимость сформулировать свою цивилизационную принадлежность, определиться со своей геостратегической нишей.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ РОССИИ

Наиболее перспективной представляется идентификация России как европейской страны, как части большой, объединяющейся Европы.

На этом пути имеется целый ряд как объективных, так и субъективных трудностей. Десятилетия советской власти только усугубили отечественную мифологию об «особом предназначении» страны и народа. Разумеется, Россия значительно отличается от многих других субъектов общеевропейского пространства, которое, впрочем, само весьма неоднородно. Испания и Греция очень мало похожи, например, на Швецию и Финляндию, но все эти страны входят в одну цивилизационную семью.

Как часто бывало в истории России, на рубеже веков ей предстоит решить, является ли она самой восточной страной Запада или же самой западной страной Востока. В рамках какой макроструктуры органичнее реализуется российская самобытность? Где в наиболее полной мере раскрывается созидательный потенциал страны и сдерживается разрушительный? На мой взгляд, ответ ясен: российская специфика, уже оказавшая самое благотворное влияние на мировую цивилизацию, способна в XXI веке оптимально проявиться внутри общего европейского (шире — евро-атлантического) пространства, а не за его пределами.

Конечно, в отношениях России и с отдельными европейскими странами, и с Европейским союзом еще достаточно недопонимания и взаимных подозрений. Однако непредвзятый анализ показывает, что бюрократически-процедурные разногласия Москвы и Брюсселя по большей части не острее споров Брюсселя, скажем, с Вашингтоном. То же и в случае стран Центральной и Восточной Европы: яростные антироссийские нападки звучат из двух-трех столиц, давно известных своей исторической закомплексованностью и амбициями, ничем в реальности не оправданными.

Отсюда следует, что гневными филиппиками в адрес «высокомерных евробюрократов» или «неблагодарных» экс-членов советского блока, смеющих «тявкать» на бывшего патрона, проблем в отношениях с европейцами мы не решим. Тем более что многие из этих проблем коренятся прежде всего в нашей собственной внутренней политической зашоренности и инфантильности.

Так, у нас нет недостатка в тех, кто видит в стремлении Европы активизировать свою политику на постсоветском пространстве одни лишь угрозы российским национальным интересам. В последние 10–15 лет ЕС действительно стремится расширить зону своего влияния. Однако валить все в одну кучу не следует. Есть объективное тяготение малых стран, включая республики бывшего СССР, к сближению с сильными и богатыми соседями. Сотрясать воздух по этому поводу — только напрасно тратить время.

Если Россия хочет сохранить, а тем более расширить зону своего влияния, единственный способ — ускоренное развитие собственной экономики, инвестиционного и научного потенциала. Причем модель должна быть диверсифицированной, направленной на реальное стимулирование структурных реформ, на отход от «сырьевой ориентации». Иначе мы объективно не сможем стать примером для большинства государств мира, не обладающих столь обширной и разнообразной сырьевой базой, как наша страна. (Еще раз напомним, что в новейшей истории человечества еще не было случаев успешной авторитарной модернизации в странах с сырьевой экономикой.) Едва ли Россия вновь хотела бы явить миру образец того, «как не надо делать реформы».

Европейцы не заинтересованы в конфронтации с нами, но, конечно, являются серьезными конкурентами. Они готовы и Россию воспринимать как конкурента, в том числе агрессивного и неуступчивого. Но «энергичность» и «неуступчивость» должны выражаться

не в милитаризации, не в примитивных угрозах «перекрыть вентиль», не в попытках возродить жесткое единоначалие во всех сферах жизни и не в пренебрежении правами и свободами.

Страхи европейцев связаны не с тем, что мы сумеем восстановить «империю» (они прекрасно понимают, что это невозможно). Наши соседи боятся того, сколько дров еще наломают российские «государственники» в безнадежных попытках остановить поезд истории. Лишь самые отъявленные европейские русофобы (а такие существовали на протяжении всей нашей истории) действуют по принципу «чем хуже, тем лучше». Они надеются, что Россия, поддавшись эмоциям, вновь соскользнет к конфронтации, самоизоляции и доживающим свой век «идеям чучхе».

Убежден, впрочем, что устремления «возродить Россию», одновременно восстанавливая пещерные образцы советско-российско-имперской модели, неприемлемы и для большинства наших сограждан. Хотя, конечно, относительный рост их благосостояния в последние годы вкупе с определенной направленностью государственной пропаганды притупляет воспоминания о негативных аспектах советской жизни у ряда категорий населения, воздействует на молодежь, не успевшую вкусить все «прелести» советской системы.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Сила современного государства заключается в первую очередь (и в решающей степени) в сочетании компетентности и гибкости. Конкурентоспособный государственный механизм обязан быть модератором (лидером-посредником) ключевых процессов в жизни нации. Причем управлять не самими первичными процессами, а производными от них. Оптимально — производными от производных (вторыми производными, как говорят математики). Цепляясь же за старые стереотипы традиционной «державности» (производной от «держать и не пущать»), российские правящие круги рискуют растратить остаток национальных ресурсов на охранение фантомов своей исторической памяти. «Мобилизация элиты» посредством несостоятельных советских методов приведет лишь к закоснению государственной структуры, вызовет ступор политического и экономического развития. Вот тогда мы действительно превратимся в легкую добычу для пресловутых «внешних сил». При этом нас никто не станет «завоевывать». Мы или распадемся сами, или станем объектом влияния динамичных постиндустриальных держав.

Единственный эффективный путь развития — раскрепощение возможностей, дабы формировать компетентную и дееспособную, национально ориентированную элиту. Эффективность и стабильность правящего класса достижимы лишь при условии его высокой вертикальной и горизонтальной мобильности, способности быстро рекрутировать субъекты, умеющие легко адаптироваться к стремительно меняющимся условиям и вызовам внутренней и внешней среды. Наиболее действенным механизмом для регулярного «проветривания» элиты могут быть только демократические процедуры. Они же, как показывает исторический опыт, лучше всего защищают общество от охлократии.

Властная вертикаль не может быть гибкой и эффективной уже в силу своих «архитектурных» особенностей. Современная мировая практика наглядно доказывает превосходство сетевых, распределенных структур управления (исключение составляют правоохранительная система, вооруженные силы и судебная система). При этом внешняя монолитность во многом иллюзорна — ведь нынешняя система состоит из разномасштабных субъектов. Разнобой в интересах и подходах к решению задач одних и идейно-политическая бесхребетность других делают линию, проводимую элитой, совершенно невнятной.

На Россию со всех сторон «сыплются» внешние и внутренние вызовы, а у нас, по сути, все продолжают эксперименты. То с «правильной рассадкой» и «равноудаленностью». То с манипулированием идеологическими концептами для «внутреннего» и «внешнего» употребления... Де-факто продолжается борьба между парадигмами свободной рыночной экономики и расширенного вмешательства государства в экономическую жизнь — не без поощрения властей. Возрождаются худшие образцы советской управленческой традиции. Важнейшие решения принимаются келейно, в то время как конституционные учреждения, призванные вырабатывать государственную политику, систематически игнорируются. Серьезные опасения внушает и то, что опорой для реализации государственных решений часто служат силы и институты, объективно не заинтересованные в преобразованиях и даже враждебно настроенные против них.

В этих условиях дальнейшее углубление отношений с Евросоюзом полезно и с точки зрения изучения и адаптации современных механизмов и технологий государственного управления. Особенно по той причине, что речь идет об обширной территории, состоящей из субъектов с неодинаковым уровнем экономического развития.

Европейский союз накопил значительный опыт регионального и отраслевого развития в условиях жесткой международной конкуренции. Поучительна и работа европейцев в области экономического протекционизма. Нашей стране есть что почерпнуть у них, избежав чужих ошибок и не начиная с чистого листа там, где уже есть алгоритмы успешного решения задач.

Наконец, Россия, более тесно интегрированная в Европу, просто не может утратить свою цивилизационную специфичность. Мы всегда были частью Старого Света, испытывали на себе его влияние и сами воздействовали на европейские дела самым непосредственным образом. Христианские ценности, составляющие суть европейской цивилизации, столь же органичны для нас, сколь и для абсолютного большинства европейских наций. (Даже самый яростный российский «почвенник» не возьмется утверждать, что Русь потеряла свою специфичность, приняв христианство.) Старый континент объединяется, однако продолжает оставаться Европой отечеств, в том числе российского Отечества. Нельзя отвергать то, что составляет естественную часть нашей идентичности. Только вместе мы выдержим цивилизационное давление азиатского, американского и прочих мощных цивилизационных магнитов.

Наиболее серьезные и влиятельные европейские государства в целом демонстрируют понимание того, что сколько-нибудь внятная политика невозможна без учета фактора России. Многие события глобального масштаба (ситуация в Ираке и на Ближнем Востоке, обострение проблемы распространения ОМУ) показывают, что совместные действия России и Европейского союза имеют, как правило, больший вес в международных делах, нежели соло каждого в отдельности.

Чрезвычайно важно, чтобы остальной мир смотрел на нас именно как на часть европейской системы. Европейская идентификация России в значительной степени сняла бы политическую неопределенность, сохраняющуюся в восприятии нашей страны соседними государствами. Неопределенность же, как известно, порождает сомнения и даже озабоченность. Стратегическое позиционирование России как европейской державы помогло бы сбалансировать и в долгосрочной перспективе придать качественно новую динамику и нашим отношениям с новыми независимыми государствами, включая Украину и Белоруссию, со странами Центральной и Восточной Европы.

В Старом Свете вновь обострилась дискуссия о перспективах вразумительной европейской политики без учета фактора России. Крайне опасно оказывать — вольно или невольно — помощь тем, кто хотел бы прочертить «окончательную» границу между Европой и не-Европой чуть западнее Смоленска и Белгорода. Где будет проходить эта граница, как она будет выглядеть — решит история. И уже сейчас эта история формируется в противостоянии двух основных европейских подходов к современной России.

Один исходит из того, что Россия должна оставаться внешним фактором для интегрированной Европы, быть ее ресурсно-энергетическим подбрюшьем и выполнять вспомогательную работу по обеспечению европейской безопасности. В остальном же Евросоюзу следует дозировать степень вовлеченности России, ограничиваясь декоративными, внешними формами сотрудничества.

Сторонники другой тенденции осознают, что шансы на сохранение передовой роли в глобальном мире скорее принадлежат Европе, объединяющей де-факто все государства на пространстве от Лисабона до Владивостока. Чтобы оставить за собой к середине наступившего столетия лидирующие позиции на международной арене, Старому Свету понадобится концентрация всех экономических, технологических, геополитических и культурных ресурсов. При этом российско-европейская ситуация рассматривается менее утилитарно, не отвергается с порога и стратегическая перспектива превращения России во «внутренний фактор» общеевропейской интеграции.

У нас, в свою очередь, все чаще звучат сомнения относительно того, насколько стратегически оправданно европейское развитие страны, ее политических институтов — но, что интересно, не экономики. В России явственно наметилось тяготение к некоей неовизантийской стратегии. Однако Византия, как известно, не сошлась с Европой и погибла, не справившись с вызовами новых времен. Так куда же стремимся мы?

Многополярность и демография

Анатолий Вишневский

XX век стал временем невиданного в истории ускорения роста населения Земли вследствие несинхронных показателей изменений смертности и рождаемости в процессе мирового демографического перехода. Темпы роста достигли максимума в 1960-е годы, в последующие три десятилетия они постепенно снижались, и эта тенденция продолжается. Тем не менее в середине XXI столетия на Земле будет жить примерно в 5–7 раз больше людей, чем в начале XX века. Расселение людей по планете никогда не было равномерным, но мировой демографический взрыв резко усилил эту неравномерность.

Главный глобальный вызов демографического взрыва, порождающий в свою очередь цепочку других вызовов, — экономический. Он обусловлен колоссальным увеличением потребностей вследствие появления миллиардов дополнительных потребителей и роста среднего уровня запросов каждого из них. В результате попыток ответить на взрывоподобный рост глобальных потребностей интенсификацией производства во всех его формах, включая и самые традиционные, нарушение равновесия между жизнедеятельностью людей и используемыми ими природными ресурсами приобрело общемировые масштабы.

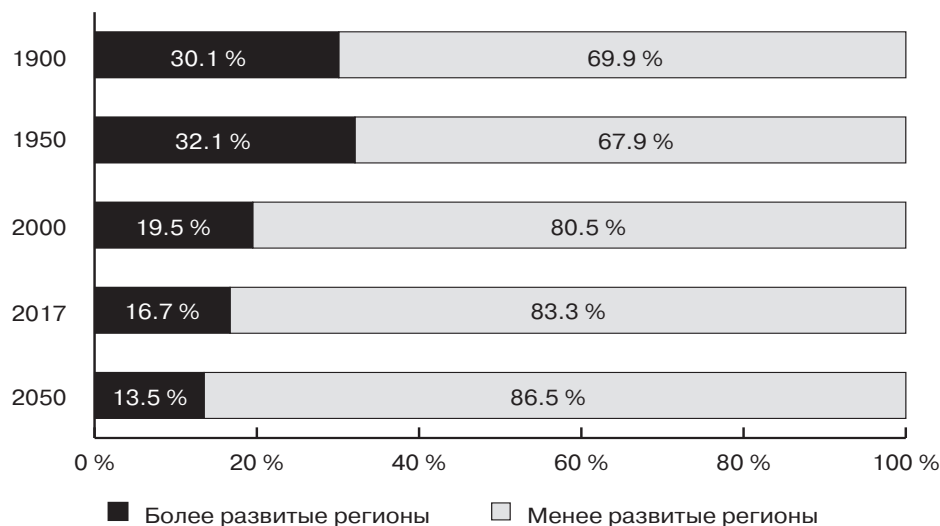
А.Г. Вишневский — д. э. н., директор Института демографии Государственного университета — Высшей школы экономики, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике». Данная статья представляет собой сокращенный вариант главы, которая выйдет в свет в коллективной монографии «Россия и мир — 2020: новая эпоха».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВЗРЫВА

В современном мире экономические и экологические проблемы могут легко трансформироваться в политические, а то и военно-политические вызовы. В той мере, в какой они вытекают из демографической ситуации, у этих вызовов есть два ряда причин, которые можно условно назвать международными и внутренними.

Международные причины очевидны. Демографическая асимметрия мира резко обостряет экономические диспропорции, противостояние бедных и богатых государств, конкуренцию за ресурсы в условиях их нарастающего дефицита. В то же время подобный ход событий подталкивает развивающиеся страны к модернизации, а это коренным образом изменяет соотношение сил на мировой арене. В воздухе носится идея передела мировых богатств.

Рис. 1. Доля в мировом населении более развитых и менее развитых регионов в 2025 и 2050 гг. (по среднему варианту прогноза ООН 2006 г.)

Внутренние причины связаны с тем, что модернизация, разрушая традиционные социальные структуры и институты, жизненный уклад десятков и сотен миллионов людей, создает множество неизвестных прежде каналов экономической и социальной мобильности. Люди приобщаются к новому образу жизни, вырабатывается иная система норм, институтов, ценностей. Однако многие эконо-

мические, социальные и демографические обстоятельства тормозят модернизацию и снижают ее темпы. Пропускная способность каналов социальной мобильности расширяется крайне медленно и не соответствует потребностям формирующихся социальных слоев. В обществе накапливается недовольство, которое обостряется на фоне неизбежного конфликта между полуразрушенными старыми и еще не полностью созревшими новыми формами жизни.

Повсеместно возникают контрмодернистские (обычно антизападные) идеологии и политические движения. Идеализируя прошлое, они ищут опору в традиционных ценностях, религиозном фанатизме, националистическом экстремизме и т. п. Парадокс истории состоит в том, что движущей силой подъема традиционализма, как правило, являются модернистские устремления.

Эта чрезвычайно сложная ситуация плохо осознается даже учеными, ее анализ зачастую подменяется конструированием поверхностных схем. Примером может служить концепция «столкновения цивилизаций» Самьюэла Хантингтона, подчеркивающая непроницаемость границ между «цивилизациями».

Между тем в действительности происходит стремительное усвоение достижений (и противоречий) промышленно-городской цивилизации сельскими, крестьянскими обществами, которые вынуждены за очень короткое время совершать переход из одной исторической эпохи в другую. Именно трудности столь быстрого перехода порождают промежуточные социальные состояния. Они крайне неустойчивы политически и чреваты вспышками беспорядков и насилия, государственными переворотами, кровавыми этническими конфликтами, военными авантюрами, ростом внутреннего и международного терроризма.

Ситуация осложняется важным, но, как правило, недооцениваемым демографическим фактором. Отметим, что выражение «Третий мир» — в противовес Первому (капиталистическому) и Второму (социалистическому) — было впервые введено в употребление французским демографом Альфредом Сови именно на основе анализа мировой демографической ситуации.

Одно из следствий демографического взрыва в развивающихся странах — их исключительно молодое население. Половина жителей России моложе 37 лет, Европы — 39, таких стран, как Германия и Италия, — 42, Японии — 43 лет. Между тем в Афганистане половина населения — это дети и подростки в возрасте до 16 лет, в Демократической Республике Конго, которая по числу жителей со вре-

менем обгонит Россию, — до 15 лет. Средний возраст всего населения Африки — 19 лет, Азии — 28 лет. К 2025-му медианный возраст населения повысится в России до 42 лет, в Европе — до 44, в Северной Америке — до 37 лет. В Африке же он сдвинется лишь к 22 годам, в Азии — к 34 годам. Таким образом, и сейчас, и в обозримом будущем огромной частью населения развивающихся стран будут подростки и молодые люди, незрелые в социальном отношении и в массе своей необразованные. Они не имеют ясных перспектив и легко поддаются манипулированию, склонны к религиозному или политическому фанатизму.

Все это усиливает политическую неустойчивость, которая ощущается во многих густонаселенных странах. Вписываясь в общие процессы глобализации, она грозит дестабилизировать обстановку в мире и привести к крупномасштабным военным конфликтам. При наличии у противоборствующих сторон современных средств массового уничтожения такие столкновения смертельно опасны для всего человечества.

НЕОБХОДИМОСТЬ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

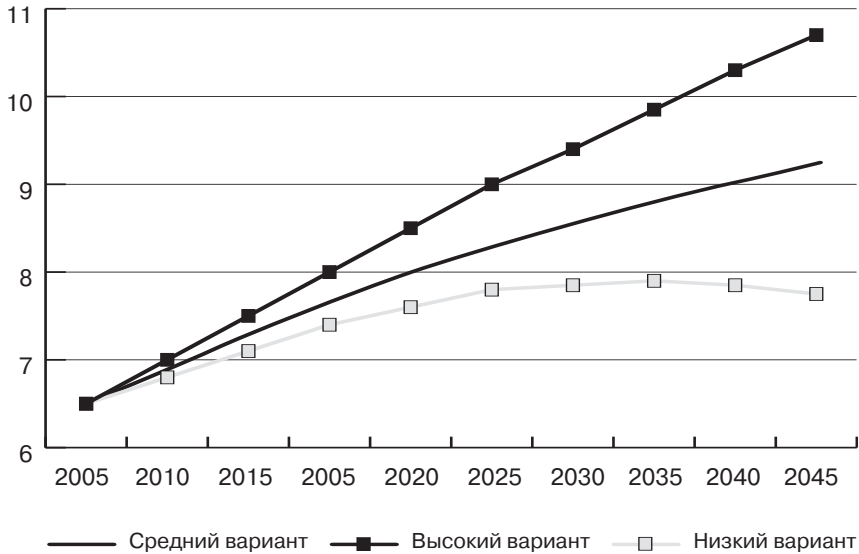
Очевидно, что международное сообщество должно направить усилия на снижение давления в мировом «котле». Один из способов — влияние на глобальную ситуацию с целью скорейшего завершения демографического взрыва и постепенного сокращения численности населения планеты. Единственный приемлемый способ такого воздействия — снижение рождаемости в развивающихся странах.

К настоящему времени на этом пути достигнуты немалые успехи. С середины до конца XX века рождаемость в менее развитых регионах снизилась практически вдвое. Однако она все еще значительно выше, чем требуется (при нынешнем уровне смертности) даже для стабилизации численности населения. Соответственно и мировое население продолжает расти довольно быстро, хотя и медленнее, чем в 50–70-х годах прошлого столетия.

Тем не менее рождаемость сокращается, и есть основания надеяться, что примерно в середине века рост числа жителей планеты прекратится. Но этого, скорее всего, недостаточно.

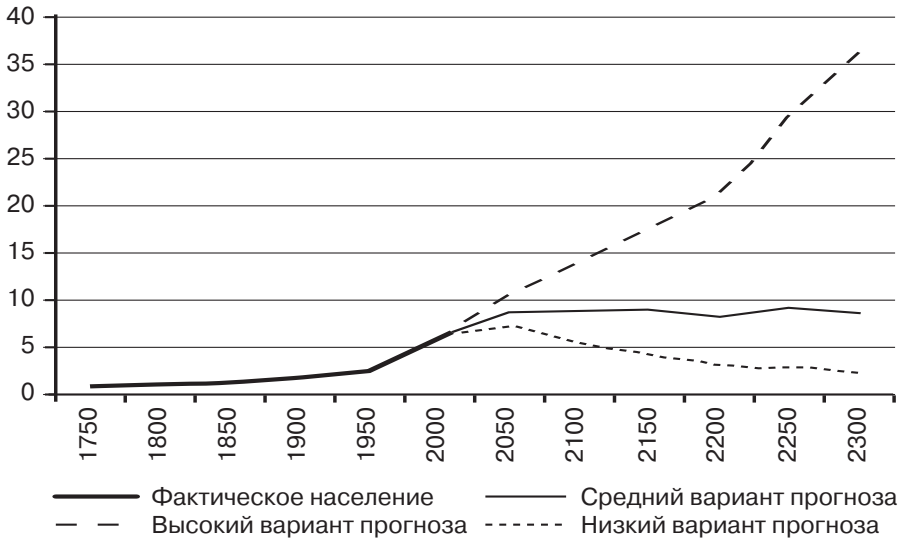
В соответствии с долгосрочным прогнозом ООН, можно выделить три версии роста населения планеты. Развитие ситуации по «высокому» сценарию — это прямой путь к катастрофе. Но и «средний» сценарий не внушает большого оптимизма (рис. 2).

Рис. 2. Численность населения мира до 2050 г. (по трем вариантам прогноза ООН 2006 г.), млн чел.

Источник: United Nations Population Division. World Population Prospects: The 2006 Revision and World Urbanization Prospects: The 2005 Revision, <http://esa.un.org/unpp>

Рис. 3. Численность населения мира до 2300 г. (по трем вариантам долгосрочного прогноза ООН 2003 г.), млрд чел.

Источник: United Nations Population Division, World Population in 2300 (ESA/P/WP.187)

«Стабильные» 9 млрд человек, помноженные на растущие нужды «среднего» жителя Земли, дают такой совокупный объем потребностей, удовлетворить которые едва ли возможно. Единственный путь, позволяющий сохранять оптимизм, — это развитие по «низкому» сценарию, предполагающему постепенное сокращение численности населения. В отдаленном прошлом (не менее 200 лет назад) число жителей Земли было примерно таким же, как в середине XX столетия, т. е. перед началом демографического взрыва (рис. 3). Следовательно, необходимо, чтобы рождаемость в мире опустилась ниже уровня простого воспроизводства.

Стратегия замедления демографического роста остается, пожалуй, единственным и не создающим дополнительных проблем способом относительно успешного ответа на глобальные вызовы. Хотя она не всегда эффективна и порой проводилась с большой жесткостью (Китай).

ГЛОБАЛЬНОЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

На протяжении истории важным механизмом глобального демографического регулирования не раз оказывалось перемещение людей из густонаселенных регионов в менее обжитые. В XIX и XX столетиях ускорившийся рост числа жителей Европы снова включил этот механизм. Вплоть до середины прошлого века преобладало движение из экономически развитых стран Старого Света в колонизируемые регионы, в основном на неосвоенные либо слабо освоенные территории Нового Света и Океании. С 1820 по 1940 год из Европы за океан выехало более 60 млн человек.

Однако во второй половине XX века демографическая асимметрия и экономическая поляризация Севера и Юга привели к изменению направления межконтинентальной миграции и ее масштабов. Только за 30 лет (1960—1990) из южных районов в северные переместилось около 60 млн человек (примерно столько же в свое время выехало из Европы за океан за 120 лет), и этот поток не сокращается. Более того, годовые темпы увеличения количества переселенцев возросли с 1,4 % (1990—1995) до 1,9 % (2000—2004). С 1990 по 2005 год число мигрантов в мире выросло на 36 млн человек, причем 92 % из них (33 млн) переехало в промышленные страны. Среднегодовое сальдо миграционного обмена развитых государств с развивающимися в пользу первых составило в 2000—2005 годах 2,6 млн человек в

год, или 2,2 %. Эти цифры привел на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в мае 2006-го Генеральный секретарь этой организации.

Согласно среднему варианту прогноза ООН (как представляется, заниженному, поскольку он предполагает сокращение притока мигрантов в развитые страны после 2010 года), за первую половину XXI века в эти страны смогут переместить еще 120 млн человек.

Движение жителей Юга на Север стало новой мировой реальностью, которая ведет к существенным изменениям этнического состава развитых стран. Уже к середине столетия белое неиспаноязычное население может перестать быть большинством в США. Во многих европейских государствах доля мигрантов и их потомков превысит четверть и приблизится к трети населения, но будет увеличиваться и далее.

Создав эффективный механизм перераспределения финансовых ресурсов между Югом и Севером, миграция превратилась в важный экономический компонент современных международных отношений. По оценке Всемирного банка, уже в конце 1980-х годов средства, которые мигранты ежегодно пересылали своим родственникам, в совокупности достигали 65 млрд долларов. (Сумма уступает только общим доходам от продажи сырой нефти на тот период.) В начале 1990-х получаемая странами Третьего мира часть доходов мигрантов составляла 31 % прибыли от внешнеэкономической деятельности Египта, 26 % – Бангладеш и Иордании, 25 % – Судана, 23 % – Марокко и Мали. С тех пор роль международных трансфертов зарабатываемых мигрантами средств значительно выросла. В период между 1995 и 2005 годами общая сумма денежных переводов, направляемых в развивающиеся страны, увеличилась (вероятно, по заниженным оценкам) с 58 до 167 млрд долларов и существенно превысила объем всей международной помощи Третьему миру. Согласно данным ООН, в 2004-м денежные переводы, поступившие от мигрантов в развивающиеся страны, составляли 1,7 % их ВВП. Три крупнейших получателя этих доходов – Китай, Индия и Мексика. Но большинство из 20 стран, в которых на долю денежных переводов приходится по крайней мере 10 % ВВП, составляют малые развивающиеся страны.

Хотя большая часть этих средств используется на потребление, нельзя сказать, что они просто проедаются. В частности, деньги мигрантов зачастую служат основным источником покрытия расходов на образование и медицинские услуги, способствуя накоплению человеческого капитала.

Однако значимость мигрантов измеряется не только деньгами. Приобретаемые ими профессиональные знания и социальный опыт превращают их в агентов модернизации, носителей новых технологических и институциональных представлений, проводников современного социального и политического мышления.

ГРАНИЦЫ МИГРАЦИОННОЙ ЕМКОСТИ СЕВЕРА

Миграция с бедного Юга на богатый Север представляется, таким образом, вполне логичной. И кажется естественным, что потоки, сформировавшиеся во второй половине XX века, не только сохраняются, но и расширяются. Но переселенцы все чаще сталкиваются с серьезными препятствиями ввиду ограниченности миграционной емкости развитых государств.

Эти страны стали поощрять иммиграцию, когда в период послевоенного экономического роста испытывали нехватку рабочей силы, особенно неквалифицированной. Иммиграция способствовала их хозяйственному подъему. Но и Третий мир получил немалую экономическую выгоду, не говоря уже о пользе непосредственного соприкосновения с современной культурой. Так на какое-то время интересы сторон совпали (по крайней мере, частично). Однако постепенно стала обнаруживаться противоречивость найденного, казалось бы, пути.

Прежде всего дает себя знать количественное несоответствие. Потребности развитых государств в привозной рабочей силе, особенно если она служит структурным дополнением к уже имеющимся трудовым ресурсам, ограничены, тогда как потенциальное предложение развивающихся стран практически безгранично.

Согласно произведенным недавно оценкам, в 2050 году в развитом мире понадобится 513 млн рабочих мест — на 84 млн меньше, чем в 1995-м. А развивающемуся миру для трудоустройства населения потребуется 3 928 млн рабочих мест — на 1 806 млн больше, чем в 1995 году. Даже если считать эти оценки приблизительными, бросается в глаза разительное несоответствие величин, свидетельствующих о неспособности Севера удовлетворить спрос развивающегося мира на рабочие места.

Дело, однако, далеко не только в емкости рынка рабочей силы. Серьезные проблемы связаны с ограниченными возможностями социально-культурной адаптации иммигрантов. До тех пор пока количество переселенцев — носителей иных социокультурных, правовых,

политических традиций и стереотипов относительно невелико, они достаточно быстро растворяются в местной среде. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, они образуют более или менее компактные анклав. Интеграционные процессы замедляются, возникает межкультурное напряжение, которое усиливается экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения. Все это неизбежно порождает маргинализацию иммигрантов (по крайней мере, временную), ведет к кризису и раздвоению культурной идентичности. В результате достаточно широкие массы становятся восприимчивы к упрощенным «фундаменталистским» идеям, которые помогают избавиться от культурной раздвоенности и, как кажется, вновь обрести свое «я». При этом процесс интеграции блокируется, и многие (хотя, конечно, не все) иммигранты оказываются в оппозиции к принимающим их обществам. Иногда это противостояние приобретает крайне агрессивные формы.

Ситуация усугубляется тем, что параллельно обостряется кризис культурной идентичности в странах исхода. Постепенно продвигаясь по пути модернизации, страны Третьего мира вступают в крайне болезненный период внутреннего конфликта, жесткого противостояния ценностей традиционного и современного обществ.

В то же время государства, использующие иностранную рабочую силу, начинают осознавать ограниченность своей иммиграционной емкости. Развертываются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится картой в политической игре. Нарастают антииммиграционные настроения, и усиливаются меры по ограничению притока иностранцев. Однако реальное сокращение исхода населения из развивающихся стран в развитые маловероятно, и миграционное давление Юга на Север превращается в еще один глобальный вызов.

РОССИЯ И НОВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Россия принадлежит к мировому демографическому меньшинству, входит в «золотой миллиард». Это сближает ее с другими странами Севера и в то же время требует осмысления как ситуации внутри «золотого миллиарда», так и отношения к остальному миру.

Серьезному испытанию на прочность подвергается представление о биполярном мире, якобы существовавшем до недавнего времени. На

самом деле, это была биполярность не мира, а Севера, в основном совпадающего со странами расселения «золотого миллиарда». Она поставлена под сомнение как изменением соотношения сил внутри Севера, так и постепенной утратой им роли единственного, пусть и «двуглавого», мирового центра принятия решений.

Тенденции международного развития подталкивают к поискам оптимальной внутренней конфигурации стран «золотого миллиарда». Будет ли она моноцентрической, бицентрической, полицентрической? Что больше отвечает интересам «мирового демографического меньшинства»?

Моноцентричность Севера, которая предполагает определенное неравенство и наличие единственного центра принятия решений, пытающегося взять на себя и всю ответственность, едва ли реализуема.

Странам европейской культуры, имеющим более или менее общие историческое прошлое и систему ценностей, более богатым, а главное, находящимся на стадии индустриально-городской цивилизации, противостоит многонаселенный, но бедный развивающийся мир. Для защиты общих интересов требуются консолидация сил и объединение ресурсов «золотого миллиарда». Трудно, однако, представить себе развитые страны, еще недавно разделенные идеологиями «капитализма» и «социализма», как нечто совершенно однородное. Природа сложных систем требует их внутренней дифференциации и структурирования растущего внутреннего разнообразия.

Поиски нового структурирования, отвечающего условиям меняющегося мира, идут уже не одно десятилетие. Страны Севера все яснее осознают себя экономическими, политическими и военными единицами, недостаточно крупными для того, чтобы выступать на мировой арене порознь. Это соображение, например, принималось во внимание при создании, укреплении и расширении Европейского союза. В одиночку ни одна европейская страна не может выступать в качестве центра экономической или политической силы, соизмеримой с Соединенными Штатами, а Евросоюз может. (В 2007-м население самой большой страны ЕС — Германии — составляло 82 млн человек, а всего в объединенной Европе проживало 497 миллионов.) При этом взаимоотношения Европейского союза и США, будучи конкурентными, не становятся конфронтационными, что во многом связано с пониманием общности коренных интересов перед лицом мировых вызовов.

Осознаны ли в полной мере требования нового мирового структурирования в России? Скорее всего, нет. Претензии Москвы на со-

здание «третьего северного центра силы» (в дополнение к США и ЕС) если иногда и обозначаются, то слабо и невнятно, серьезных практических шагов в этом направлении не делается. Когда же Россия в одиночку пытается играть роль такого центра в общемировом масштабе, это свидетельствует о явной переоценке ею своего экономического и демографического веса.

Даже если оставаться в рамках только демографической логики, то нынешняя политика Москвы не может не вызвать беспокойство. Россия — самая населенная страна Европы, однако ее планка в мировой демографической иерархии устойчиво понижается. В 1993 году численность населения России достигла максимума — 148 млн человек, с тех пор уменьшилась более чем на 6 млн и продолжает снижаться. Но даже и 148 млн в наши дни — это далеко не то же самое, что 130 млн жителей Российской империи в конце XIX века, когда они составляли 8 % населения планеты. Напомним, что на территории США ныне проживают 306 млн человек, а в государствах ЕС — 497 миллионов.

В середине XX столетия Россия в ее нынешних границах уступала по численности населения только трем странам — Китаю, Индии и США. К 2000-му ее обогнали Индонезия и Бразилия, и она передвинулась с четвертого (если не считать СССР) на шестое место. Затем Россию опередили также Пакистан, Бангладеш и Нигерия, что отодвинуло ее на девятую позицию. Согласно среднему варианту прогноза ООН (пересмотр 2006 г.), Россия сохранит за собой девятую строчку и в 2017, и даже в 2025 годах, но к середине века потеряет еще несколько позиций и отступит на 15-е место. (При корректировке прогнозов ООН, которая производится каждые два года, ситуация несколько меняется. Так, по прогнозу-2000 Россия в 2050 г. занимала 17-е место, по прогнозу-2002 — 18-е, по прогнозу-2004 — 17-е; см. табл. 1).

Какими бы ни были экономические или военные возможности «третьего северного центра», он не может состояться и стать конкурентоспособным без наращивания демографического веса.

Если Россия заинтересована в появлении «третьего северного центра», она должна стремиться к созданию более крупного наднационального межгосударственного сообщества, чего-то вроде Евросоюза. Сейчас единственная возможность для этого — хотя бы частичное восстановление геополитического единства бывшего советского пространства, но на совершенно иной, неимперской, основе, без каких бы то ни было попыток воссоздания СССР.

Таблица 1. Место России в мировой демографической иерархии

1950 г.			2000 г.			2007 г.			2025 г.			2050 г.		
									Прогноз 2006 г.			Прогноз 2006 г.		
А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В	А	Б	В
1	Китай	554,7	1	Китай	1 275,2	1	Китай	1 328,6	1	Индия	1 447,5	1	Индия	1 658,3
2	Индия	357,6	2	Индия	1 016,9	2	Индия	1 169,0	2	Китай	1 445,8	2	Китай	1 408,8
3	СССР	178,5	3	США	285,0	3	США	305,8	3	США	354,9	3	США	402,4
4	США	157,8	4	Индонезия	211,6	4	Индонезия	231,6	4	Индонезия	271,2	4	Индонезия	296,9
5	Россия	102,7	5	Бразилия	171,8	5	Бразилия	191,8	5	Бразилия	228,8	5	Пакистан	292,2
			6	Россия	145,6	6	Пакистан	163,9	6	Пакистан	225,0	6	Нигерия	288,7
						7	Бангладеш	158,7	7	Нигерия	210,1	7	Бангладеш	254,1
						8	Нигерия	148,1	8	Бангладеш	206,0	8	Бразилия	254,1
						9	Россия	142,5	9	Россия	128,2	9	Конго	186,8
									10	Эфиопия		10	Эфиопия	183,4
									11	Филиппины		11	Филиппины	140,5
									12	Мексика		12	Мексика	132,3
									13	Египет		13	Египет	121,2
									14	Вьетнам		14	Вьетнам	120,0
									15	Россия		15	Россия	107,8

А – Ранг; Б – Страна; В – Население, млн чел.

Для движения по этому пути следовало бы использовать потенциал Содружества Независимых Государств, пока непрерывно слабеющий. Учитывая демографическую и экономическую ситуацию, самым естественным и выгодным было бы начать с создания единого рынка труда стран СНГ. В этом случае снималась бы проблема надвигающейся на Россию угрозы дефицита рабочей силы, появился бы промежуточный механизм по подготовке части мигрантов к натурализации, а Москва, благодаря своим нынешним экономическим преимуществам, автоматически заняла бы место общепризнанного неконфронтационного лидера Содружества.

В будущем единый рынок труда мог бы сыграть роль Европейского объединения угля и стали. (Эта организация, созданная в 1951-м при активном участии недавних смертельных врагов — Германии и Франции, затем превратилась в Европейское экономическое сообщество.) К сожалению, сейчас развитие идет в противоположном направлении.

Однако демографический потенциал даже всех стран СНГ также не очень велик. Численность населения многих из них будет снижаться — помимо России это Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина. Соответственно уменьшится общее число жителей региона (см. табл. 2).

Таблица 2. Численность населения стран СНГ, США и ЕС в 1950, 2007, 2025 и 2050 гг. (по среднему варианту прогноза ООН 2006 г.), тыс. чел.

	1950 г.	2007 г.	2017 г.	2050 г.
Азербайджан	2 896	8 467	9 508	9 404
Армения	1 354	3 002	2 908	2 458
Белоруссия	7 745	9 689	8 668	6 960
Грузия	3 527	4 395	3 945	3 134
Казахстан	6 703	15 422	16 987	17 312
Киргизия	1 740	5 317	6 208	6 566
Молдавия	2 341	3 794	3 496	2 883
Россия	102 702	142 499	128 193	107 832
Таджикистан	1 532	6 736	8 929	10 760
Туркмения	1 211	4 965	6 068	6 780
Узбекистан	6 314	27 372	33 963	38 386
Украина	37 298	46 205	39 879	30 937
СНГ	175 363	281 718	268 752	243 412
США	157 813	305 826	354 930	402 415
ЕС-27	377 103	497 105	502 674	484 768

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. World Population Prospects: The 2006 Revision

Поэтому, даже если создание «третьего северного центра» за счет сближения бывших советских республик и состоится, Москве придется принимать меры по наращиванию демографического потенциала, двигаясь по трем главным направлениям: повышение рождаемости, снижение смертности, привлечение иммигрантов.

Следует остерегаться утопических надежд на то, что успех на первых двух направлениях избавит от необходимости крупномасштабной иммиграции. Все имеющиеся прогнозы показывают, что это не так и серьезный демографический подъем возможен только за счет миграционных потоков, причем в значительной мере из-за пределов СНГ. Для этого надо энергично наращивать возможности интеграции мигрантов в российский социум, но до 2020 года рассчитывать на это особенно не приходится.

Сейчас Россия не готова к приему большого числа иностранцев. Общественное мнение настроено крайне недоброжелательно в отношении иммиграции, что сказывается и на позиции власти. Это не соответствует ни императивам глобальной демографической эволюции, ни интересам России. Но изменить ситуацию в ближайшее время едва ли возможно.

РОССИЯ И ТРЕТИЙ МИР

Выстраивая отношения с «золотым миллиардом», Россия должна решать и вопросы сотрудничества с государствами остального мира — прежде всего с азиатскими соседями.

В Азии сильнее и дольше, чем в других частях мира (возможно, за исключением Африки, но это — дело более отдаленной перспективы), будет ощущаться внутреннее напряжение — экономическое, социальное, политическое, культурное, во многом связанное с небывалым ростом населения. Поэтому Азия останется очень неспокойным регионом. Выстраивание стабильных отношений с азиатскими державами — один из внешнеполитических приоритетов России. Однако демографическая логика требует очень взвешенного подхода к взаимодействию с этими государствами.

Нынешние позиции России в «северном клубе», несмотря на все сделанные выше оговорки, все же могут во многом опираться на ее демографический вес, на тот факт, что по численности населения она вторая после США и первая в Европе страна. Но рядом с Китаем или Индией данный аргумент перестает существовать. В 2025-м число жителей каждой из этих стран превысит 1,4 млрд человек, а

к середине века их общее население перевалит отметку в 3 миллиарда. Слишком тесные союзы с такими гигантами способны полностью лишить Россию самостоятельной роли, в лучшем случае — превратить ее в «придаток» (хорошо еще, если не чисто сырьевой).

В России, особенно в слабо заселенной азиатской части, сосредоточены огромные природные богатства. Это не только энергоносители, но и бесценные ресурсы пресной воды, а также бескрайние земельные просторы. Размер пахотных земель на душу населения в мире сократится к 2050 году до 0,08 га. В России же к этому моменту на каждого человека будет приходиться по 1,14 га пахотных земель. Чрезмерное сближение, скажем, с усиливающимся Китаем, где ресурсов явно не хватает, может наложить на Россию «союзнические обязательства», способные в конечном счете привести к ограничению прав как на российские ресурсы, так и на территории, на которых они находятся. Успешно отстаивать свои интересы Москва сможет, только опираясь на солидарность стран Севера, находящихся с ней в одной демографической лодке.

Россия, как в прошлом и СССР, занимает уклончивую позицию по вопросам снижения рождаемости в развивающихся странах. В самой России вновь популярно «антимальтузианство» советских времен. Подвергаются нападкам международные организации, занимающиеся пропагандой планирования семьи, все чаще слышна критика решений Всемирной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 1994), ориентированных на замедление роста населения Земли. Все это играет на руку традиционалистским настроениям, широко распространенным в развивающихся странах, но явно противоречит интересам России. Как и другие государства Севера, она объективно заинтересована в скорейшем прекращении демографического взрыва в Третьем мире. Только сокращение рождаемости в развивающихся странах может стать едва ли не единственным непротиворечивым ответом на многие мировые вызовы.

Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве

Игорь Зевелёв

Отношение России к соотечественникам, оказавшимся за пределами Российской Федерации после распада Советского Союза, наглядно демонстрирует победу прагматизма над фантомами имперского наследия. В то же время политическая риторика в этой области зачастую носит неоимпериалистический характер. Она играет компенсаторную роль в общественном сознании и закладывает основу для возможности более решительных действий в будущем. В чем причина сосуществования жесткой риторики и умеренной политики? Есть ли тенденции, позволяющие говорить о возможности изменения отношения Москвы к проблеме соотечественников?

ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО: НЕУДАЧА СТРАТЕГИИ И СТИХИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

После того как прошел первый шок, вызванный распадом СССР, в центре внимания общественности, а затем и правительства оказалась тема несоответствия концепции Российского государства в пределах, как считали многие, произвольно установленных границ РСФСР и реальной области распространения русской культуры, русского языка и русского национального самосознания.

С 1993 года способом разрешить все проблемы, связанные с этим несоответствием, казалось введение института двойного гражданства. Москва решила обеспечить российскими паспортами всех русских, проживающих в ближнем зарубежье, а также представите-

И.А. Зевелёв — д. полит. н., руководитель представительства Российского агентства международной информации «РИА Новости» в США. Полный вариант статьи выйдет в: *А. Миллер* (ред.). Наследие империй и будущее России. М.: НЛО, 2008.

лей других этнических групп, имевших историческую связь с территорией России. С точки зрения международного права этот путь не был безупречным. Большинство государств не поощряют двойного гражданства. Тем не менее более сорока стран мира хотя и неохотно, но признают его как факт реальной жизни.

Переговоры России с бывшими советскими республиками по поводу введения института двойного гражданства не принесли заметных результатов. Попытки использовать этот, по выражению Андрея Козырева, «важнейший инструмент» в решении «главной стратегической задачи внешней политики России» были реализованы лишь в соглашениях с Туркменистаном, подписанных в декабре 1993-го (когда Борису Ельцину торжественно вручили в Ашхабаде туркменский паспорт), и с Таджикистаном (сентябрь 1995 года). Туркменистан на практике всячески ограничивал получение своими гражданами российских паспортов, а в 2003-м в одностороннем порядке вышел из действовавшего соглашения.

В ноябре 2006 года парламент Киргизии в новой редакции Конституции отменил запрет на двойное гражданство, а в марте 2007-го принял соответствующий закон. В 2007 году в Армении также приняли законодательный пакет, предусматривающий введение института двойного гражданства. Возможно, в будущем эти шаги позволят России заключить надлежащие соглашения с Киргизией и Арменией.

Таким образом, определенных результатов в вопросе о двойном гражданстве Москва достигла только во взаимоотношениях с небольшими государствами — участниками СНГ, где русские общины немногочисленны. Три четверти этнических русских на территории бывшего Советского Союза проживают в Украине, Белоруссии и Казахстане. Отсутствие прогресса по вопросу о двойном гражданстве с указанными тремя странами практически означало провал российской стратегии. Это стало очевидно уже в 1995-м.

Столкнувшись с упорным противодействием других государств, Москва отступила. Однако процесс полулегального обретения второго гражданства на постсоветском пространстве, начавшись в первой половине 1990-х годов, продолжается по настоящее время. Существует достаточно свидетельств того, что число лиц, де-факто имеющих двойное гражданство и не желающих сообщать о своем статусе властям страны фактического проживания, составляет на территории бывшего СССР от одного до двух миллионов. Россия мало делала для того, чтобы остановить этот процесс. Более того, с

1997-го Москва стала поощрять получение гражданами стран СНГ российских паспортов.

Это продолжалось примерно до 2002 года, когда был принят новый «Закон о гражданстве Российской Федерации», ограничивший подобную практику. В соответствии с данным документом, претендент на российский паспорт должен отказаться от гражданства другого государства (ст. 13, ч. 1, п. «г»). Это положение, правда, не имеет обратной силы и не распространяется на тех, кто уже имеет двойное гражданство, и не действует при обретении российского гражданства по рождению. Казалось, что Россия подвела черту. Однако вопрос о двойном гражданстве был неожиданно реанимирован в 2004-м.

Стремясь обеспечить преемственность власти в Украине и привлечь на свою сторону пророссийски настроенных избирателей, Леонид Кучма и Виктор Янукович согласились на подготовку договора об урегулировании вопросов двойного гражданства с Россией. Перспективы ратификации этого документа в Верховной раде да и последовательность Януковича в данном вопросе оставались неясными. Тем не менее российские ведомства приступили к работе над проектом договора. «Оранжевая революция» не позволила претворить замысел в жизнь.

Возрождение идеи о двойном гражданстве в 2004 году показало, что при благоприятных условиях Россия готова вернуться к этому вопросу. В декабре 2006-го первый вице-премьер Дмитрий Медведев заявил, что «международная практика последних десятилетий» отвергает институт двойного гражданства, однако тут же добавил, что вопрос о двойном гражданстве в СНГ может стать актуальным, при уровне интеграции, существующем в Европейском союзе.

С одной стороны, правительства новых независимых государств добились успеха в противодействии официальному введению института двойного гражданства. Если бы они пошли на заключение соответствующих договоров, то количество обладателей российских паспортов, скорее всего, оказалось бы гораздо больше, чем в настоящее время. С другой стороны, страны постсоветского пространства утратили контроль над увеличением числа лиц, де-факто имеющих двойное гражданство.

Преждевременно утверждать, что стихийное распространение двойного гражданства дало России инструмент прямого влияния в соседних государствах. Большинство правительств не признаёт этот институт и рассматривает людей с двойным гражданством исключительно как своих граждан. Это создает правовой тупик, в котором

окажутся любые попытки России защитить обладателей двух паспортов или выступать от их имени. Однако наличие огромного количества людей с российскими паспортами в соседних странах создает определенные условия для роста влияния Москвы в будущем.

КОНЦЕПЦИЯ «СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ УМЕРЕННОСТЬ

Когда попытки ввести институт двойного гражданства де-юре оказались недейственными, главным инструментом в этой области стала принятая в 1994 году программа «Основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». Задуманная поначалу как дополнение к более амбициозной стратегии двойного гражданства, она быстро превратилась в доминирующее направление.

Между тем двойное гражданство могло стать одним из важных механизмов, обеспечивающих лидерство России в регионе, а программа поддержки соотечественников такого потенциала была лишена. Однако, рассматривая русское население в ближнем зарубежье не только в качестве национального меньшинства других государств, но и как своих соотечественников, Москва получила основания, когда это ей выгодно, ставить данную проблему в отношениях с соседями. Создание концепции «Россия и соотечественники» позволило Кремлю рассматривать тему диаспор в качестве внутренней проблемы.

В статье первой Закона о соотечественниках, принятом в 1999-м (последние поправки внесены в 2006 году) дается определение понятия «соотечественники». Таковыми считаются четыре категории лиц: граждане РФ, проживающие за рубежом; лица, имевшие гражданство СССР; эмигранты из Советского Союза и России; потомки соотечественников, «за исключением потомков лиц титульных наций иностранных государств». Статья третья поясняет, что признание своей принадлежности к соотечественникам бывшими гражданами СССР является актом свободного выбора. Ясно, что в первую очередь под соотечественниками понимаются этнические русские. Однако говорить об этом российские власти избегают и включают в данную категорию всех представителей нетитульных групп ближнего зарубежья, а также титульные группы, пока они сохраняют элементы советской идентичности. Новое постсоветское поколение титульных групп — это уже отрезанный ломоть для России.

В 2006-м были приняты три важных документа, которые свидетельствовали о продолжении президентом РФ Владимиром Путиным умеренной политики предыдущего десятилетия: «Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 годы», «Федеральная целевая программа “Русский язык” (2006–2010)» и «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Их изложение включено в раздел «Гуманитарное направление внешней политики» документа «Обзор внешней политики Российской Федерации», обнародованного Министерством иностранных дел РФ в 2007-м.

На «Программу работы с соотечественниками за рубежом» в 2007 году планировалось выделить из государственного бюджета всего 342 млн рублей (в основном на юридическую защиту и социальную помощь). Общая стоимость «Федеральной целевой программы “Русский язык”» — 1,58 млрд рублей, в том числе 1,3 млрд из федерального бюджета. Однако опыт выполнения программы «Русский язык» на 2002–2005 годы не внушает большого оптимизма. По данным аудитора Счетной палаты Валерия Горегляда, из предусмотренных 42 млн рублей было выделено только 1,3 млн, т. е. 3 %. Для сравнения можно отметить, что сразу после выступления на Всемирном конгрессе соотечественников в Санкт-Петербурге в октябре 2006-го, где Владимир Путин говорил об этих программах, президент обратился к делам родного города и объявил о новых проектах инвестиций в его инфраструктуру объемом около 300 млрд рублей.

На программу по переселению в 2007 году было запланировано выделить 4,6 млрд рублей плюс средства местных бюджетов, что, конечно же, явно недостаточно. С помощью этой программы предполагается решать прежде всего социально-экономические проблемы регионов, остро нуждающихся в рабочей силе. Чиновники ожидают, что к 2012-му в Россию из государств — участников СНГ переедут 300 тыс. квалифицированных специалистов с семьями. В одном только 2007 году планировалось принять 50 тыс. человек, однако за первую половину года на переезд решились лишь 10 семей.

НЕОИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И РЕАЛИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
Приведенные выше факты указывают на то, что намерения проводить более решительную политику в отношении русских диаспор

(введение института двойного гражданства с его официальным признанием соседними государствами) так и не были претворены в жизнь, в то время как другие инициативы (укрепление связей с соотечественниками) оставались весьма скромными.

Наиболее радикальные противники умеренного курса говорят о разделенности русского народа и его праве на воссоединение. В период между 1998 и 2001 годами было предпринято несколько попыток облечь такие представления в форму законодательных инициатив. В Государственной думе обсуждались законопроекты «О национально-культурном развитии русского народа», «О праве русского народа на самоопределение, суверенитет на всей территории России и воссоединение в едином государстве», «О русском народе». Однако ни один из них не стал законом. Реалии государственного строительства ставили перед страной совершенно иные задачи, и прагматизм каждый раз одерживал верх над идеологическими конструкциями. После установления в 2003-м жесткого контроля президента РФ над парламентом произошла маргинализация вопроса о русском народе и его праве на воссоединение.

Тема разделенности русских оказалась вытесненной с политического поля еще и потому, что острые территориальные проблемы на постсоветском пространстве возникли не в местах компактного проживания русских. Сепаратистские настроения в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье сформировались не в результате «разделенности русского народа», а по иным историческим причинам. Местные элиты в названных автономных образованиях, недовольные политикой руководства Грузии и Молдавии, стремятся либо к независимости, либо к присоединению к России. Эти настроения прямо не связаны с проблемой «соотечественников», как ее понимают в Москве, хотя довольно значительная часть населения Абхазии (около 200 тыс. человек), Южной Осетии (50 тыс.) и Приднестровья (100 тыс.) воспользовалась предоставленной ей российским законом о гражданстве (в редакциях 1990-х годов) возможностью получить российские паспорта. Контраст между словом и делом в области защиты прав соотечественников нельзя объяснить отсутствием воли и средств.

Дело в том, что, во-первых, Москва всегда рассматривала защиту прав и интересов русских и русскоязычных меньшинств не как цель, а как инструмент для обеспечения лидерства на территории бывшего СССР. Причем этой проблемой часто пренебрегали ради других направлений внешнеполитической деятельности. Когда в

2003-м президент Туркменистана решил выйти из договора о двойном гражданстве, соглашения по газу оказались для российских властей важнее судебных соотечественников. Москва считает, что вопрос о соотечественниках невыгодно снимать с внешнеполитической повестки дня, но никогда не рассматривала его как первостепенный. Исключение составляют ее отношения с Латвией и Эстонией. Однако и тут даже в кризисные моменты, как, например, в конфликте с Таллином весной 2007 года, экономические интересы заставили Россию ограничиваться громкой риторикой и призывами не покупать эстонские продукты.

Во-вторых, в 1990-е стремление Москвы к региональному лидерству не соответствовало ее ограниченным возможностям. Провал военной кампании в Чечне в 1995 году со всей очевидностью продемонстрировал слабость государства и отсутствие консенсуса в обществе. Только потенциальные возможности России и крайняя слабость большинства соседних государств давали какие-то основания для претензий на первенство. Но этот потенциал тогда нельзя было реализовать.

За годы правления Путина ситуация изменилась. Москва приобрела новые механизмы воздействия на страны ближнего зарубежья. Это произошло благодаря бурному экономическому росту, высоким ценам на энергоносители, инвестициям в экономику соседних стран, притоку временных мигрантов, чьи денежные переводы превратились в важнейший источник существования для жителей Азербайджана, Армении, Грузии, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана. Тем не менее способность России использовать «мягкую силу», то есть умение добиваться своего путем убеждения и повышения привлекательности своего образа остаются весьма ограниченными.

Наконец, занять более жесткую позицию в вопросе о русских диаспорах не позволяет федеративная структура самой России. Например, если бы Москва в 1994-м официально поддержала требования Крыма о присоединении или даже о значительном расширении автономии полуострова, внутри самой Российской Федерации могли возникнуть серьезные проблемы, связанные с сутью и легитимностью требований отдельных региональных образований. Делая все для сохранения целостности России, правительства Ельцина, а затем и Путина не могли открыто мешать соседям укреплять свою государственность.

Заявления России о защите соотечественников, быть может, помогли психологически справиться с последствиями распада Совет-

ского Союза. Это частично сняло противоречия, связанные с государственным строительством в нынешних границах России, хотя, по представлению многих россиян, они не отражали ни исторического опыта, ни представлений о «своем» пространстве. Вполне может быть, что империалистическая риторика позволила избежать империалистической политики. В 1992-м Россия ограничивалась только громкими заявлениями. В 1993—1994 годах была предпринята попытка решительных действий, в частности внедрения в жизнь идеи двойного гражданства. После неудачи в этой области оставалось полагаться только на совмещение умеренной политики и жесткого тона. Это продолжилось и в годы президентства Владимира Путина. Конечно, слова тоже могут иметь реальные и зачастую опасные последствия. Но пока «неоимпериалистическая» риторика России не мешает, а отчасти и способствует сохранению умеренности в практических действиях.

ВСЕ БУДЕТ РЕШАТЬСЯ В РОССИИ

Действия России в отношении соотечественников в обозримом будущем станут определяться тремя группами факторов:

- положением и деятельностью самих диаспор;
- характером межгосударственных отношений на постсоветском пространстве;
- направленностью российской внутренней и внешней политики.

Анализ этих составляющих позволяет прогнозировать сохранение нынешних тенденций умеренности на среднесрочную перспективу.

Решающим моментом в положении русских и — шире — русскоязычных общин на постсоветском пространстве является отсутствие прямого насилия, направленного против них. Характерна также слабая мобилизованность и разобщенность русских диаспор. Заметных горизонтальных связей между ними почти нет. Они различаются по размерам, образу жизни и степени интеграции в местное общество. У них нет ни общего противника, ни единого видения своего будущего. Русские общины плохо организованы. Размытость границ между этническими русскими и русскоязычными группами — это еще один немаловажный фактор, сдерживающий объединение под этнонациональными лозунгами.

Исключением можно считать ситуацию в Латвии и Эстонии, где возникли небольшие политические партии, представляющие интересы русскоязычных меньшинств. Однако их деятельность пол-

ностью сфокусирована на решении проблем в рамках латвийской и эстонской государственности и никак не связана с Россией и ее концепцией «соотечественников, проживающих за рубежом». Без участия Москвы проблемы, возникающие у диаспор, скорее всего, останутся вопросами местного значения.

Что касается межгосударственных отношений, то до сих пор вопрос о соотечественниках не оказывался причиной острого противостояния. Соглашения в рамках СНГ, безвизовый режим между большинством стран, психологическое ощущение общности исторического наследия сглаживали остроту проблемы.

Правительства стран на территории бывшего СССР теоретически могут вызвать жесткую реакцию со стороны Москвы, если будут поощрять либо сами инициируют инциденты, угрожающие физической безопасности русского населения. Однако шансы развития событий по такому сценарию невелики. А если не возникнут серьезные кризисные ситуации, вопросу о соотечественниках не суждено будет часто оказываться в центре внимания президента России. Это означает, что политика в большинстве случаев станет формироваться на более низких этажах российской власти.

Реальное поведение Москвы в ближайшие годы будет определяться взаимодействием четырех составляющих. Речь идет о гуманитарных, силовых, правоохранительных и экономических вопросах. Различные государственные органы и общественные силы, имея разные интересы и мотивацию, будут стремиться превратить свое видение проблемы соотечественников в основную движущую силу официальной политики.

Гражданское общество и такие его институты, как Комиссия по правам человека при Президенте РФ и Уполномоченный по правам человека в РФ, руководствуются преимущественно гуманитарными соображениями. Они направят усилия на защиту прав русскоязычного населения в соседних государствах и мигрантов в России, а также на либерализацию закона о гражданстве.

Силовая составляющая в принципе может выражаться в укреплении механизмов поддержки соотечественников для усиления российского влияния на постсоветском пространстве. Однако МИД, скорее всего, будет стремиться переводить проблему преимущественно в гуманитарное русло, а также действовать через многосторонние международные институты. Российские власти пока не научились в должной мере использовать «мягкую силу» в межгосударственных отно-

шениях, и потенциал соотечественников как инструмента влияния в ближайшие годы вряд ли будет эффективно задействован.

МВД продолжит сдерживать миграцию из южных республик и препятствовать использованию статуса соотечественников для облегченного получения российского гражданства. Такая ограничительная практика вступает в противоречие с интересами субъектов хозяйственной деятельности, нуждающихся в дешевой рабочей силе с хорошим знанием русского языка. До тех пор пока в России будут сохраняться высокие темпы роста трудоемких отраслей, экономический блок правительства, вероятно, будет склоняться к облегчению временной трудовой миграции, неизбежно ведущей к переселению части соотечественников на постоянное жительство.

Но при любых сочетаниях этих четырех сил политика умеренности будет продолжена. Ситуация может измениться только на политическом уровне. Вопрос о диаспорах и ответственности России за их судьбу присутствует в теоретических обсуждениях вопросов государственного и национального строительства. Каким образом более радикальные подходы к этому вопросу могут пробиться в ту сферу, где формируется реальная политика?

НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ «МЯГКАЯ СИЛА»?

Выше уже отмечалось, что вопрос о диаспорах не является первостепенным в российской политике, однако при определенных условиях он может выйти из тени. Проблемы соотечественников, в том числе вопрос о воссоединении, в принципе могут быть использованы некоторыми политическими силами для получения электоральной поддержки. Однако тому, чтобы перевести эти темы в ранг ключевых для национальных интересов и безопасности, препятствуют два фактора.

Во-первых, в условиях экономического бума абстрактные рассуждения о русском народе гораздо менее привлекательны, чем задачи повышения уровня благосостояния россиян. Несмотря на возрождение элементов имперской символики, мало кто готов потеть с трудом приобретенное благополучие ради великодержавного реванша.

Во-вторых, выстроенная Путиным система власти оставляет очень небольшое пространство для независимой от Кремля политической деятельности. Правящая же элита воспринимает этнонационализм как угрозу внутренней целостности государства и не

позволяет укрепиться партиям и движениям, выступающим под подобными лозунгами. В целом современная российская элита не мыслит в узких этнических терминах.

Тем не менее в российском обществе есть силы, которые в перспективе способны поставить под вопрос нынешнюю политику сдержанности. Многое будет зависеть от того, в каком направлении пойдет поиск новой русской идентичности. Сбросив имперскую оболочку после распада Советского Союза, этническое самосознание русских стало более заметным. Пока русский этнонационализм не является хорошо организованной силой, но он может резко усиливаться, особенно если цель строительства национального государства станет ведущей темой политических дискуссий. В советских и постсоветских научных кругах, общественном сознании и политике термин «нация» имел и имеет не столько гражданскую, сколько мощную этническую коннотацию. Как это уже неоднократно случилось в истории Европы, общую культуру могут начать рассматривать в качестве воображаемой политической общности, что может послужить толчком к призывам объединить всех русских под одной государственной крышей.

Переосмысление Россией своего места в более конкретных этнических терминах, как это произошло во всех других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, может стать самым опасным шагом за всю ее историю. Реализация подобного проекта способна привести к пересмотру границ и подрыву внутренней целостности страны. За строительство наций на обломках империи обычно берутся этнонационалисты. Все бывшие советские республики взлелеяли этнополитические мифы, в которых государство провозглашается родиной «коренного» населения. Теоретически такие взгляды базируются на традиции исторического романтизма, согласно которой человечество можно четко разделить на нации, а культурно (или этнически) обусловленные нации обладают некими священными правами.

Российский этнонационализм в начале XXI века имеет преимущественно форму ксенофобии. Энергия маргинальных групп скинхедов направлена на близкую и понятную им задачу устрашения и применения насилия в отношении мигрантов с Кавказа и из Центральной Азии. Российская власть с 2006 года попыталась перехватить инициативу у экстремистских группировок, инициировав разговор об интересах коренного населения и государствообразующего народа.

Президент Путин, ранее использовавший понятие «коренное население» для обозначения малых народов Сибири, стал употреблять его применительно ко всем россиянам, противопоставляя их мигрантам: «Нужно, конечно, думать об интересах коренного населения. Если мы не будем думать... это будет только повод и путь к самораскрутке различных радикальных организаций». «Единая Россия» в 2007-м запустила «Русский проект», в рамках которого уже стали звучать другие понятия: «государствообразующий народ», «этническое ядро» и пр.

Введение этнических мотивов в официальный дискурс через обсуждение роли русского народа — явление весьма опасное. Не случайно в Великобритании никогда не муссируется роль «английского народа». Мирный распад СССР отчасти объясняется неоформленностью русского самосознания. Напомним, сколь кровопролитной оказалась дезинтеграция другой социалистической федерации — Югославии, в которой сербы имели более ясное представление о своей идентичности. Как это ни парадоксально, непоследовательные и запутанные отношения Москвы с республиками, входящими в состав Российской Федерации, а также умеренная, а иногда и абсолютно неэффективная политика в отношении русских в ближнем зарубежье являются более благоприятными факторами обеспечения стабильности на постсоветском пространстве, чем попытки выработать ясный подход к созданию национального государства. Лозунг строительства гражданской нации может быть перехвачен, а ее «гражданскость» — быстро отброшена.

«Постимперскость» в России проявляется не в попытках восстановить государство в прежних границах, а в элементах неоимпериалистического курса. Она проявляется в стремлении установить определенный контроль над внутренней и внешней политикой государств, возникших на месте Российской империи и Советского Союза. Соотечественники до сих пор играли не очень значительную роль в этой области. Однако в перспективе такая ситуация может измениться. Например, в результате резкого усиления национализма на политической арене.

Более оптимистичный вариант — превращение соотечественников в инструмент «мягкой силы», укрепления транснационального «русского мира», под которым понимается совокупность «многонационального народа России» и соотечественников за рубежом. Осознание проблемы соотечественников в категориях этничности и их использование в качестве силового элемента внешней политики

могут привести к катастрофе. Формулирование же вопроса в терминах политической нации и мягкого влияния может принести России серьезные выгоды.

В современном мире многие диаспоры действуют в интересах своей исторической родины: еврейская, армянская, греческая, китайская, прибалтийские, центральноевропейские. Собственно, именно это и делает отдельных граждан зарубежных стран членами диаспоры, понимаемой как политическая категория. У России есть возможности способствовать формированию российской диаспоры из русских и представителей иных этнических групп, осознающих определенную связь с Российской Федерацией. Некоторые шаги в этом направлении сделаны. Однако они не подкреплены конкретной и последовательной политикой, и результаты пока весьма скромные.

Соотечественники за рубежом ждут поддержки от России, но сами пока не работают на благо исторической родины. Для того чтобы сформировалась активная диаспора, Москва должна продемонстрировать свою заинтересованность в этом и проявить готовность сделать что-то реальное для ее членов. Настоящим прорывом могло бы стать законодательство, позволяющее конвертировать статус соотечественника в российское гражданство. В настоящее время закон и программы для соотечественников практически никак не связаны с законом о гражданстве и политикой в области миграции. Статус соотечественника должен создавать условия для переселения в Россию, иначе для многих граждан на постсоветском пространстве он не имеет смысла. Такое изменение в законодательстве позволило бы достичь тех целей, которых не удалось добиться из-за неудачи с введением института двойного гражданства. Это помогло бы тем, кто остается жить в соседних государствах, осознать свою особую связь с Россией и получить «запасной вариант» на случай ухудшения ситуации. Кроме того, это облегчило бы переселение части соотечественников и привлекло бы в Россию квалифицированную русскоязычную рабочую силу, компенсировав снижение численности населения.

Проблема соотечественников в современной России — это наследие империи. В течение первых полутора десятилетий после распада Советского Союза страна жила с этим наследием, проводя малоэффективную политику, но и не допуская крупных ошибок. Задача ближайшего будущего — научиться защищать соотечественников и использовать их потенциал в своих интересах, избегая при этом неоимперских соблазнов.

«Слоеный пирог» национальной политики

Алла Язькова

Формы самореализации различных этнических групп, а также связанная с этим стабильность многокультурных государств стали в начале XXI века одной из ключевых тем международной политики.

С одной стороны, продолжается «дробление» бывшей Югославии и нет прогресса в урегулировании «замороженных конфликтов» на постсоветском пространстве.

С другой — на выборах в Шотландии впервые побеждает местная националистическая партия, в программе которой — проведение референдума об отделении от Великобритании. А благополучная Бельгия все глубже погружается в дразги между двумя государствообразующими общинами.

Эти и многие другие примеры демонстрируют, сколь трудно найти действенную модель сосуществования разных народов в составе одного государства. Для Российской Федерации такая задача особенно важна.

**ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА РОССИИ**

В силу ряда исторических причин Россия веками складывалась как многонациональная держава. Народы, населявшие Российскую империю, различались не только языком, но и образом жизни, культурными традициями, уровнем общественно-экономического развития и, наконец, своей религией. Согласно переписи 1897 года, православные составляли 70,8 % населения, католики — 8,9 %, мусульмане — 8,7 %. За отдельными исключениями (Финляндия,

А.А. Язькова — д. и. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН. Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 07-03-02052а.

Польша, Бухара) этнические группы империи, разделенной на губернии, не имели «своих» территорий. Возможно, со временем из России сложилась бы «нация-государство», то есть гражданская (а не этническая) нация в ее современном понимании, основу которой составил бы синтез множества национальных и этнических групп. Важно при этом учитывать, что «нерусские» (неславянские) этнические группы веками оставались весомым фактором формирования российской государственности и русской культуры.

Нынешние русские — это не просто потомки жителей Киевской Руси, Великого Новгорода, Пскова или Московии. В них течет славянская, скандинавская, татарская кровь, они ассимилировали множество финно-угорских и кочевых племен. Позднее добавилась кровь немцев, шведов, шотландцев, приезжавших на службу к русским царям, выходцев из Центральной Европы, с Балкан, из Ближнего Востока. Именно поэтому Россия была одной из немногих стран мира, где на предшествующих этапах истории «плавильный котел» (*melting pot*) создал сильный в своей основе этнос. Он сформировал Российское государство, в которое вошли другие народы со своими государственными образованиями или не имея таковых.

Каким видели национально-государственное устройство России политические партии и движения начала XX столетия, когда кризис прежней модели государственности стал очевидным?

Представлявшая правое крыло русского либерализма партия крупных землевладельцев и торгово-промышленных кругов (октябристы) утверждала, что «жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания» является «ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера».

В отличие от них главная политическая организация российских либералов — партия конституционалистов-демократов (кадеты) признавала за народностями империи право на самоопределение, но сводила его к культурному — в рамках унитарного государства.

Российская социал-демократическая рабочая партия (оба ее крыла — как большевистское, так и меньшевистское), провозглашая право на самоопределение, первоначально видела его в широком местном самоуправлении.

Крушение Российской империи и последующее образование СССР кардинально изменили характер национальной политики. Еще на этапе борьбы против самодержавия Владимир Ленин исхо-

дил из необходимости сохранить унитарное государство. «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства», — утверждал он в письме Степану Шаумяну в декабре 1913-го.

В период от Февральской до Октябрьской революции 1917 года идею федеративного устройства будущей России отстаивали прежде всего национальные партии и движения. «Свобода неотделима от федерации, спасение России — в ее федерализации». С этим заявлением председателя украинской Центральной рады Михаила Грушевского солидаризировались и лидеры других национальных движений. Эту же идею поддержало и Временное правительство с оговоркой, что решение вопроса следует оставить на усмотрение Учредительного собрания.

Что же касается Ленина, то трезвый анализ сложнейших этнонациональных процессов поколебал его первоначальные представления о преимуществах централизованного унитарного государства. После событий октября 1917-го и начала Гражданской войны возникла нужда в поддержке со стороны политиков национальных окраин бывшей империи. Это означало неизбежность федерации и правомерность появления самостоятельных национально-государственных образований, а также создания культурно-национальных автономий. Однако значительная часть соратников Ленина (за исключением представителей тех же окраин) оказалась не готова к предложенной им трактовке.

При учреждении СССР возобладали теоретические установки, ориентированные на признание территориального самоуправления наций и народностей в рамках единой государственности (выдвинутая Иосифом Сталиным идея «автономизации»). Сегодня можно предположить, что, настаивая на ее реализации, Сталин уже тогда исходил из внутреннего убеждения о необходимости воссоздания «единой и неделимой Российской империи» (в этом он, как ни странно, сходиллся во мнениях с лидерами белой эмиграции), а также из тезиса о подчиненности национального вопроса вопросу о власти.

В последующем утверждении новой, по определению Абдурахмана Авторханова, «идеократической» империи сыграли свою роль и бытовавшие на уровне сознания различных социальных слоев идеи великодержавия, высокомерного отношения к национальным меньшинствам. В очевидном противоречии с «классовым подходом» к оценке политических процессов общие результаты интенсив-

ной и весьма успешной экспансии XVIII–XIX веков стали объясняться особыми мессианскими свойствами России (эта тенденция усилилась в 30–40-е годы прошлого столетия).

В итоге Советский Союз сложился как объединение титульных наций (народов) в особом варианте. Кто-то имел ограниченную государственность одного вида, кто-то — другого, а кому-то ее не дали вовсе или, хуже того, лишили той, что была раньше. Иерархическая соподчиненность союзных и автономных республик еще более осложняла и запутывала положение. К тому же титульные этносы этих республик далеко не во всех случаях были доминирующими: в 53 республиканских и автономных образованиях бывшего СССР лишь 10 народов насчитывали, по данным переписи 1989-го, две трети и более от общей численности населения «своих» образований. В одиннадцати случаях титульный народ составлял от 50 до 30 %, в четырех — от 30 до 20 %, в девяти — от 20 до 10 %, в четырнадцати — от 10 до 0,45 %. В целом же в 1980-е годы около 60 млн граждан СССР жили за пределами «своих» национальных образований. Русские проживают на всей территории Федерации, численно преобладая в большинстве регионов и городов.

Другие крупные национальности: татары — 5,5 млн человек, чуваша — 1,8 млн, башкиры — 1,3 млн, мордва — 1,07 млн, чеченцы — 899 тыс. (до 1994 г.), немцы — 842,4 тыс. (до 1990 г.), а также украинцы — 4,4 млн, белорусы — 1,2 млн. В то же время некоторые народы Севера (орочи, алеуты, негидальцы) и Северного Кавказа (шапсуги) насчитывают лишь по несколько сот человек.

Российские этносы различаются не только по численности, наличию либо отсутствию своих федеративных образований, но и по типу хозяйственно-культурной деятельности, социально-профессиональной структуре. Ареалы их расселения почти повсеместно не совпадают с административными границами республик. А десятки миллионов россиян — потомки смешанных браков или члены этнически смешанных семей. В ходе длительного совместного проживания практически все нерусские этносы испытали на себе сильное воздействие русской культуры и обладают достаточным знанием русского языка.

В годы советской власти национальная политика в отношении этносов, не имевших собственных автономий, носила противоречивый характер. С одной стороны, прилагались демонстративные усилия для «подъема культуры и экономики отсталых народов», их приобщения к русской культуре и письменности. С другой — не

принималось во внимание наличие у них самобытных, по-своему уникальных культурных ценностей, многие из которых сегодня безвозвратно утрачены.

Неоднозначным было и положение самой Российской Федерации: являясь опорой союзного центра, она во многом утратила самостоятельность. Руководящие органы РСФСР зачастую носили фиктивный характер по сравнению с аналогичными структурами союзных республик, и даже правящая Коммунистическая партия не имела в России отдельного руководства.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ 1990-х ГОДОВ

Положение изменилось в 1990-м с избранием на пост председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, который выступал за расширение полномочий союзных республик. По сути, он отстаивал идею свободной конфедерации либо создания на договорной основе союза государств, делегирующих федеральному центру лишь ограниченный объем полномочий. После распада СССР подобная модель была предложена национальным республикам России в соответствии со знаменитым лозунгом «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!».

В условиях становления гражданского общества и развития рыночной экономики национальная политика России начала приобретать новые измерения. Это нашло выражение в отмене необоснованных актов, нарушавших права отдельных народов и этнических групп. Кроме того, принятый в апреле 1991 года Закон «О реабилитации репрессированных народов» привлек на сторону тогдашнего российского руководства множество сторонников из их числа. Впрочем, будучи разработан в спешке и без учета сложившихся реалий, он породил впоследствии новые противоречия.

Получив значительные привилегии в период подготовки к подписанию нового Союзного договора («новоогарёвский процесс»), ряд бывших советских автономий выступили в августе 1991-го против ГКЧП. В то же время консервативные силы союзного центра стимулировали сепаратистские устремления руководителей Абхазии и Приднестровья, используя их для того, чтобы сохранить у власти местные национал-коммунистические структуры и противодействовать руководству Грузии и Молдавии.

Общие контуры национальной политики очертил Федеративный договор (март 1992 г.) и закрепила принятая в декабре 1993 года Кон-

ституция Российской Федерации. Согласно новой Конституции, **единственным носителем суверенитета России является ее многонациональный народ**, а любые действия отдельных органов государственной власти либо народные волеизъявления входящих в ее состав республик, представляющих лишь **часть** многонациональной страны, не могут считаться правовыми акциями. Тем более противоречило Конституции РФ провозглашение отдельными республиками государственного суверенитета, не имевшее поддержки **всего многонационального народа**, хотя на практике именно такого рода положения были закреплены в Основных законах большинства национальных республик (исключение составляли Ингушетия, Калмыкия и Карелия).

Все субъекты РФ равноправны и существуют в рамках единого правового пространства. Без изменения остались в Конституции прежние наименования национальных субъектов Федерации, что объяснялось желанием сохранить историческую преемственность. Принятые в первой половине 1990-х Конституции республик являются частью общей правовой системы и должны соответствовать Основному закону, хотя в действительности выявились очевидные противоречия между республиканскими и общероссийскими законодательными актами.

Так, в ряде республиканских Конституций (Башкирия, Бурятия, Дагестан, Саха-Якутия, Татарстан, Тува) земля, недра, воды, растительный и животный мир были объявлены достоянием (собственностью) народов, проживающих на соответствующих территориях. Что же касается государственных языков, то положение о них во всех Конституциях национальных республик, кроме Чечни и Тувы, установлено в соответствии со статьей 68 Конституции РФ. В Туве единственным государственным языком признан тувинский, русский же определен как общефедеральный государственный язык. Подобного рода разночтения отчасти определялись несоответствием ряда положений Федеративного договора и Конституции РФ.

Предусмотренная Конституцией «асимметричная федерация» стала одним из вариантов сохранения целостности Российской Федерации. В 1994–1995 годах она была закреплена договорами между соответствующими государственными органами РФ и отдельных субъектов Федерации. Тем не менее в процессе формирования правового пространства РФ и подготовки федеральным центром договоров с национальными республиками возник конфликт с территориальными субъектами Федерации — областями и краями, которые открыто

выражали недовольство унаследованным еще с советских времен и несправедливым, по их мнению, перераспределением национального дохода в пользу «отстающих национальных окраин», которые занимают свыше 50 % всей площади Российской Федерации.

По запасам природных богатств «окраины» зачастую превосходят центральные области. Например, в Якутии добывается 99 % всех алмазов, 24 % золота и 33 % олова, в отдаленных регионах страны сосредоточены угольные, нефтяные, газовые месторождения. Сами же республики указывали, что раньше они не могли свободно распоряжаться средствами, выделяемыми на образование, которое без согласования с ними давалось на русском языке (сеть школ с образованием на национальных языках была сравнительно широко развита только в Татарстане и Якутии).

В конечном счете области и края настояли на выравнивании прав всех субъектов РФ, упразднении употребления в отношении республик слова «суверенные» и невключении в Конституцию РФ права на самоопределение вплоть до выхода из состава Федерации. В то же время федеральный центр выдвинул компромиссную идею, на основе которой в 1996-м был принят Закон РФ «О национально-культурной автономии». Этническим обществам предоставлялось право на сохранение, развитие и использование национального (родного) языка; получение основного общего образования на родном языке и на выбор языка воспитания и обучения; обеспечение права на сохранение и развитие национальной культуры. Закон предоставлял национально-культурным автономиям также и право на получение бюджетного финансирования общественно значимых программ национально-культурного развития.

В действительности, однако, как доказывает сотрудник Центра независимых социологических исследований Александр Осипов, национально-культурная автономия не имеет в современных условиях практического применения для защиты меньшинств в любом смысле, который может быть вложен в понятия «меньшинство» и «защита меньшинств».

Тем не менее, вопреки требованиям приверженцев «унитаризма», при определении национально-государственного устройства Российской Федерации в итоге возобладал вариативный принцип в сочетании с записанным в Конституции положением о равенстве прав всех граждан. При этом учитывался как российский, так и мировой опыт построения государства с субъектами, входящими в не-

го на разных основаниях (статус Польши и Финляндии и особая система управления среднеазиатскими землями в Российской империи, а также особый статус Луизианы в США и Пуэрто-Рико как их ассоциированного члена, провинции Онтарио в Канаде, Баварии и Саксонии в ФРГ).

Таким образом, в 1990-е годы в Российской Федерации возникла сложная система отношений между центром и национальными республиками, постепенно присвоившими себе целый ряд полномочий, которыми не обладали по Конституции. К тому же многие из этих республик отошли от ранее признанных ими конституционных норм, действуя независимо от федерального центра. Так, Дагестан, Татарстан, Тува, а также Краснодарский край без согласования с Москвой подписывали международные договоры и создавали собственные силы безопасности. Башкирия признала суверенитет никем не признанной Республики Абхазия (Грузия). Якутия ввела у себя английский язык в качестве официального. Бурятия, Карелия, Северная Осетия и некоторые другие республики приняли законы, позволяющие им объявлять на своей территории чрезвычайное положение. В Ингушетии легализовали многоженство.

Ни с чем не сопоставимый ущерб целостности и стабильности Российской Федерации нанесли военные действия на территории Чеченской Республики. Как первый, так и второй этапы чеченской кампании повлекли за собой дестабилизацию обстановки практически по всему Северному Кавказу, где и без этого в начале 1990-х проблемы межэтнических отношений и разграничения территорий привели к ряду острых конфликтов между осетинами и ингушами, кабардинцами и балкарцами, карачаевцами и черкесами.

Все это наталкивало на мысль о необходимости укрепления Федерации и приведения в соответствие с нормами Конституции целого ряда федеральных и республиканских правовых актов. Однако, как свидетельствует мировой опыт, отчуждение или ограничение уже достигнутых привилегий повсеместно сталкивается с упорным сопротивлением. Поэтому федеральному центру предстояла большая работа по соединению разнородных систем власти и созданию более эффективного механизма взаимодействия с национальными республиками.

ПОДЪЕМ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Начало новому этапу положило вступление в силу Концепции государственной национальной политики (1996). Принятие нескольких

федеральных законов способствовало конкретизации положений Концепции, формулирующей общие цели, основные задачи и принципы национальной политики. А ряд субъектов Федерации издали собственные местные законы, регулирующие сферу межнациональных отношений и имеющие преимущественно рестриктивный характер. Большая часть ограничивала права вынужденных переселенцев и перемещенных лиц, что было характерно главным образом для городов федерального подчинения, а также областей и республик Юга России.

Унификацией законодательства и совершенствованием единого правового поля Российской Федерации руководство страны активно занялось после прихода на пост президента Владимира Путина. Меры по пересмотру принципов формирования властных структур (создание федеральных округов, реформирование Совета Федерации, который в последнее десятилетие прошлого века представлял собой влиятельный коллегиальный орган, отражавший интересы региональных элит, а также отмена выборов глав исполнительной власти субъектов Федерации) во многом изменили всю систему отношений между Кремлем и регионами. Многие эксперты указывают на постепенный демонтаж федеративного характера государственного устройства и фактический переход к унитарному принципу.

В то же время «ограничительные» меры правоохранительных структур, принимаемые не только в отношении нелегальных мигрантов из стран СНГ, но и «лиц неславянской национальности» — граждан РФ, поставили под вопрос характер реализации правовых основ национальной политики. «Складывается ощущение, что идет война, — комментирует ситуацию авторитетный эксперт в сфере межнациональных отношений Алексей Малашенко. — Причем воюют не с одними кавказцами. Воюют со всеми: с узбеками, таджиками, евреями, украинцами. И в СМИ это воспроизводится изо дня в день».

На этом негативном фоне все более заметна деятельность праворадикальных националистических групп, в числе которых наибольших «успехов» не только в центре, но и на местах добилось Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Используя смесь националистических и социальных лозунгов и отказываясь от публичного антисемитизма, оно переформулировало этническую ксенофобию в социально более приемлемое отвержение «мигрантов», под которыми устойчиво понимаются «этнически чуждые» приезжие с Юга и Востока в «традиционно русские области». Ориентация на

антииммигрантские настроения в сочетании с поддержкой растущего социального протеста выдвинула лидера ДПНИ Александра Поткина (выступающего под псевдонимом Белов — борец за «белую расу») в число наиболее востребованных представителей российского этнонационализма.

Антииммигрантские настроения представляют собой лишь часть того явления, которое все чаще обозначается как «русский национализм». Социологи Лев Гудков и Борис Дубин указывают, в частности, на такие его сущностные характеристики, как:

- убежденность в превосходстве русских над другими народами и соответственно в обладании особыми правами и преимуществами при весьма слабом оправдании этих претензий;
- представление об органическом единстве русских, их тождестве «по крови», которое обусловлено историческими судьбами Российской империи и воплощено в символическом характере единоначалия верховной власти;
- изоляционизм, антиевропеизм и антизападничество, использование идеологием «враг» и «враждебное окружение», а также негативных проекций подозрительности и недоброжелательства на другие общества и страны в сочетании с представлениями о внутренней экспансии нерусских, угрожающих существованию России.

Этот комплекс идей обнаруживается у представителей самых разных политических и мировоззренческих лагерей и общественных страт. Как показывают многолетние социологические исследования, после распада СССР в России наблюдался постоянный рост ксенофобии на основе ущемленных «великодержавных» амбиций. В 2006 году доля тех, кто полностью или частично принимал лозунг «Россия для русских», составила 55 % (в 1998-м — 43 %), а число тех, кто не был согласен с этим лозунгом, упало с 32 до 18 %.

Можно обозначить лишь наиболее опасные последствия ситуации, сложившейся в сфере межнациональных отношений, для дальнейшего развития России.

Убийства «инородцев», ставшие повседневной практикой в различных городах и регионах, не только создают в окружающем нас мире негативный образ России, но и ограничивают приток необходимой трудовой миграции. Между тем, как справедливо подчеркивает профессор Валентин Фёдоров, «нужно осознать, что без притока иностранных работников стране не обойтись, и потому надо терпимее относиться к ним... Крайне неблагоприятное развитие демо-

графических процессов ставит под сомнение способность России сохранить свою географию, и, как это ни парадоксально звучит, иммигранты помогут ей выдержать грядущие испытания».

На это же указывал Эмиль Паин: мигрантофобия является преградой для развития экономики, испытывающей потребность в притоке рабочей силы. Нужен он и для поддержания приемлемого уровня воспроизводства населения.

Межнациональные противоречия в основных регионах России и всплеск «русского национализма» порождают ответную реакцию в национальных республиках Северного Кавказа, Поволжья и Урала, Западной и Восточной Сибири. Постепенный отток оттуда русского населения приводит к повышению доли титульных этносов, что при определенных обстоятельствах может стать предпосылкой для роста сепаратизма.

Наконец, крайне важно осознать, что, в отличие от «классических» западных версий национализма предшествующих эпох либо даже национализмов «догоняющего развития» (азиатский, латиноамериканский), «русский национализм» крайне консервативен, не имеет модернизационной программы развития страны или хотя бы ее отдельных элементов и поэтому носит тупиковый характер. Любые реформистские программы он воспринимает как «антирусские» либо «антинациональные».

ЧТО ДАЛЬШЕ?

В чем же состоит (или могла бы состоять) стратегия нашей национальной политики и какими могли бы быть ее тактические решения?

Опираясь на международный опыт, специалисты указывают на три возможных направления этой политики.

- *Государственный патернализм*, то есть такой вариант национальной политики, при котором с помощью государственных ресурсов оказывается целенаправленное воздействие на развитие тех или иных народов путем предоставления соответствующих льгот, выделения квот и т. д. Этот подход практиковался в Советском Союзе в отношении коренных народов Севера, а его продолжением можно считать принятый в 1999 году Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», остающийся, впрочем, пока на бумаге.

- *Мультикультурализм*, предлагающий не столько стимулирование экономических либо социальных гарантий развития националь-

но-этнических групп, сколько создание равных условий для самореализации каждого народа через общественные организации и национально-культурные автономии. В результате сохраняется этническое многообразие, а государство чаще действует не в соответствии с принципом «помогать», а скорее руководствуется принципом «не мешать».

● *Унификация или ассимиляция*, получившая наиболее яркое воплощение в концепции «плавильного котла». Мировая история не знает позитивных результатов практики насильственных ассимиляций, хотя в том или ином виде сближение этнических групп и выравнивание параметров их развития происходят повсеместно. Что же касается разного рода идей унификации государственного устройства, то их реализация требует более осторожных действий.

Это можно отнести и к предложенным в последние годы проектам укрупнения российских регионов, сокращения их числа и фактической *губернизации* России. В дискуссиях на эту тему высказывались различные точки зрения, но наиболее разумная позиция выразилась в том, что в ныне существующем административном устройстве заложен — ввиду его сложности — известный запас прочности. По мере же реализации идей укрупнения мы рискуем получить гораздо более хрупкую систему.

Шесть типов субъектов Федерации (края, области, национальные республики, автономные и автономные области) — это неоправданно много, замечает известный российский эксперт Дмитрий Орешкин, но безболезненному укрупнению подлежат не более десяти из субъектов. С этим согласен и экс-глава ЦИК РФ Александр Вешняков, высказавший убеждение в том, что «экзотические проекты объединения не нужны, а нужны тщательно продуманные штучные проекты». Это очевидно на примере попыток ограничения правосубъектности Татарстана либо объединительных проектов на Северном Кавказе, где само намерение обсудить объединение Адыгеи с Краснодарским краем вызвало не только взрыв возмущения на местном уровне, но и протесты зарубежной черкесской (адыгской) диаспоры.

Восстановление губернской системы управления, которая исторически могла сыграть роль «плавильного котла» хотя бы на части территории Российской империи, сегодня невозможно. На различных этапах национальный вопрос приобретал неоднозначные измерения, но в конечном счете процессы формирования этнических и

национальных групп в рамках территориальных ареалов их этногенеза возобладали над тенденциями к их ассимиляции. В российском варианте, который напоминает даже не «этнический салат» (*ethnic salad* — идея создания многокультурных «государств-наций» на принципе согражданства или гражданской общности), а скорее «слоеный пирог» (*puff-pastry*), чрезвычайно важно сочетать возможности этнической самобытности с интеграцией этнических групп в единое общероссийское пространство. В условиях информационной революции и общемировых процессов глобализации многонациональное сообщество России подвержено также и их постоянному воздействию.

Приведет ли начавшееся в 2000-е годы изменение «баланса сил» между федеральным центром и субъектами Федерации к ограничению их полномочий во всех сферах государственной и общественной жизни, неизбежно вызвав их негативную реакцию? Будет ли оно в долгосрочной перспективе способствовать централизации или, напротив, децентрализации Российского государства (уже не первой на протяжении истории)? Обеспечит ли все это реализацию главной задачи — ускоренную модернизацию и возвращение России в семью современных развитых стран и ликвидацию структурных пороков, которые обуславливали нараставшее отставание СССР, а затем и Российской Федерации от динамичных обществ Запада и Востока? И в какой мере предпринятые шаги совместимы с нормами демократического развития и конституционного порядка, без соблюдения которых невозможно полноценное сотрудничество России с евро-атлантическим миром?

Ответов на эти вопросы пока нет, поскольку еще не выбран магистральный вариант стратегии национально-государственного развития России на перспективу XXI века.

Большая стратегия

Журнал «Прожектор», 1925 г.

“ В эпоху холодной войны Вооруженные силы США постоянно готовились к Третьей мировой войне. Но даже в атмосфере сильнейшей напряженности и страха ценности минимизации издержек не были забыты. Расходы на оборону держались в узде за счет ограничений на доходы, строгого соблюдения объемов других государственных расходов и последовательного балансирования бюджета ”

Ядерное разоружение: проблемы и перспективы Виктор Есин

60

Упорядоченная оборона Ричард Беттс

69

Война на аутсорсинге Вероника Крашенинникова

84

Американские выборы и внешняя политика

Александр Терентьев

95

Ядерное разоружение: проблемы и перспективы

Виктор Есин

Разоруженческая проблематика, ушедшая в тень мировой политики в прошлом десятилетии, вновь обрела актуальность. В центре внимания — судьба договоров, которые в свое время знаменовали собой окончание биполярной конфронтации. Ситуация в этой сфере требует очень внимательного анализа, поскольку поспешные действия чреваты подрывом международной стабильности.

В сфере контроля над ядерными вооружениями существуют только двусторонние договоры между Россией и Соединенными Штатами. Участие Белоруссии, Казахстана и Украины в Договоре между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1, или *START-1*) можно считать формальным, тем более что эти страны не обладают в настоящее время ядерным оружием.

К числу главных соглашений между Москвой и Вашингтоном в области контроля над ядерными вооружениями следует отнести Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор о РСМД), уже упомянутый Договор СНВ-1 и Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор о СНП, или Московский договор). К этим документам примыкают односторонние инициативы 1991 года по глубоким сокращениям нестратегических (или иначе тактических) ядерных вооружений, выдвинутые

В.И. Есин — первый вице-президент российской Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, генерал-полковник (в отставке). Данная статья основана на материале, подготовленном для конференции «Предотвратить ядерную угрозу», которая была организована Форумом мировой политики, Горбачёв-фондом, Белферским центром науки и международных отношений и прошла в декабре 2007 года в Гарвардском университете.

президентом США Джорджем Бушем-старшим и президентом СССР Михаилом Горбачёвым.

Как же обстоят дела с соблюдением перечисленных договоров и инициатив, верификацией выполнения их положений? Есть ли потребность и целесообразность в сохранении или пролонгации действующих договоренностей, переоформлении некоторых из них в новые соглашения?

Договор о РСМД был подписан 8 декабря 1987-го в Вашингтоне, вступил в силу 1 июня 1988 года. Договор является бессрочным. В 1991-м было завершено выполнение предусмотренных им ликвидационных мероприятий. Советский Союз уничтожил 1 846, а США — 846 ракет. Инспекции бывших ракетных баз и контроль за прекращением производства ракет средней и меньшей дальности продолжались еще в течение 10 лет — до середины 2001 года. В настоящее время Россия и Соединенные Штаты осуществляют мониторинг соблюдения Договора о РСМД с использованием национальных технических средств контроля (НТСК) и путем обмена уведомлениями.

Между тем определенное беспокойство Москвы вызывает тот факт, что в интересах создания своей противоракетной обороны Соединенные Штаты проводят испытания с использованием новых баллистических ракет-мишеней, которые, по сути, являются ракетами средней дальности. Это может рассматриваться как прямое нарушение американской стороной условий Договора о РСМД. Попытки прояснить ситуацию в рамках Специальной контрольной комиссии (СКК), созданной для рассмотрения вопросов соблюдения Договора о РСМД и выработки мер по повышению его эффективности, заблокированы американцами (последняя сессия СКК состоялась в октябре 2003-го). Начиная с 2004 года США отказываются от проведения заседаний СКК. Вашингтон считает, что вопросы российской стороны, касающиеся производства американских баллистических ракет-мишеней, якобы не имеют прямого отношения к Договору о РСМД.

По существу, Соединенным Штатам невыгодно вести заведомо проигрышные для них переговоры об односторонних нарушениях положений Договора о РСМД. Переписка по этой проблеме, осуществляющаяся по дипломатическим каналам, сродни диалогу глухого со слепым, а отсутствие активности со стороны России создает для США комфортные условия для нарушения Договора о РСМД.

Договор СНВ-1 подписан 31 июля 1991-го в Москве, вступил в силу 5 декабря 1994 года. Срок действия — 15 лет. Этот договор преду-

смаатривает широкий спектр мер контроля и доверия: наблюдение с использованием НТСК, обмен данными (уведомлениями, сообщениями, запросами, телеметрической информацией о пусках ракет и пр.) и инспекционный режим, включающий 13 видов проверок на местах.

4 декабря 2001-го в соответствии с Договором СНВ-1 завершено сокращение стратегических вооружений до предельных уровней, составляющих не более 1 600 носителей (межконтинентальные баллистические ракеты — МБР, баллистические ракеты подводных лодок — БРПЛ, тяжелые бомбардировщики — ТБ) и не более 6 000 ядерных боезарядов на них. Стороны выполнили обязательства и уменьшили количество развернутых стратегических носителей и числящихся за ними боезарядов: Россия — до 1 136 носителей и 5 518 боезарядов, США — до 1 238 носителей и 5 949 боезарядов.

По состоянию на 1 января 2007 года число развернутых стратегических носителей и боезарядов на них, в соответствии с установленными Договором СНВ-1 правилами подсчета, составляло соответственно у России 880 и 4 162 единицы, у Соединенных Штатов — 1 225 и 5 866 единиц.

При сокращении ядерных вооружений по Договору СНВ-1 Россия реально ликвидировала свои вооружения, а США в значительной мере использовали договорное право на перезаявление (понижение) количества боезарядов, засчитываемых за развернутыми МБР и БРПЛ. Реально американцы ликвидировали лишь незначительную часть стратегических носителей. Таким образом, Соединенные Штаты создали в своих стратегических наступательных силах (СНС) так называемый «возвратный потенциал», позволяющий при необходимости оперативно (за 4–6 месяцев) нарастить арсенал развернутых стратегических ядерных боезарядов более чем на 3 000 единиц.

Что касается верификации Договора СНВ-1, то сегодня возможностей у России значительно меньше, чем у США, хотя изначально существовал паритет. Дело в том, что вследствие сокращения финансирования мероприятий по контролю за выполнением Договора СНВ-1 российские специалисты из года в год не выбирают установленную квоту по инспекциям на местах — проводится примерно половина от числа разрешенных проверок. А недостаток НТСК, прежде всего соответствующих космических аппаратов наблюдения, не позволяет компенсировать такое сокращение мониторинга. В мае 2001-го Россия вовсе свернула свою деятельность по непрерывному

наблюдению за американским заводом «Геркулес» в городе Магна (штат Юта), производящим ракеты.

Американцы же ежегодно полностью выбирают установленную квоту по инспекциям на местах. К примеру, в 2005-м они провели 47 проверок на объектах стратегических ядерных сил (СЯС) России. До сих пор специалисты из США осуществляют на постоянной основе наблюдение за Воткинским машиностроительным заводом в Удмуртии, где производятся ракеты. О возможностях американских НТСК нет надобности говорить: они практически неограниченны.

Проведенные россиянами выборочные инспекции позволили предъявить Соединенным Штатам ряд претензий по соблюдению условий Договора СНВ-1. Речь идет об испытаниях БРПЛ «Трайдент-2», береговом обслуживании стратегических подводных лодок на незаявленном объекте — мысе Канаверал, переоборудовании шахтных пусковых установок МБР и пусковых установок стратегических подводных лодок под вооружения других классов (в частности, ракет-перехватчиков и крылатых ракет). Кроме того, было зафиксировано бесконтрольное производство ракетной ступени «Кастор-120», которая взаимозаменяема с первой ступенью МБР «МХ» и вследствие этого подлежит контролю по Договору СНВ-1, как стратегический носитель. Американцы же декларируют эту ракетную ступень как «коммерческую космическую ступень».

Указанные претензии регулярно обсуждаются на проходящих в Женеве сессиях Совместной комиссии по соблюдению и инспекциям (СКСИ), созданной по Договору СНВ-1, но американцы до сих пор не сняли озабоченность России отступлениями от положений Договора СНВ-1. Создается впечатление, что нарушение Соединенными Штатами отдельных положений Договора СНВ-1 носит не эпизодический характер, а является следствием целенаправленной политики по размыванию его контрольного механизма в целях обеспечения односторонних преимуществ для американского военно-промышленного комплекса, занятого созданием перспективных систем стратегических вооружений.

С российской стороны новыми важными этапами реализации Договора СНВ-1 явились введение в договорное поле БРПЛ нового типа РСМ-56 («Булава») и МБР РС-24, а также начало их летных испытаний соответственно в 2005 и 2007 годах. Москва также заявила о новом объекте СНВ — «испытательном полигоне Капустин Яр». Его появление связано с принятием Министерством обороны РФ решения о

проведении с этого полигона пусков МБР типа РС-12М («Тополь») в целях отработки боевого оснащения МБР и БРПЛ.

Договор о СНП подписан 24 мая 2002-го в Москве, вступил в силу 1 июня 2003 года. Срок действия — до 31 декабря 2012-го. К тому времени Россия и США должны сократить и ограничить свои развернутые стратегические ядерные боезаряды таким образом, чтобы их суммарное количество не превышало у каждой из сторон 1 700–2 200 единиц (примерно в три раза ниже предельных уровней боезарядов, установленных по Договору СНВ-1).

Договор о СНП по своему формату принципиально отличается от Договора СНВ-1. Этот документ не предусматривает механизмов контроля и поэтапного выполнения обязательств, взятых на себя сторонами. Подтверждена лишь приверженность Договору СНВ-1, срок действия которого заканчивается в декабре 2009 года.

И Москва, и Вашингтон выполняют Договор о СНП в соответствии с выработанной каждой из сторон концепцией строительства своих ядерных сил. При этом Россия исходит из целесообразности реальной ликвидации носителей стратегических ядерных боезарядов, с тем чтобы к концу 2012-го выйти на уровни, определенные Договором о СНП. Соединенные Штаты придерживаются уже апробированного в случае с Договором СНВ-1 порядка, когда сокращение развернутых стратегических ядерных боезарядов осуществляется в основном за счет так называемой «разгрузки» носителей либо их переоборудования для решения неядерных задач.

В этих условиях необходима выработка новых мер доверия и предсказуемости, тем более что это определено в известной Декларации президентов Владимира Путина и Джорджа Буша-младшего, подписанной в Москве одновременно с Договором о СНП (Совместная Декларация о новых стратегических отношениях между Россией и Соединенными Штатами Америки. — **Ред.**). Такая работа проводится по инициативе российской стороны. В апреле и октябре 2005 года Россия официально внесла соответствующие предложения на рассмотрение Двусторонней комиссии по выполнению (ДКВ) Договора о СНП, предусматривающие, в частности, меры контроля и верификации. Однако американская делегация в ДКВ ведет себя крайне пассивно. Российские предложения остаются без рассмотрения и, по мнению Вашингтона, не являются необходимыми. Американцы считают, что для обеспечения транспарентности в отношении СНВ достаточно регулярного об-

мена информацией о состоянии стратегических ядерных вооружений обеих сторон на заседаниях ДКВ.

Не достигнута и договоренность относительно понимания правил засчета стратегических ядерных боезарядов, ограничиваемых Договором о СНП.

Американская сторона считает, что засчету по Договору о СНП в наземном и морском компонентах стратегических ядерных сил подлежат только «оперативно развернутые ядерные боезаряды», находящиеся на МБР и на БРПЛ, несущих боевое дежурство в конкретный период времени. При таком подходе из поля зрения выпадают ракетные средства, которые за короткий срок могут быть приведены в состояние боевой готовности. А здесь преимущество явно на стороне американцев.

Сегодня можно констатировать, что подход США в отношении практической реализации Договора о СНП направлен на уклонение от разработки и согласования любых мер и механизмов контроля его выполнения, а также от структурирования и детализации информации о состоянии стратегических ядерных вооружений, которую стороны предоставляют друг другу. Налицо стремление Соединенных Штатов добиться односторонних преимуществ за счет приобретенной ими исключительно высокой способности к оперативному наращиванию потенциала СНС. Россия же располагает крайне ограниченными возможностями по «возвратному потенциалу» своих СЯС.

Как дальше будет развиваться дискуссия в рамках Двусторонней комиссии по выполнению, предположить трудно, хотя есть серьезные опасения, что Вашингтон и далее будет игнорировать озабоченность Москвы.

Что касается выполнения **односторонних инициатив 1991-го по сокращению тактических ядерных вооружений**, следует отметить, что они представляют собой классический пример неформального режима, который, благодаря тщательно сбалансированным взаимным уступкам, позволил в короткий срок достичь весьма впечатляющих результатов. При этом удалось обойти многие неизбежные в ходе переговоров трудности, такие, например, как процесс ратификации, зависимость которого от внутривнутриполитической ситуации наглядно продемонстрировал канувший в Лету российско-американский Договор СНВ-2 (или *START-2*), подписанный 3 января 1993 года в Москве.

Безусловно, такой режим имеет и недостатки, поскольку основывается не на юридических обязательствах, а на политических заявлениях.

Вместе с тем в последнее десятилетие XX века, когда между Москвой и Вашингтоном установились доверительные отношения, ни у кого не возникло подозрений, что другая сторона не выполняет взятых на себя односторонних обязательств. В результате к концу 2001-го арсеналы тактического ядерного оружия у США и России были сокращены примерно на 70 %. Был решен и вопрос с ядерными крылатыми ракетами морского базирования, которые являются оружием большой дальности. Они были сняты с кораблей и подводных лодок и складированы в арсеналах.

Оценка выполнения Москвой и Вашингтоном достигнутых договоренностей в сфере контроля над ядерными вооружениями позволяет утверждать, что, несмотря на имеющиеся издержки, обе стороны выполняют взятые на себя обязательства в отношении соблюдения требуемых уровней сокращения и ограничения ядерных вооружений. Это, несомненно, позитивно сказывается на международной стабильности. Вместе с тем приближается время, когда сроки действия Договора СНВ-1 и Договора о СНП истекнут, а их дальнейшая судьба остается неопределенной. Такое положение создает угрозу полного развала в сфере контроля над ядерными вооружениями.

Что же следует предпринять, чтобы избежать негативного сценария?

Прежде всего необходимо **возобновить на высоком уровне российско-американский диалог по вопросам контроля над ядерными вооружениями.**

В марте 2007 года в соответствии с договоренностями, достигнутыми Владимиром Путиным и Джорджем Бушем годом ранее, в Берлине начались российско-американские консультации о судьбе Договора СНВ-1. Заместитель госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Даниел Фрид определил направленность консультаций как «обсуждение вопросов прозрачности, связанных с Договором СНВ-1, после истечения срока действия этого Договора».

Представляется, что такой переговорный формат узок и если его не расширить, то достичь продвижения в сфере контроля над ядерными вооружениями не удастся. Договор СНВ-1 и Договор о СНП взаимообусловлены. Они регламентируют правила поведения сторон в одной и той же области — стратегических ядерных вооружений России и США. А потому судьбу этих договоров необходимо решать одновременно. Да и тактически это выгоднее: расширяется поле для достижения компромиссов. Кроме того, переговоры необходимо вывести на высокий уровень. Если этого не сделать, то в

переговорном процессе будут превалировать экспертные оценки, согласовать которые, как показывает практика, весьма трудно. Для достижения успеха нужны политические решения.

В целом же, учитывая стремление Вашингтона к оснащению стратегических ракет неядерными боеголовками, Москве следует настаивать на подписании нового юридически обязывающего договора. Он бы заменил Договор СНВ-1 и Договор о СНП и определил конкретный механизм контроля над стратегическими наступательными вооружениями с учетом оснащения их как ядерными, так и неядерными боеголовками. Позицию некоторых представителей руководства России, полагающих, что оснащение стратегических носителей неядерными боеголовками недопустимо, вряд ли можно считать жизнеспособной. Практика показывает, что если стороны хотят достигнуть согласия, то им следует учитывать интересы друг друга. В противном случае, как это было, например, с попытками адаптации подписанного 26 мая 1972 года в Москве Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО), результат априори будет отрицательным. Раз американцы стремятся к обладанию стратегическими средствами в неядерном оснащении, России необходимо это учитывать и сосредоточить дипломатические усилия на минимизации ущерба для стратегической стабильности от развертывания таких вооружений путем разумных ограничений. Бескомпромиссная позиция обернется против России, когда Соединенные Штаты все сделают по-своему.

Предметом активной дискуссии является в последнее время судьба Договора о РСМД. В России формируется мнение, что этот документ перестал отвечать интересам страны, а потому можно ставить вопрос об одностороннем выходе из него. При этом целесообразность такого шага обосновывается различными аргументами — от обеспокоенности тем, что ряд государств, расположенных недалеко от российских границ, имеют ракеты средней и меньшей дальности, а Россия такими вооружениями не обладает и «вечно так продолжаться не может», до утверждения, что подобный шаг был бы адекватным ответом на планы США по развертыванию баз ПРО в Европе.

Оценивая резонансность таких доводов, следует заметить, что ни один из них не соответствует ни букве, ни духу Договора о РСМД. Выход из него, согласно статье XV этого документа, возможен, если одна из сторон решит, «что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обязательства поставили под угрозу ее

высшие интересы». Однако вряд ли можно серьезно утверждать, что 10 наземных ракет-перехватчиков, размещенных в Польше, способны угрожать высшим интересам России.

Москве надо глубоко и всесторонне рассмотреть вопрос о целесообразности одностороннего выхода из Договора о РСМД. Поспешность в этом деле крайне вредна.

После проведения анализа может выясниться, что в военном отношении у России есть насущная потребность в ракетных средствах средней и меньшей дальности в неядерном оснащении. С военной точки зрения не просматривается необходимость обладания Россией ядерными ракетами средней и меньшей дальности. В таком случае Москве следует выступить с инициативой адаптировать Договор о РСМД под потребности обладания неядерными ракетами средней и меньшей дальности. В такой комплектации эти ракеты, что очень важно, не будут представлять неотвратимую угрозу ни для Европы, ни для других соседей России, ни — тем более — для Соединенных Штатов. Следовательно, можно ожидать, что их реакция на такой шаг России будет умеренной. Это создаст условия для того, чтобы США согласились с предлагаемой адаптацией Договора о РСМД.

Высказанные соображения, безусловно, не бесспорны и не исчерпывают всей проблематики, но заслуживают, по меньшей мере, обсуждения. Несомненно, что застой, воцарившийся в сфере контроля над ядерными вооружениями, необходимо преодолеть. Режим контроля должен быть сохранен. При всех его возможных несовершенствах это значительно лучше для международной безопасности, чем отсутствие контроля над ядерными вооружениями. А такое может случиться на рубеже 2012 и 2013 годов, если руководители России и США не проявят политическую волю.

Упорядоченная оборона

Как вернуть стратегическую устойчивость?

Ричард Беттс

Если бы Рип Ван Винкль (персонаж одноименного рассказа Вашингтона Ирвинга. — Ред.) заснул в бюджетном управлении Пентагона 20 лет назад и проснулся сегодня, то с первого взгляда он решил бы, что ничего не изменилось. В мирное время президент Джордж Буш-младший запросил на нужды Вооруженных сил США 505 млрд долларов в 2008 году — почти столько же в переводе на реальную стоимость доллара, сколько просил президент Рональд Рейган в 1988-м. Рип почесал бы в затылке, обнаружив, что советская империя и сам СССР развалились более 15 лет назад, а Вашингтон тратит на свою военную мощь почти столько же, сколько весь остальной мир, в пять раз превышая суммарные расходы всех своих потенциальных противников. Рип перестал бы вообще что-либо понимать, услышав, что планировщики в Пентагоне тем не менее обеспокоены стратегическим перенапряжением, а кандидаты в президенты наперебой обещают еще больше увеличить военный бюджет и численность войск.

Конечно, нынешняя нагрузка на ресурсы и Вооруженные силы объясняется войнами в Афганистане и Ираке. Но расходы на эти войны не включены в указанную выше «базисную» сумму в полтриллиона долларов. Их покрывает дополнительный запрос еще на 142 млрд долларов, тем самым суммарный военный бюджет-2008 поднимается до колоссальной цифры в 647 млрд долларов. В реальном выражении

Ричард Беттс — директор Зальцмановского института войны и мира при Колумбийском университете, старший эксперт Совета по международным отношениям. Его последняя книга — *Enemies of Intelligence* («Враги разведки»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 6 (ноябрь — декабрь) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

это на 25 % превышает военный бюджет 1968 года, одобренный в разгар вьетнамской войны, то есть в ходе самого масштабного и кровопролитного конфликта, с которым пришлось столкнуться США. И даже эта цифра не включает в себя еще 46 млрд долларов, расходуемых Управлением внутренней безопасности, чьи функции во многих других странах возлагаются на Министерство обороны.

Что можно было бы ответить на неизбежные вопросы Рипа о происходящем? Указать на то, что все подорожало? Возразить, что при этом военные расходы сегодня составляют меньшую долю ВВП, чем во время холодной войны (4,2 % по сравнению с 5,8 % в 1988-м и 9,4 % в 1968-м)? Но, если говорить начистоту, придется признать, что Вашингтон тратит такую сумму и чувствует себя незащищенным только потому, что политическое руководство страны перестало ясно мыслить в терминах оборонной политики.

В последние годы Соединенные Штаты, проводя политику в области национальной безопасности, действовали скорее инстинктивно, реагируя на устрашающие замыслы противников, чем руководствовались трезвой оценкой тех средств, которые им можно эффективно противопоставить. США столкнулись с совершенно реальными угрозами, и в будущем их ожидают, по-видимому, еще более значительные опасности. Но эти угрозы нельзя предотвратить сегодняшними затратами на самые дорогостоящие компоненты военной мощи.

Между тем политические лидеры Америки утратили способность ответственно устанавливать баланс между принятыми обязательствами и имеющимися ресурсами. Американцы моложе 80 лет вряд ли припомнят, чтобы в мирное время Соединенные Штаты обходились без многочисленной регулярной армии, хотя в первые 150 лет существования республики это являлось нормой. Поэтому ситуация, сложившаяся по окончании холодной войны, не выглядит столь уж необычной. К тому же подрядчики, живущие за счет оборонных заказов, приспособились организовывать политическую поддержку путем распределения субподрядов по максимальному количеству избирательных округов для выборов в Конгресс. А электорат обеих главных политических партий, традиционно выступавший за ограничение расходов, просто испарился, открыв простор своим неумеренным оппонентам.

Два последних президента США в конечном итоге прониклись амбициозными планами переустройства мира в соответствии с аме-

риканскими ценностями. Однако они не учли всю полноту бремени расходов и последствий, которые повлечет за собой воплощение их грандиозных планов. Результатом явился, прямо скажем, не очень удобный оборонный бюджет: больше, чем необходимо для базовой национальной безопасности, но меньше, чем требуется для повсеместного устранения всех существующих в мире злокозненных правительств и группировок.

Настало время трезво взглянуть на проблему. Единственная внятная причина, которой объясняется увеличение военных расходов — попытка установить добрую и великодушную американскую империю — опасное заблуждение. И все же более умеренная и разумная стратегия национальной безопасности может и должна быть «приобретена» по более низкой цене.

КАК БЫСТРО МЫ ЗАБЫВАЕМ

Кабинетные генералы полагают, что государства ставят перед собой прежде всего внешнеполитические задачи, а затем подчиняют все остальное их выполнению. В жизни все сложнее. Угрозы, возможности и риски, как правило, имеют неопределенный характер, а вот экономические затраты на то, чтобы оказаться максимально подготовленным к тому или иному повороту событий, всегда строго фиксированы. Политические лидеры в демократической стране вынуждены не только нести расходы на оборону, но и следить за тем, чтобы затраты на выполнение обязательств не выходили за рамки имеющихся ресурсов. Учитывая, что в прошлом Вашингтон успешно справлялся с куда более серьезными угрозами, чем сегодня, текущие дебаты о стратегиях и бюджетах только выиграют, если их участники попытаются мыслить в исторической перспективе.

Платежеспособность в том, что касается стратегии, — это уравнение, включающее ряд переменных. Так, в период холодной войны, чтобы правильно сводить баланс обязательств и средств, президенты Соединенных Штатов склонялись к разным решениям. Джон Кеннеди и Рональд Рейган пытались примирить амбициозные планы с ограниченными ресурсами, увеличивая оборонные расходы. Ричард Никсон решал аналогичную задачу прямо противоположным образом: он сократил военные обязательства, прибегнув к перераспределению бремени расходов и дипломатическим перегруппировкам. Дуайт Эйзенхауэр добился сокращения расходов, не изменяя унаследованным обязательствам, поскольку адаптировал

стратегию и пошел на повышенный риск (он предпочел защищать НАТО путем принятия доктрины массированного ответного ядерного удара, а не с опорой на многочисленные обычные вооруженные силы).

Сегодняшние сторонники увеличения военных расходов оправдывают свою позицию тем, что нынешняя доля обороны в ВВП значительно ниже показателей времен холодной войны. Это верно, но к делу не относится. Данная аргументация принимает во внимание лишь одну сторону уравнения — расходы, выгадывая на том, что игнорирует необходимость регулировать масштаб обязательств, выбор стратегии и степень риска. В результате из истории делается неверный вывод. А она учит, если ее правильно интерпретировать, что сегодняшним сократившимся угрозам можно было бы противостоять, сохраняя большую устойчивость и равновесие.

В эпоху холодной войны Вооруженные силы США постоянно готовились к Третьей мировой войне. Военная мощь поддерживалась в расчете на противодействие сверхдержаве, которая располагала 175 армейскими дивизиями, 40 тыс. единиц ядерного оружия и многочисленными союзниками. Но даже на ранних стадиях холодной войны, в атмосфере сильнейшей напряженности и страха, ценности минимизации издержек не были забыты. Расходы на оборону держались в узде за счет ограничений на доходы, строгого соблюдения объемов других государственных расходов и последовательного балансирования бюджета.

Как отмечено в классических исследованиях политологов Глена Снайдера и Самьюэла Хантингтона о формировании оборонной политики при президентах Гарри Трумэне и Эйзенхауэре, в то время расходы на оборону выделялись по «остаточному принципу»: эти президенты начинали с налоговых доходов, вычитали внутренние расходы, а то, что оставалось, отдавали на оборону. Трумэн поступал так, пока шок войны в Корее не заставил его начать наращивать военный потенциал; Эйзенхауэр рассчитывал таким образом сохранить здоровую внутреннюю экономику как основу для стратегической конкуренции в долгосрочной перспективе.

С точки зрения стратегии остаточный принцип являлся произвольным способом ограничения затрат и применялся не слишком долго. Возрождать его не имеет смысла. Однако нецелесообразно и сравнивать текущие оборонные расходы с издержками любой другой стадии холодной войны — ведь она закончилась.

В последний раз Соединенные Штаты оставались один на один с многополярной международной системой в те десятилетия, которые предшествовали Второй мировой войне. Тогда оборонные расходы в мирное время обычно не превышали двух процентов ВВП. В 1939-м, перед тем как в следующем году начать полную мобилизацию, США выделили на оборону всего лишь 1,4 %.

Такой уровень был, конечно, слишком низким, и после Пёрл-Харбора Соединенные Штаты усвоили этот урок навсегда. Но на каком основании делается вывод, что текущий уровень должен быть в три раза выше? Конечно, его не оправдывает ни одна из реальных угроз, с которыми в действительности могла бы столкнуться американская армия. Военный потенциал необходимо поддерживать на уровне комфортного превосходства над имеющимся либо вероятным противником. Но этот потенциал надо соотносить с возможностями самих противников, а не исходить из предельных технологий или неосознанного стремления иметь больше.

НАСТОЯЩИЕ И БУДУЩИЕ УГРОЗЫ

Пентагону будет трудно справляться с основными проблемами, связанными с оборонными расходами, пока Америка не выберется из затруднительного положения, в которое она сама себя загнала, развязав войну в Ираке. Эта война довела некоторые сегменты Вооруженных сил США до критического состояния. Часто сменяющиеся и продолжительные периоды боевой службы солдат и регулярное развертывание гражданских резервистов позорным образом вынудили малое число добровольцев платить высокую цену за просчеты политиков.

Основное планируемое средство преодоления этого кризиса — значительное увеличение численности Сухопутных войск и Корпуса морской пехоты — вызывает сомнения. Если бы дополнительные войска были сформированы раньше и выдвигались по мере необходимости, наращивание сил могло иметь смысл. Однако вербовка, обучение, организация и развертывание дополнительных сухопутных боевых соединений займет годы, а к этому времени Соединенные Штаты, вероятно, выведут основной контингент своих войск из Ирака. И если только Вашингтон не планирует вторжение в Иран либо в Северную Корею и не собирается завести привычку начинать масштабные противоповстанческие кампании в крупных несостоявшихся государствах (а ни то ни другое не представляется ни веро-

ятным, ни желательным), то не ясно, какие именно цели достигаются путем перманентного увеличения численности Сухопутных войск и корпуса морской пехоты США.

Более того, несмотря на попытки администрации Буша объединить войну против Саддама Хусейна и «войну с терроризмом», это два разных конфликта. Группы и люди, вдохновляемые «Аль-Каидой», будут представлять угрозу по всему миру и после того, как Соединенным Штатам удастся выбраться из Ирака. Но распространяемое некоторыми неоконсерваторами мнение о том, что Соединенные Штаты участвуют ныне в Четвертой мировой войне (третьей по счету была холодная война), — абсурдное раздувание современной угрозы. Эта идея неявным образом связывает также все антиамериканские настроения в исламском мире с радикалами, нанесшими удар по Всемирному торговому центру и Пентагону 11 сентября 2001 года. Для наблюдателей, чье стратегическое сознание пробудилось 11 сентября, Усама бен Ладен не менее опасен, чем Сталин. Но подобное мышление означает забвение, какие реальные масштабы имели вызовы прошлого.

Вашингтон распахнул шлюзы военных расходов после терактов 11 сентября в основном не потому, что это было стратегически целесообразно, а потому, что надо было что-то делать. В редких случаях войну против террористов можно вести с применением танковых армейских батальонов, авиации или сил Военно-морского флота — многочисленных обычных вооруженных сил, на которые главным образом тратится военный бюджет. Основная проблема состоит не в том, чтобы уничтожить террористов, а в том, чтобы их найти, и в этих целях в первую очередь наиболее пригодны такие средства, как разведка и силы специального назначения. Расширить возможности США в этих сферах непросто. Тут необходимо осуществить вербовку, и обучение, и эффективное развертывание ограниченного числа талантливых и отважных людей с соответствующими навыками. В то же время нет надобности в расходовании полтриллиона долларов, которые идут на оплату обычных и ядерных вооружений.

Вторая главная угроза безопасности Соединенных Штатов сегодня — распространение ядерного и биологического оружия массового уничтожения (ОМУ). То есть еще одна проблема, которую невозможно решить с помощью развертывания дорогостоящих обычных вооружений. Удары с воздуха сами по себе ненадежны как мера про-

тив распространения, особенно если цель заранее предупреждена, рассредоточилась и надежно укрыла инфраструктуру, предназначенную для производства такого оружия. В лучшем случае бомбардировка способна временно приостановить программу, в худшем — вдохнуть в нее новую энергию.

Единственный гарантированный военный способ ликвидировать программы ОМУ в другом государстве на ранней стадии их развития — вторгнуться на территорию этого государства и оккупировать его, но после фиаско в Ираке этот путь вряд ли в скором времени покажется кому-нибудь привлекательным. В конечном счете наименее ущербные инструменты, которыми можно воспользоваться, — это дипломатические и экономические: вознаграждение за сотрудничество и санкции за несоответствие.

После того как страна переступает ядерный порог, риск превентивной войны с ней становится слишком опасным. Имеет смысл решать проблему, прибегнув к мерам сдерживания и устрашения — стратегиям, которые, несмотря на их недостатки, десятилетиями держали оборону против Москвы и Пекина. Тем, на кого сегодня наводят панику Иран и Северная Корея, не следует забывать, что Махмуд Ахмадинежад и Ким Чен Ир — это просто мокрые курицы по сравнению со Сталиным и Мао. В стратегии ничего нельзя предполагать наверняка, но, находясь перед выбором, разумнее сделать ставку на то, что средства, сработавшие с деспотами прошлого, работают и с нынешними.

Что касается возможных будущих угроз, то Китай, очевидно, представляет собой серьезную проблему. Если экономический рост КНР продолжится, а внутренняя политика сохранит стабильность, она по необходимости будет действовать, как все остальные великие державы в истории: демонстрировать силу, чтобы получить то, на что, по ее мнению, она имеет право, и оспаривать иностранное доминирование в сопредельных странах. Еще более плохим вариантом мог бы стать антиамериканский альянс между восходящим Китаем и восстановившейся озлобленной Россией. Однако даже такая перспектива не требует в данный момент расходов на оборону, сопоставимых с периодом холодной войны.

Хотя военное соперничество с КНР не столь уж невероятно, оно не неизбежно, и отнюдь не в интересах США превращать его в самосбывающееся пророчество — а именно к этому могут привести преждевременные или неумеренные военные инициативы, нацелен-

ные на Китай. Если такой конфликт действительно начнется, времени на подготовку будет достаточно. Соединенные Штаты все еще намного опережают КНР по военно-воздушной и военно-морской мощи, а именно этот потенциал будет испытываться на прочность в случае войны в Тайваньском проливе. Сражаться с многочисленной китайской армией на азиатском материке в любом случае будет трудно, но решение проблемы состоит не в увеличении численности войск США, а в стратегии, позволяющей избежать возможности такого столкновения (за исключением Корейского полуострова, где географические условия позволяют удерживать оборону фронта).

Наилучший способ подстраховаться от долгосрочной китайской угрозы заключается в принятии мобилизационной стратегии. Такая стратегия предполагает планирование и изыскание ресурсов уже сегодня, с тем чтобы впоследствии военные возможности можно было при необходимости расширить. Это означает тщательное проектирование системы мер по обеспечению боевой готовности с акцентом на научно-технические разработки, профессиональное обучение и организационное планирование. Нарращивание оборотов мобилизации следует отложить, пока с полной достоверностью не подтвердится, что военное превосходство Америки начинает превращаться в простое преимущество. А до той поры сдерживание роста военного производства и экспансии лишь поможет избежать растранжиривания триллионов долларов на вооружения, способные технически устареть, когда угроза действительно материализуется. (Соединенные Штаты слишком долго — до 1940 года — откладывали мобилизацию против нацистской Германии и имперской Японии. Но начать мобилизацию в 1930-м было бы отнюдь не разумнее: авральная программа производства самолетов в то время привела бы в конечном счете к выпуску тысяч бесполезных бипланов.)

МИФЫ ИМПЕРИИ

Если, с одной стороны, текущий оборонный бюджет США больше, чем это необходимо для противостояния существующим и вероятным угрозам, то, с другой стороны, его совершенно недостаточно, чтобы поддерживать реальные усилия Америки по имперскому наведению порядка. Представление о том, что Соединенные Штаты имеют право и что им вменено в обязанность поддерживать мир в регионах, принимать меры дисциплинарного воздействия на нарушителей цивилизованных норм, продвигать демократию и уста-

навливать мировой порядок, — одна из отличительных черт вильсоновской традиции внешней политики. Во времена холодной войны эти амбиции отчасти сдерживались советской державой, но с приходом однополярного мира наступила пора расцвета.

Миссия глобального наведения порядка призвана оградить от непосредственных угроз не только американцев. Некоторые ее сторонники говорят об «эффекте домино» и «теории разумного эгоизма». Это означает, что угрозам, с которыми сталкиваются другие страны, следует поставить заслон, прежде чем они дадут метастазы и их разлагающее воздействие скажется на безопасности США. Приверженцы такого взгляда утверждают, что достаточно доверять поддержание стабильности на Ближнем Востоке местным тиранам и позволить Афганистану превратиться в пристанище террористов, как результатом станет новое «11 сентября». Такая логика делает превентивную войну законным средством политики национальной безопасности.

Подобного рода притязания чреваты возникновением серьезной проблемы, поскольку попытки управлять миром порождают сопротивление. Местные политические деятели редко воспринимают действия доминирующей державы как благие либо альтруистические; внешнее вмешательство часто вызывает возмущение и националистическую реакцию; за позитивные результаты хвалят неохотно, а при наличии проблем не скупятся на обвинения. В результате силовые военные акции обычно умножают количество врагов, в то время как разумная стратегия может привести к сокращению их числа и внести в их ряды раскол.

Вторая проблема заключается в том, что гуманитарное вмешательство у нас обычно воспринимают положительно, если оно кратковременно и необременительно, тогда как его успех у местного населения других стран зависит от того, насколько оно длительно и дорого. Политические лидеры редко призывают жертвовать кровью и богатством нации ради решения отдаленных проблем. Опыт Ирака, вероятно, еще больше усилит скептицизм в отношении таких мер.

Обе вышеуказанные проблемы усиливают друг друга. Чтобы иметь хоть какой-то шанс успешно играть роль доброго и великодушного гегемона, Соединенные Штаты должны более последовательно добиваться укрепления международного права, свержая кровавые режимы, не позволяя государствам приобретать опасные

вооружения и т. д. Но бремя таких мер обещает быть тяжелым и потребует национальной мобилизации и напряжения сил куда более значительных, чем те, на которых настаивают сегодня даже самые рьяные приверженцы вмешательства.

Но если Вашингтон предпочтет снизить расходы, подкрепляя универсальную риторику ограниченными действиями в отдельных удобных случаях, то его политику неизбежно будут считать произвольной, капризной или диктуемой в основном собственными материальными интересами. Имперская роль и сейчас, как и в прошлом, является и недоступно дорогой, и неразумной. Тот факт, что у Америки сейчас нет возможностей играть эту роль, не следует считать проблемой.

МЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ

Каким же образом политическому руководству США надлежит сбалансировать свои многочисленные интересы и достичь стратегической устойчивости? Достоинством практики формирования бюджета по остаточному принципу, введенному Трумэном и Эйзенхауэром, является ограничение расходов, а недостатком — необходимость идти на неприемлемо высокие риски. Но подходы, которые после 1950-х годов пришли на смену этим принципам, не принесли безусловных улучшений. Кеннеди пришел к власти на волне критики республиканцев, оказавшихся неспособными добиться успехов в области национальной безопасности, и установил принцип, согласно которому Соединенные Штаты должны тратить столько, сколько потребуется. Проблема была и остается в том, что просто не существует объективного способа подсчитать, какая цифра достаточна для защиты от потенциальных угроз, даже если цели и стратегии ясны. Кабинетные аналитики могут сколько угодно говорить о компромиссах и эффективности, но чье видение одержит верх, всегда определяет политика.

Значительное преимущество фиксированного бюджетного потолка состоит в том, что он заставил Объединенный комитет начальников штабов ВС США принимать трудные решения о программных приоритетах. Несмотря на заверения администрации Кеннеди, что она готова тратить столько, сколько нужно, бюджетные потолки продолжали реально применяться. Но поскольку определялись они уже не произвольно, то предметом разногласий стала величина пирога в целом, а не каждой его доли по отдельности. Не имея воз-

возможности сказать, что денег в их распоряжении больше нет, гражданские менеджеры вынуждены были теперь отвергать программы, на которых настаивали военные, заявляя, что в них нет необходимости. Таким образом, особенности процесса принятия решений заставляли их подменять оценки военных профессионалов собственными мнениями, в силу чего обсуждение бюджета превратилось в некий тест отношений между гражданскими и военными.

Тем самым отказ от произвольных лимитов бюджета непреднамеренно ослабил главное средство гражданского контроля — способность разделять и подчинять себе разные виды вооруженных сил и заставлять военных самостоятельно находить компромиссы между программами. Достаточно сравнить жесткую конкуренцию между видами вооруженных сил конца 1940-х и их взаимную предупредительность последних лет. В начале холодной войны ВВС и ВМФ ожесточенно соперничали за то, чья новая система вооружений — бомбардировщик *B-36* либо ударный авианосец — станет основным средством нанесения бомбовых ударов по территории Советского Союза. (В итоге, когда расходы на оборону увеличились втрое после начала войны в Корее, закупили и то и другое.) По окончании холодной войны уже не наблюдалось сколько-нибудь принципиальных дискуссий вокруг необходимости заменить бомбардировщиком *B-2* военно-воздушных сил одной или нескольких авианосных групп ВМФ, хотя угрозы, с которыми приходилось сталкиваться, были очевидно не столь велики, а стратегическая избыточность — явно менее необходима. *B-2* выглядел дешевле, учитывая расходы на приобретение и содержание авианосной группы, однако ВВС не пытались публично или в Конгрессе доказывать, что *B-2* — это менее затратный вариант стратегической авиации в XXI веке.

Разумеется, в прежние времена ВВС могли бы попытаться вырвать долю совокупного военного бюджета у других видов вооруженных сил, но в новых обстоятельствах они направили лоббистские усилия не на Объединенный комитет начальников штабов, а на исполнительную ветвь, подчинив свою заинтересованность в приобретении *B-2* другим приоритетам закупок в реестре программ ВВС.

Управленческие реформы 1960-х, с помощью которых предпринималась попытка рационализировать решения о ресурсах, не только создали новые трудности для гражданского контроля. В долгосрочной перспективе они также косвенно способствовали повышению расходов на оборону, поскольку создавали имидж Демокра-

тической партии как антивоенной. На начальной фазе холодной войны демократы регулярно выступали за более высокие, чем требовали республиканцы, расходы на военные цели и часто приобретали репутацию «партии войны». Однако после президентской кампании Макговерна в 1972 году Демократическая партия стала ассоциироваться с оппозицией оборонным расходам и использованию силы, чем заслужила репутацию стратегически бесполезной.

Когда этот имидж превратился в политический пассив, партия попыталась избавиться от него, отказавшись от требований экономить на обороне. В 1990-е Билл Клинтон тратил на армию больше, чем предлагалось в программе его предшественника, Джорджа Буша-старшего, на заключительном этапе президентства. В ходе избирательной кампании 2000 года кандидат от демократов Альберт Гор обещал увеличить расходы на оборону на 80 млрд долларов в предстоящие 10 лет. С тех пор основная масса демократов наперебой старалась доказать, что они такие же сторонники военных, как и все остальные.

В тот же период республиканцы отказались от своей традиционной одержимости идеей финансовой ответственности. Трумэн и Эйзенхауэр предпочитали остаточный принцип, потому что чувствовали необходимость сбалансировать федеральный бюджет. Позднее республиканцы, начиная с Никсона, придерживались той же риторики, но отказались от ее сути; они делали больший упор на сокращение налогов, чем на сокращение расходов, что приводило к бюджетному дисбалансу.

С течением лет подобные тенденции в обеих партиях привели к ослаблению прочной политической базы, на которой зиждилось ограничение оборонных расходов. Ее полностью уничтожили события 11 сентября. В результате оборонный бюджет в течение девяти из последних десяти лет рос в среднем больше чем на 6 % ежегодно — это рекорд, с которым несравнимо никакое другое десятилетие после окончания Второй мировой войны, даже с учетом ведения войн в Корее и Вьетнаме. (В 1960-е, включая наращивание вооружений при Кеннеди и худшие годы вьетнамской войны, среднегодовое увеличение оборонного бюджета составляло 2,5 %.)

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ

Глупо задавать вопрос, могут ли Соединенные Штаты позволить себе поднять уровень военных расходов. Могут, и если необходимо — поднимут. Проблема заключается в том, что есть другие важ-

ные вещи, которые США тоже хотят и могут себе позволить, а доллар, потраченный на что-то одно, нельзя уже потратить на другое. Расходы на оборону должны быть сбалансированы не только в соответствии с предполагаемыми нуждами военных, но и с иными потребностями. Речь идет не только о таких фундаментальных внутренних программах, как пособия социального страхования и бесплатная медицинская помощь, которым угрожает надвигающийся дефицит, но и о других статьях, затрагивающих интересы национальной безопасности.

Например, Государственный департамент находится на относительно голодном пайке. Ему с трудом удается обеспечивать посольства персоналом и нести миссию США по всему миру, располагая штатом лишь в несколько тысяч человек и запрошенным бюджетом на основную деятельность всего чуть больше 7 млрд долларов. Суммарная бюджетная заявка Госдепа на 2008 год, в которую входят средства на оказание помощи иностранным государствам, вклады в международные организации и миротворческие миссии, а также вспомогательное финансирование операций в Ираке и Афганистане, едва превышает 42 млрд, что составляет 6,5 % от объема финансирования, запрошенного Пентагоном. В мире, где источником многих угроз являются политическая и экономическая нестабильность, а также антиамериканские настроения и где правительство США с огромным трудом способно поддерживать коммуникацию на уровне широких масс населения, эти цифры представляются крайне несбалансированными.

Даже при наличии бесконечных ресурсов, направляемых на поддержание военного потенциала, все равно достигались бы лишь отдельные цели. Способность, опираясь на военную силу, формировать мир в соответствии с американскими ценностями, более ограничена, чем казалось на волне оптимизма постбиполярной эпохи. Имперское установление порядка возможно, когда речь идет об отдельных убийцах или бандах головорезов, а не в случае организованных и обученных вооруженных отрядов. Навязывание политического порядка при наличии сопротивления, как правило, требует войны — куда более кровопролитного и сложного предприятия.

Профессиональные военные это понимают, и именно поэтому они обычно пытаются избежать таких полицейских операций и отстаивают стратегии, которые опираются на подавляющее военное превосходство. Штатские, напротив, часто предпочитают косвенное

и ограниченное применение военной силы, полагая, что таким образом можно добиться значительных выгод за безделицу. Учитывая трудности, с которыми сталкивались в последнее время Соединенные Штаты при осуществлении военных вмешательств, есть основание полагать, что в ближайшем будущем Америка станет реже прибегать к таким операциям.

На восстановление стратегической устойчивости потребуется время, и есть веская причина не сокращать оборонный бюджет радикально. Более того, аргументы в пользу лимитов утратят силу, если в общественном мнении в результате будущих катастрофических терактов пустит корни идея Четвертой мировой войны. Но если подобному не суждено случиться и утвердится более скромная стратегия национальной безопасности, станет легче ограничить расходы на оборону и направить их на угрозы, заслуживающие большего внимания. Демократы придут в себя после многолетней борьбы с имиджем слабаков. Республиканцы вновь проявят интерес к финансовой ответственности.

Для защиты интересов национальной безопасности Соединенным Штатам необходимы мощные вооруженные силы, которые соответствуют внешним угрозам и закрывают слабые места в системе обороны, действительно представляющие опасность для страны, а не используются для удовлетворения амбиций по переустройству мира. В идеале будущая администрация станет принимать соответствующие решения, основываясь на не столь произвольных расчетах, как у Трумэна и Эйзенхауэра, но и не столь регламентированных, как у Никсона. Правда, если бы пришлось выбирать между этими двумя подходами и сегодняшней расточительностью Вашингтона, то оказалось бы, что старые модели — не самые худшие. Нынешние защитники искусственного сохранения высокой доли военных расходов в ВВП придерживаются стандарта, который столь же далек от способности здраво оценить угрозы, сколь и остаточный принцип.

Смена направления в сторону конкретного сокращения расходов потребует принятия непростых решений, трудных переговоров и жестких схваток на политической арене. Настроения в пользу увеличения оборонных расходов после 11 сентября 2001 года укоренились настолько широко, что пока немногие представители политического мейнстрима систематически отваживаются выступать за их снижение.

Даже Институт политических исследований, который обычно позиционируют значительно левее центра, рекомендует сократить

основной оборонный бюджет всего на 56 млрд долларов, то есть на 11 %, а общие военные расходы — меньше чем на 9 %. Подобные призывы не приходится сравнивать с временами президентской кампании Макговерна, который требовал снизить военные расходы на треть, и это на завершающей стадии последней непопулярной войны Америки. Предлагаемый Институтом политических исследований оборонный бюджет на 2008 год предусматривает сокращение или отмену закупок самолетов *F-22*, *F-35*, *C-130J* и *V-22*, субмарин класса *Virginia* и эсминцев класса *Zumwalt*, а также финансирование армейской программы «Боевые системы будущего», национальной противоракетной обороны, космических вооружений, ядерных систем, научно-технических разработок и развернутых сил ВВС и ВМФ.

Возможно, некоторые из этих предложений опрометчивы (например, сокращение расходов на научно-технические разработки плохо сочетается с переходом к мобилизационной стратегии). Но реализация даже половины из обозначенных предложений урежет базисный бюджет (но не текущие расходы на войну) почти на 6 %.

Концентрация политической воли к сдержанности потребует напряженной борьбы. Начало может быть положено лозунгом «Полтриллиона долларов — это более чем достаточно». Небольшие сокращения в течение нескольких лет при неизменном бюджете, подтачиваемом инфляцией, заставят систему ту же затянуть пояс. Сокращения должны основываться на том соображении, что дорогостоящие программы предназначены исключительно для противостояния реальному потенциалу противника, а не для поддержания традиционных приоритетов видов вооруженных сил, расширения технологических горизонтов как самоцели или поглощения ресурсов, оказавшихся доступными благодаря политической конъюнктуре.

Война на аутсорсинге

Вероника Крашенинникова

В то время как в России государство активно прибирает к рукам прибыльные активы, американское правительство добровольно передает деятельность, считавшуюся прерогативой государства, частному бизнесу — подрядным компаниям, которые за годы президентства Джорджа Буша-младшего стали четвертой властью.

С 2000 по 2006 год объем федеральных подрядов более чем удвоился, а число сотрудников частных компаний, выполняющих государственные контракты, превышает численный состав госслужащих. Из частных компаний гиганты подрядного бизнеса постепенно превращаются в квазигосударственные агентства: господряды составляют 90–95 % их деловой активности. Так, малоизвестная широкой публике компания *SAIC (Science Applications International Corporation)* со штатом в 44 тыс. сотрудников — больше, чем министерства труда, энергетики и жилищного строительства, вместе взятые, — имеет текущие госконтракты на сумму 13,6 млрд долларов.

Когда же подрядчику отдается функция, по определению являющаяся монополией государства (применение военной силы), возникает совершенно новая система отношений между ним, вооруженными силами и бизнесом. Как происходит в Америке «приватизация войны» и каковы ее вероятные последствия? Как это отразится на способности Соединенных Штатов отстаивать свои национальные интересы и отвечать на возникающие по всему миру вызовы?

В.Ю. Крашенинникова — к. и. н., президент Совета по торгово-экономическому сотрудничеству США — СНГ, представитель Санкт-Петербурга в Соединенных Штатах. Автор благодарит за консультации генерал-лейтенанта Вооруженных сил РФ Николая Уварова и американского военного аналитика Харлана Аллмана.

ВЗЛЕТ ВОЕННОГО ПОДРЯДА

Численность американского воинского контингента в Ираке составляет 160 тыс. человек. Одновременно там на подряде работают около 180 тыс. сотрудников частных американских компаний. В разработке иракской политики, включая подготовку повестки дня и ведение протоколов совещаний, Государственному департаменту США помогает компания *BearingPoint*. «Большая тройка» военных подрядчиков — *DynCorp*, *Blackwater*, *Triple Canopy* — в 2006-м выиграла контракт в миллиард долларов на охрану американских посольств в разных странах мира. Компания *Kellogg, Brown and Root (KBR)* подписала договоры на 7,2 млрд долларов, взяв на себя исполнение вспомогательных функций американских Вооруженных сил в глобальном масштабе. На ближайшие пять лет Разведывательное управление Министерства обороны выделило частным подрядчикам около миллиарда долларов, поручив им сбор и анализ развединформации.

К «глобальной войне с терроризмом» военные подрядчики подключились через несколько дней после трагедии 11 сентября 2001 года. Тогдашние директор ЦРУ Джордж Тенет и директор Антитеррористического центра ЦРУ Кофер Блэк обещали президенту Джорджу Бушу найти и обезвредить Усаму бен Ладена и лидеров движения «Талибан». Однако в результате суровых внутренних чисток, навязанных Конгрессом и общественным мнением, ЦРУ не располагало достаточным числом оперативников с необходимой подготовкой. И управлению пришлось обратиться к проверенным временем когортам — подрядчикам, в основном бывшим сотрудникам спецслужб.

За несколько недель была создана и отправлена в Афганистан группа из 64 оперативников, чьи функции состояли в «формировании» войск «посредников», то есть покупке и поддержанию лояльности местных полевых командиров, сборе оперативных данных, ведении допросов, поиске бен Ладена и его приспешников. По словам специалистов, деятельность ЦРУ и частей особого назначения в Афганистане положила начало новой эре совместных операций американских военных, разведки, военизированных служб, местных вооруженных отрядов, наемников, гражданских подрядчиков и некоммерческих организаций, не проводившихся со времен Вьетнама и Лаоса.

Однако военный подряд (военный подряд, аутсорсинг и приватизация — понятия близкие, и в контексте этой статьи они взаимозаменяемы. — В.К.) — феномен не новый. Так, во время боснийской

войны весной 1995-го сербские формирования, несмотря на значительное преимущество, дрогнули, не выдержав напора хорватов, которые вдруг стали атаковать по всем правилам тактики и стратегии НАТО. Согласно упорно циркулировавшим слухам, проведенная хорватами операция «Шторм» была спланирована американской компанией *Military Professional Resources Incorporated (MPRI)*, хотя последняя и отрицает свое участие.

Примерно в то же время южноафриканская фирма *Executive Outcomes* спасла от повстанцев правительство Сьерра-Леоне. В Анголе в 1990-е годы было задействовано более 80 компаний военных подрядчиков. Заказчиками выступали не только правительства, но и крупные корпорации. Например, для охраны своих объектов в Колумбии английская нефтяная монополия *British Petroleum* нанимала батальон местных военнослужащих, боевую подготовку которых обеспечивала британская *ArmorGroup*.

Военный подряд включает в себя не только непосредственно связанные с боевыми действиями услуги, но и тыловое и материально-техническое снабжение, неотделимые от военных операций.

Существует три категории частных военных подрядчиков.

«Поставщики» обеспечивают подготовку кадров и частные охранные услуги в зоне конфликтов. Их действия (по уставу) сугубо оборонительные (*Blackwater, Triple Canopy, Executive Outcomes*).

«Консалтинговые» фирмы предоставляют в распоряжение заказчика отставных старших офицеров, обладающих стратегическими знаниями, административными способностями и опытом работы. Консультанты не участвуют непосредственно в вооруженных столкновениях (*MPRI*).

Компании материально-технической поддержки (*KBR, Halliburton*) обеспечивают снабжение, тыловые функции и логистику, их сотрудники — гражданские строители и инженеры с опытом работы в зоне боевых действий. Таким образом, к военным подрядчикам относятся и тяжеловооруженные охранники, и безоружные гражданские инженеры.

При этом военные подрядчики сегодня мало похожи на лихих наемников, процветавших в 1980—1990-е в Африке. Их компании становятся объектом инвестиций самых богатых корпораций из списка *Fortune-500*. Они хорошо интегрированы в истеблишмент, а руководящие должности в них занимают бывшие высокопоставленные госслужащие.

Компания *Blackwater* — это наиболее яркий пример успеха военного бизнеса. Ее основатель, тогда 30-летний Эрик Принс, бывший служащий *Navy SEALs* (спецназ ВМФ США. — **Ред.**), унаследовал от отца огромное состояние и в 1999 году создал полигон для подготовки кадров спецподразделений ФБР и полиции. Первые годы дело шло медленно, но Ирак оказался золотой жилой: компания получила контрактов более чем на миллиард долларов. По словам Принса, *Blackwater* способна подготовить 35 тыс. специалистов в год, может за 24 часа перебросить и развернуть полк в 1 700 бойцов в любой точке мира (правда, военные опровергают подобные заявления как нереальные). Эрик Принс любит проводить параллель: *Blackwater* в сравнении с регулярной армией — это как служба *Fedex* в сравнении с обычной почтой, эффективное решение частного бизнеса против склеротичной и расточительной государственной бюрократии.

Недавно *The Prince Group*, холдинговая компания *Blackwater Worldwide*, основала филиал *Total Intel*, который специализируется на сборе информации для государства и частных компаний — данных о природных катастрофах, политике правительств по отношению к бизнесу, законодательстве других стран. По словам главы *Total Intel*, бывшего директора Антитеррористического центра ЦРУ Кофера Блэка, его фирма «приносит профессиональные умения, которые традиционно оттачивало ЦРУ, напрямую в зал совещаний частных компаний». «Шпионы в аренду» — так называют их критики.

Финансовая сторона охранного бизнеса представляется привлекательной. Сотрудник компании, в зависимости от степени профессионализма и уровня допуска к секретной информации, получает от 400 до 1 200 долларов ежедневно. Когда сотруднику выплачивается, например, 500 долларов в день, компания выставляет заказчику счет на 1 500 долларов. На накладные расходы уходит 500 долларов, остается 500 долларов чистой прибыли с сотрудника в день. Работа заключается в охране высокопоставленных лиц, местных и американских, включая президента Афганистана Хамида Карзая, сотрудников посольства США в Багдаде (их насчитывается около 2 тыс. человек), а также в сопровождении грузов, охране нефтепроводов и другой критической инфраструктуры, подготовке иракских полицейских, сборе развединформации, ведении воздушного наблюдения.

Правда, период «золотой лихорадки» охранный бизнеса постепенно спадает: в среднем 600–700 долларов в день превратились скорее в 400, более привлекательных для граждан третьих стран, чем для американцев. Подсобные работы и «статическая» охрана и прежде выполнялись филиппинцами, пакистанцами, малайцами, индийцами, чилийцами и подрядчиками из других стран Третьего мира. Для сравнения: в 2003 году за службу в Восточном Тиморе компания *DynCorp* платила 105 тыс. долларов в год, в Боснии — 90 тыс., в Косово — 89 тыс. долларов.

При этом жизнь военного подрядчика подвержена тем же опасностям, что и жизнь регулярных военнослужащих, однако государство не дает страховки и не покрывает расходов на лечение в случае ранения. Ежедневная зарплата в 500 долларов может показаться высокой, но поскольку рабочего дня, как такового, в зоне военных действий не существует, то она может свестись к 25 долларам в час. Больше трех месяцев кряду охранники в Ираке стараются не работать — во избежание психического расстройства. В случае смерти подрядчика получателям выплачивается, согласно распоряжению Министерства обороны, страховка лишь в 65 тыс. долларов (в сравнении с 250–400 тыс. долларов для военнослужащих). Трагический инцидент в Фаллудже в марте 2004 года, когда толпа растерзала четверых американских охранников, высветил не только опасность, но и многочисленные нарушения условий работы караульной службы.

Оказалось, что вместо положенных по контракту шести человек на задание были отправлены четверо конвоиров, присланные из разных команд и вместе никогда не работавшие, без подготовки и проработки маршрута в течение необходимых 24 часов, без карт местности и без предусматриваемых контрактом пулеметов и бронированных машин. За этими нарушениями стояло типичное для частного бизнеса стремление снизить издержки.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Развитие военного подряда стало естественным следствием окончания холодной войны и отражает англосаксонский подход к управлению государством и бизнесом. Уже в середине 1980-х, когда из Советского Союза стал поступать на волне перестройки огромный поток информации, американским агентствам пришлось прибегнуть к услугам внештатных специалистов для ее обработки.

Еще в начале 1980-х годов сокращение военных бюджетов и численности Вооруженных сил заставило искать новые способы обеспечения военных функций. Почин приватизации положила Маргарет Тэтчер. Первыми на подряд ушли материально-техническое снабжение и тыловые функции. В Соединенных Штатах в 1985-м была запущена первая Программа усиления служб тыла гражданскими специалистами (*LOGCAP*), позволившая Сухопутным войскам нанимать различные фирмы для обеспечения широкого спектра услуг, таких, как электроснабжение, водоочистка, строительство, санирование, эксплуатация, транспорт, питание, прачечные и пр. В 1992 году Ричард Чейни, в ту пору министр обороны США, поручил компании *Brown and Root* (сегодня она называется *Kellogg, Brown and Root*) изучить ситуацию с использованием частных военных подрядчиков в зонах конфликтов. А в 1995-м Чейни, как известно, возглавил материнскую компанию *Halliburton*, которой руководил до возвращения на госслужбу в 2000 году.

Сокращение численности армии также спровоцировало выброс на рынок труда огромного количества бывших военнослужащих, которые активно способствовали созданию индустрии военных услуг. Одни основывали компании, другие нанимались в них работать (кстати, в России этот процесс разворачивался тоже очень активно).

Кто в Америке идет в военный бизнес?

15–20 % кадров приходят напрямую из армии. Другие — в возрасте от 25 до 50 с лишним лет после некоторого периода гражданской жизни, отслужив до этого в подразделениях *Delta*, флотских *SEALs*, секретных подразделениях особого назначения, морской пехоте, рейнджерах Сухопутных войск (десантное диверсионно-разведывательное подразделение), ФБР, Сухопутных войсках и, наконец, полиции. За 20 лет службы, как шутят бывшие спецназовцы, они приобретают кольцо с топазом, «Харлей-Дэвидсон», бывшую жену и надежду получить работу зазывалы в местном супермаркете. Поэтому они благодарны военным подрядчикам за шанс вернуться в атмосферу боевого товарищества, послужить стране и заработать. Таким образом, подряд выполняет существенную социальную функцию, способствуя трудоустройству офицеров в отставке.

Концептуальная основа использования подрядной силы состоит в традиционном англосаксонском и в особенности республиканском убеждении: чем меньше государства, тем лучше, а частный бизнес способен выполнить задачи более эффективно. «Лучшие умы

— не в правительстве. Бизнес их уводит к себе», — говорил президент Рональд Рейган. Военный аспект той же англосаксонской традиции диктует компактность армии и добровольность ее формирования. Стремительное повышение сложности и технологичности военного дела к тому же требует навыков, которым невозможно обучить призывников за два-три года.

«Трансформация», затеянная главой Пентагона Доналдом Рамсфелдом в 2001 году, преследовала, в частности, цель вывести на аутсорсинг все, что выходит за пределы непосредственных боевых действий. Частные компании теперь занимаются не только материально-техническим снабжением, но и управлением беспилотными разведывательными аппаратами *Global Hawks*, дозаправкой в воздухе самолетов флота и морской пехоты, полетами истребителей условного противника во время учений ВВС.

Необходимость аутсорсинга значительно возросла с началом «глобальной войны с терроризмом», ибо за короткое время весьма сложно существенно увеличить численность добровольной армии. *Важнейшая социально-политическая функция военного подряда состоит в том, что он позволяет избежать призыва.* Введение воинской повинности равнозначно для любого президента Соединенных Штатов политическому самоубийству. Использование военных подрядчиков позволяет также несколько сократить цифры погибших: с начала операций в Афганистане и Ираке погибло более 800 подрядчиков, вооруженных и невооруженных (число потерь регулярных войск в декабре 2007-го приближалось к 4 400).

Расхожая государственная мудрость гласит, что аутсорсинг экономит средства. Действительно, каждый военнослужащий с учетом зарплаты, пенсии, социального обеспечения и пожизненного медицинского обслуживания может обойтись государству в сумму до 10 млн долларов. Кроме того, в условиях затяжной войны государству приходится платить военным все больше и больше, чтобы они оставались на службе.

Однако, помимо экономии на прямых расходах, *приватизация военных функций позволяет избежать ответственности за ошибки и политические издержки:* в случае неудачи провал будет списан на компанию. Стреляющий без разбору солдат регулярных войск может спровоцировать международный конфликт и навлечь волну возмущения на страну. Подрядчик же просто будет уволен и раскритикован, его компания рискует потерять контракт, но этим ее непри-

ятности ограничатся. «Аутсорсинг вины», предоставляемый военным подрядом, — это очень полезный для государства ресурс.

Подрядчики незаменимы, когда государство не желает ассоциироваться с определенными странами, задачами или методами. Так, присутствие американских военных в Пакистане невозможно по многим причинам, но действия неидентифицируемых лиц устраивают и американскую, и пакистанскую стороны. Передача на подряд ведения допросов способна помочь избежать скандалов типа Абу-Грейб. Кроме того, существует спорный аргумент, что с высокоморальными принципами регулярной армии войну с терроризмом не выиграть — нужны люди, которые действуют без особой щепетильности и от которых в случае чего государство готово откеститься.

Военный подряд в Соединенных Штатах — не роскошь, а необходимость, единственно приемлемое решение критической задачи, поставленной политиками перед военными.

ЧАСТНЫЕ ПРОВОДНИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ?

В этом контексте важен не только сам факт использования военных подрядчиков, но и масштаб их деятельности и ставшая незаменимой их роль в условиях современной тактики военных действий и осуществлении внешней политики США.

Проблемы, создаваемые индустрией частных военных услуг, пока не получили широкую огласку и не стали предметом общественной дискуссии. Даже пресса посвящает им гораздо меньше внимания, чем критике регулярной армии. Некоторые пороки новой системы отношений между государством, армией и бизнесом уже проявились, другие еще остаются потенциальными.

В отличие от кадровых военных либо служащих Государственного департамента, частные охранные подрядчики в Ираке подчиняются только своему работодателю. Задачи строить демократию и «завоевывать сердца и умы» иракцев перед ними не стоят, а свои обязанности они должны выполнять любой ценой — побочный урон несуществен. Правила применения вооруженной силы у них более размыты, чем у военных. Те и другие взаимно не терпят друг друга.

Устав частных охранников начинается так: «Ничто в этих правилах не ограничивает ваше неотъемлемое право прибегать к необходимым для самозащиты действиям». Для иракцев же регулярный

солдат или подрядчик в военной форме — это просто «американец». Из-под юрисдикции иракского закона и те, и другие были выведены, а в Америке ни один судебный процесс против подрядчиков не закончился их наказанием. В результате методы действий и репутация подрядчиков часто идут вразрез с усилиями регулярной армии, устремлением к демократизации и собственно репутацией Соединенных Штатов.

Частные охранники действуют вне контроля и отчетности, операции многочисленных фирм никем не координируются, а точное их количество в Ираке не известно даже главе профессиональной Ассоциации военных подрядчиков. После сентябрьского инцидента с участием охранников из компании *Blackwater*, которые убили 17 невооруженных иракцев в целях самозащиты, заказчик (Госдепартамент США) предложил посылать на задания вместе с группой... своего сотрудника. Эта мера заведомо недействительна и нереализуема: заказчик не заинтересован в том, чтобы находить изъяны в работе своего подрядчика, а нехватка кадров Госдепартамента в Ираке составляет около 50 %, ибо дипломаты в массовом порядке отказываются от службы в зоне военных действий.

Из средств, выделенных на восстановление Афганистана, около 90 % получают американские подрядчики. Безработным иракцам и афганцам, как и прежде, только и остается, что существовать на деньги террористов и выращивать мак. Так что многомиллиардные средства на реконструкцию мало способствуют целям восстановления нормальной жизни.

Основной стимул военных подрядчиков — зарабатывание денег (хотя подспудное желание служить интересам государства чаще всего присутствует). Кредо военного охранника, произведение профессионального фольклора, в утрированной форме отражает его менталитет: «Я — военный подрядчик США. Я забочусь о себе, оперативниках справа и слева от меня и ни о ком больше. Я всегда воспользуюсь возможностью послать офицеров регулярных войск и буду это делать при каждом удобном случае. Я — козел отпущения моей страны, боец, от которого открестятся, и мне это нравится... Я исполняю эту работу потому, что она дает возможность уничтожить врагов моей страны и наконец-то купить катер, о котором я всегда мечтал... Я буду работать на моих условиях, а если условия станут слишком стрёмными, я просто-напросто найду другую компанию, которая заплатит мне больше».

При более пристальном взгляде финансовая выгода военного аутсорсинга не столь очевидна. Оплата услуг подрядчиков происходит по схеме «издержки плюс фиксированная прибыль», значительная часть контрактов Госдепартамента и Минобороны распределяется на бесконкурсной основе среди «уполномоченных» компаний, и поэтому стимул сокращать издержки у подрядчиков отсутствует. Главный подрядчик часто нанимает субподрядчиков, те в свою очередь имеют право организовать собственную сеть субподрядов — так цепочка исполнителей может нарастать до четырех-пяти компаний, каждая из которых добавляет свою фиксированную прибыль. Одновременно размывается ответственность и перестают предоставляться гарантии качества.

Военный подряд обеспечивает одноразовый расход, высокий и чаще всего эффективный, при этом исключаются отчеты, обязательства и какая-либо ответственность в случае провала.

ВОЕННЫЙ ПОДРЯД — ЯЩИК ПАНДОРЫ?

Потенциальные риски новой системы отношений между государством, военными и частным бизнесом еще в полной мере не проявились, но некоторые эксперты уже бьют тревогу по поводу потери государством монополии на военные функции.

Рычаги государственного контроля над военными подрядчиками на данный момент ограничены тем, что законодательная база проработана недостаточно четко, а основной механизм системы сдержек и противовесов, находящийся в руках Конгресса США, на них не распространяется. Подрядчики подчиняются своим клиентам, менеджерам и акционерам, и деньги для них — основная мотивирующая сила. Чем займется в поисках заработков эта частная высококвалифицированная армия военных подрядчиков после Ирака и Афганистана? Кто станет их следующим заказчиком? Возможно, правительства других стран. А может быть, крупные корпорации. Защищая их интересы и активы, подрядчики невольно окажутся вовлечены в военные конфликты с местными формированиями, способные перерасти в локальные войны. Из оборонительных организаций, каковыми они являются в настоящее время, подрядчики могут превратиться в наступательные — тогда разделительная линия между ними и наемниками исчезает.

Когда частные подрядчики берут на себя выполнение одной из самых конфиденциальных государственных миссий — сбор секрет-

ных сведений (работая при этом и на частных клиентов), как избежать риска утечки информации и нарушения процесса принятия государственных решений?

Эти вопросы пока остаются без ответов. Правда, определенный оптимизм внушают адаптируемость американской системы к новым условиям и корректирующее давление общественного мнения.

Военный подряд — это механизм, нацеленный на восполнение недостатка Вооруженных сил, и, как таковой, он расширяет способность Америки отвечать на угрозы. Ресурс практически неограничен, поскольку его питает мощь американской экономики и предпринимательской инициативы, которые к тому же могут черпать на глобальном рынке любой недостающий элемент, например, рабочую силу. Поэтому американская администрация, несмотря на связанность затяжными конфликтами в Ираке и в Афганистане, способна рискнуть и нанести удар по Ирану (американские флот и авиация имеют солидный резерв, в отличие от Сухопутных войск и Корпуса морской пехоты). И при этом всегда найдется достаточно подрядчиков, чтобы заниматься боевой подготовкой армий Грузии, Иордании, Гаити и других стран. Самим фактом своего существования военный подряд расширяет возможности политического руководства Соединенных Штатов обеспечивать национальные интересы.

Американские выборы и внешняя политика

Александр Терентьев

В США давно не было президентской избирательной кампании, исход которой был бы столь же неопределен, как в 2008 году. Среди республиканцев и демократов идет ожесточенная борьба за право представлять свою партию в финале этой гонки. Причем впервые за долгое время внешняя политика стала одной из центральных тем. Это и неудивительно — ведь государство находится в состоянии войны, да и в целом будущее американского лидерства является предметом серьезных споров.

Ведущий американский журнал по вопросам международной политики *Foreign Affairs* предоставил основным кандидатам возможность изложить свою внешнеполитическую программу. И демократы, и, что примечательно, республиканцы сделали крайне идеологизированные внешнеполитические заявления. А кандидаты, которые предпочитают прагматичную и умеренную внешнюю политику, превратились в аутсайдеров. Все претенденты сходятся во мнении, что Америке необходимо наращивать военный потенциал и активно участвовать в разрешении конфликтов по всему миру.

ВОЙНА В ИРАКЕ

Демократы рассчитывают одержать победу в борьбе за Белый дом, обещая вывести войска с Ближнего Востока. Республиканцы же возлагают надежду на то, что, как и на прошлых выборах, им удастся набрать очки за счет непримиримой позиции в иракском вопросе. Самым убежденным сторонником продолжения войны до победы является сенатор-республиканец от штата Аризона вьетнамский ветеран Джон Маккейн. «В вопросах войны и мира я могу предложить американцам свой опыт, — заявил он, выступая перед избирателями штата Нью-Хэмпшир. — Об ужасах войны я знаю не

понаслышке. Кроме того, последние два десятилетия я занимался в Конгрессе вопросами безопасности».

По словам Маккейна, вывод американских войск с Ближнего Востока даст повод исламистам утверждать, что они победили Советский Союз в Афганистане и Соединенные Штаты в Ираке и что отныне никто не сможет им противостоять. Кроме того, расколотое на части государство станет убежищем для террористов, гражданская война там быстро перерастет в региональный конфликт, а Иран приобретет еще большее влияние. И если претенденты от Демократической партии в угоду общественному мнению готовы вывести войска из Ирака, Маккейн утверждает, что скорее проиграет выборы, чем будет молчаливо наблюдать за тем, как страна проигрывает сражение. «Крах в Ираке, — пишет Маккейн в статье «Прочный мир, основанный на свободе», — нельзя будет назвать провалом одной администрации или партии. Это американская война, и ее результаты коснутся всех граждан США».

Экс-губернатор штата Арканзас республиканец Майкл Хакаби, совершивший рывок в начале 2008-го, также считает, что из Ирака уходить рано. По его мнению, иракские солдаты и полицейские не способны обеспечить безопасность. «Вывод американских войск повлечет за собой кризис в регионе, — пишет Хакаби в статье «Американские приоритеты в войне с терроризмом». — Ирак находится на пересечении арабского и персидского мира, суннитской и шиитской религий. И децентрализация этого государства приведет к анархии на всем Ближнем Востоке». Не собирается сворачивать иракскую кампанию и бывший мэр Нью-Йорка республиканец Рудольф Джулиани. По его словам, Соединенные Штаты рискуют повторить ошибки прошлого: Америка вывела войска из Вьетнама в тот момент, когда назревал серьезный перелом в пользу американцев и их союзников, и позволила коммунистическому Северу одержать победу над Югом.

Напротив, для демократических кандидатов вывод войск из Ирака — главный козырь. «Окончание войны в Ираке — это первый шаг к восстановлению глобального лидерства Соединенных Штатов, — пишет сенатор от штата Нью-Йорк Хиллари Клинтон в статье «Безопасность и новые возможности XXI века». — Эта война ослабляет наши Вооруженные силы, истощает стратегические запасы, отвлекает внимание от военной кампании в Афганистане, приводит к отчуждению союзников и расколу в самой американской нации».

В 2002 году Клинтон вызвала недовольство многих демократов, поддержав решение начать военные действия в Ираке. С тех пор она неоднократно осуждала иракскую политику нынешней администрации. Правда, эксперты отмечают, что в своих планах Клинтон не так радикальна, как ее коллеги. Согласно предложениям таких демократических претендентов, как Барак Обама и Джон Эдвардс, американские войска могли бы покинуть зону конфликта уже в течение 18 месяцев. Хиллари же отводит на это 4 года. Вместо военных действий Клинтон призывает сосредоточиться на дипломатических инициативах — например, создать региональную группу по стабилизации ситуации в Ираке. По ее мнению, в группу должны войти ключевые союзники США, крупнейшие мировые державы и все страны, граничащие с Ираком. Клинтон утверждает, что это поможет удержать Иран, Саудовскую Аравию, Сирию и Турцию от участия в гражданской войне в Ираке.

Чернокожий сенатор от штата Иллинойс Барак Обама сделал скорейший уход из Ирака центральной темой своей кампании. Обама — один из немногих, кто изначально выступал против этой войны. На его взгляд, кризис американской внешней политики объясняется тем, что последние восемь лет у власти находились люди, которые мыслят категориями холодной войны. «Если бы не они, — пишет Обама в статье «Восстановление американского лидерства», — Америка никогда бы не ввязалась в ближневосточную авантюру».

Кандидат в вице-президенты от Демократической партии на выборах-2004 Джон Эдвардс в статье «Примирение с международным сообществом» также заявляет, что в течение года Соединенные Штаты должны вывести войска из Ирака и закрыть эту ужасную страницу своей истории. По его словам, администрация Буша попала на удочку исламистов. Называя борьбу с ними войной, США невольно подтверждали их заявления о том, что американские крестоносцы мечтают завоевать мусульманский мир. «Из ближневосточной политики Буша нам следует извлечь урок: американцы должны быть не только воинами, но и правителями и философами», — считает Эдвардс.

ПАКИСТАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Претенденты от Демократической партии утверждают, что если американская администрация выведет войска из Ирака, то она сможет, наконец, сосредоточиться на борьбе с «Аль-Каидой» в Афганистане и Пакистане. «Нам следует выработать стратегию, — пишет Хиллари Клинтон, — которая связала бы весь регион в единое целое. Надо по-

нимать, что в Южной Азии в любой момент может начаться цепная реакция. Угроза распространения экстремизма вполне реальна».

Наиболее радикален Барак Обама, заявивший, что Соединенные Штаты должны любой ценой заставить Пакистан найти и арестовать Усаму бен Ладена. Сенатор от Иллинойса рассматривал даже возможность вторжения на территорию этой ядерной державы, что вызвало едкие комментарии практически во всех американских СМИ.

В республиканском лагере существуют различные подходы к пакистанской проблеме. По мнению Джона Маккейна, в Пакистане следует продолжать политику нынешней администрации. «Мы должны сотрудничать с Первезом Мушаррафом, чтобы уничтожить террористические ячейки и противостоять талибанизации пакистанского общества», — считает он. Майкл Хакаби, напротив, полагает, что администрация Буша ошибается, делая ставку на нынешнего лидера Пакистана. «В борьбе с талибами, нашедшими убежище на пакистанской территории, Мушарраф не только не помогает США, но и чинит им препятствия, когда речь идет об уничтожении лидеров “Аль-Каиды”, — пишет Хакаби. — Если последняя вновь нападет на нас, теракт будет подготовлен именно на территории Пакистана». Под предлогом борьбы с экстремистами президент Пакистана вводит чрезвычайное положение и преследует потенциальных союзников США — лидеров умеренных партий, юристов и правозащитников, уверен Хакаби.

О возможности нанесения ударов по Пакистану говорил Рудольф Джулиани. Не исключил этого и бывший губернатор штата Массачусетс республиканец Митт Ромни, однако он предостерег от того, чтобы оглашать подобные планы публично.

ОТНОШЕНИЯ С ИРАНОМ

В подходе к иранской проблеме позиции республиканцев и демократов сближаются. Все семь реальных претендентов на президентский пост не исключают ее военного решения. Более того, их высказывания по иранскому вопросу практически дублируют друг друга и сводятся к трем основным тезисам: Иран оказывает поддержку террористическим организациям, таким, к примеру, как ХАМАС и «Хезболла»; у тегеранского режима есть возможность получить ядерное оружие; чтобы этого не произошло, Америка обязана приложить максимум усилий и убедить международное сообщество или по крайней мере своих союзников в необходимости ужесточить экономические санкции в отношении Тегерана.

«Иран должен понимать, что ему не одержать победу в столкновении со всем миром, — пишет Джон Маккейн. — Соединенные Штаты в состоянии изолировать тегеранский режим, который уже утратил поддержку населения». Чтобы иранские лидеры прекратили спонсировать терроризм и помогли Америке в Ираке, Хиллари Клинтон предлагает разработать «систему поощрительных мер». Барак Обама призывает пересмотреть позицию нынешней администрации, не желавшей разговаривать с Ираном до тех пор, пока тот не свернет свою ядерную программу, и начать переговоры с тегеранскими властями.

Наиболее резко высказался против военной кампании в Иране Майкл Хакаби. «Ничто не может так обрадовать бен Ладена, как война США с Ираном, — пишет он. — Для “Аль-Каиды” шиитский Иран — главное препятствие при создании суннитского халифата от Испании до Индонезии». И хотя Хакаби, как и остальные кандидаты, не исключает военного решения, у Америки, по его мнению, есть все шансы наладить диалог с Тегераном. «В то время как во многих мусульманских странах события 11 сентября 2001 года встречали танцами и ликованием, в Иране они вызвали искреннюю скорбь, — напоминает Хакаби. — Иранцы зажигали свечи в память о погибших во Всемирном торговом центре, а через некоторое время иранское правительство оказало Соединенным Штатам помощь в борьбе с талибами, убедив лидеров Северного альянса заключить соглашение с американцами».

Как утверждает Майкл Хакаби, «Аль-Каида» — это террористическая группировка, которая должна быть уничтожена, тогда как Иран — государство, с которым можно вести переговоры. Самой разумной политикой он считает «сдерживание». По мнению Хакаби, чтобы добиться успеха в иранском вопросе, необходимо одержать победу в Ираке и восстановить дипломатические отношения с Тегераном. Ведь посольство в Иране позволит Америке получать свежую информацию о ситуации в этой стране и не делать поспешных выводов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Практически все кандидаты выступают за наращивание совокупной боевой мощи Вооруженных сил США. Даже Барак Обама, который отличается пацифистским мировоззрением, призывает увеличить численность американской армии на 100 тысяч человек. Большинство претендентов также требуют увеличить расходы на

оборону. Часть из них считают, что военный бюджет должен достигать 6 % ВВП — как в эпоху Рональда Рейгана.

В области национальной безопасности наиболее радикальны предложения республиканского аутсайдера — экс-сенатора от штата Теннесси актера Фреда Томпсона, выбывшего из гонки после январских праймериз. Свою внешнеполитическую программу он изложил в выступлении перед кадетами известного военного колледжа «Цитадель» (штат Южная Каролина). Томпсон резко осудил осуществленные в 1990-е сокращения военного бюджета. В случае своей победы на президентских выборах кандидат пообещал довести число американских солдат до миллиона. Кроме того, он планирует «выделять средства на военную технику нового поколения, чтобы обеспечить доминирование США по всему миру». Особое внимание Томпсон уделяет ядерной стратегии Соединенных Штатов. Экс-сенатор призывает к финансированию исследовательского и промышленного комплекса, который поддерживает ядерные силы, к развитию системы ПРО.

Демократ Барак Обама, напротив, критикует планы нынешней администрации относительно создания в Европе системы противоракетной обороны, называя их «колоссальной тратой денег». Сенатор от Иллинойса убежден, что ядерная стратегия Буша представляет угрозу для США, а «ядерное разоружение не ослабит, а лишь укрепит безопасность». Заслуживают внимания предложения Джона Эдвардса по централизации расходов на оборону путем объединения их в национальный военный бюджет. По его мнению, многочисленные компании и государственные учреждения только запутывают общую картину.

Митт Ромни считает, что для укрепления национальной безопасности прежде всего необходимо добиться энергетической независимости. Для этого потребуется развивать альтернативные источники энергии. На посту президента Ромни обещает финансировать научные программы, способные совершить энергетическую революцию. «Создание принципиально новых источников энергии будет не менее значимым событием, чем Манхэттенский проект или полет человека на Луну», — пишет Ромни.

МЕССИАНСТВО ИЛИ ПРАГМАТИЗМ

Во внешней политике демократы традиционно придерживались мессианских взглядов и призывали к распространению американ-

ских ценностей. Республиканцы же считались прагматиками, для которых на первом месте стоят национальные интересы. С усилением позиций неоконсерваторов внутри Республиканской партии все перевернулось с ног на голову.

«На протяжении многих лет и десятилетий республиканцы выигрывали оттого, что придерживались позиции более умеренного применения силы, — пишет один из аутсайдеров предвыборной гонки Рон Пол. — Мы всегда принимали внешнюю политику здравого смысла... Даже Джордж Буш выиграл на волне критики интервенционизма, а теперь во внешней политике мы неожиданно перешли на позиции демократов».

Митт Ромни, как и другие фавориты от Республиканской партии, призывает к утверждению в мире американских ценностей. Он убежден в избранности своего народа и божественном предопределении. «Я верю в Бога, верю в то, что каждый человек в нашей великой стране — Божье дитя» — такими словами Ромни начал свое первое выступление в качестве кандидата в президенты США. Стоит отметить, что он является прихожанином мормонской церкви, одной из самых нетерпимых христианских церквей. Большое значение мормоны придают миссионерской деятельности, и в случае победы на выборах Митт Ромни, похоже, станет президентом-миссионером.

«Мы — уникальная нация, и никто не сможет заменить нас в роли мирового лидера, — пишет он в статье «Как справиться с новым поколением глобальных вызовов». — Сложности, с которыми мы столкнулись в Ираке, не могут повлиять на наше мироощущение. Мы не утратим веру в особую миссию Соединенных Штатов».

Фред Томпсон также разделяет мессианские настроения, распространенные в Республиканской партии. Он утверждает, что война с терроризмом является продолжением вековой войны Америки с противниками свободы. «Сейчас главный фронт этой войны проходит через Афганистан и Ирак, — заявляет Томпсон, — однако очевидно, что наши враги рассеяны по всему миру, и они должны видеть, что мы не боимся использовать силу там, где это необходимо. Именно поэтому Америке нужен президент, который не будет долго раздумывать, когда речь заходит о безопасности нации».

Не собирается отказываться от мессианства и Рудольф Джулиани. «Мы должны объяснить другим народам, — пишет он, — в чем состоит американская миссия. Наша обязанность — нести миру

свои идеи точно так же, как мы делали это в период холодной войны с помощью радиостанций “Голос Америки” и “Радио Свобода”». По словам Джона Маккейна, в 1998 году администрация Клинтона совершила серьезную ошибку, упразднив Информационное агентство США и передав его функции Государственному департаменту. «Это равносильно одностороннему разоружению в войне идей. Для того чтобы одержать победу над исламистами и восстановить положительный образ Соединенных Штатов в мире, необходимо возродить эту организацию», — считает сенатор от штата Аризона.

В отличие от идеологов нынешней администрации, Майкл Хакаби убежден, что Америке не следует насаждать демократию в мусульманских государствах, потому что тогда «на смену современному злу придет зло средневековое», — ведь существует опасность, что в результате открытых и честных выборов к власти придут экстремисты.

Демократы, которые всегда проводили идеологизированную внешнюю политику, в своих предвыборных выступлениях призывают вернуться к прагматизму. «Было бы неправильно посылать американских солдат во все точки земного шара, — пишет Хиллари Клинтон. — Использование силы во всех случаях возникновения международных проблем нарушает один из основных принципов американской внешней политики, согласно которому можно держать в руках большую дубинку, не пуская ее в ход». По ее мнению, Америка, отказываясь от переговоров с противниками, создает ощущение, что она недостаточно сильна, чтобы защитить свои интересы с помощью дипломатии.

Приверженцем реалистической школы международных отношений выступил губернатор штата Нью-Мексико Билл Ричардсон (его статья так и называется — «Новый реализм»). Он уже прекратил борьбу за выдвижение от Демократической партии. Однако среди американских политиков губернатор считается одним из самых компетентных в международных делах, и многие прочат его на роль кандидата в вице-президенты любого из демократических претендентов.

Ричардсон полагает, что «морализаторские высказывания неоконсерваторов лишь подрывают нравственное лидерство Соединенных Штатов». По его словам, администрация Джорджа Буша всегда оказывала предпочтение идеологическим догмам и не была способна осознать, что помимо силы оружия существует еще и сила убеждения: «Нам следует отказаться от попыток насадить демократию под дулом пистолета. Демократизация не может состояться в одно-

часье — особенно в тех государствах, где сильны этнические и религиозные противоречия».

Барак Обама также призывает прививать американские ценности с помощью примера, а не грубого нажима. Только доказав уникальность своей политической системы, США, по мысли Обамы, смогут претендовать на роль мирового лидера. И «если американцы возьмут на себя эту непростую роль, они должны будут приобрести глубокие знания чужой культуры. Например, чтобы разработать правильную тактику в войне с терроризмом, необходимо разбираться в верованиях экстремистов».

По мнению Джона Эдвардса, для восстановления американской репутации следует создать 10-тысячный корпус специалистов, которые занимались бы гуманитарной деятельностью по всему миру. Эдвардс предлагает назвать его корпусом Маршалла в честь бывшего госсекретаря, разработавшего небезызвестный план восстановления послевоенной Европы.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Многие демократы критикуют нынешнюю администрацию за унилатерализм, пренебрежительное отношение к международным институтам и трансатлантическим союзникам. Однако республиканцы, похоже, не собираются отказываться от «нового мирового порядка», который зародился в эпоху Буша.

Джон Маккейн не скрывает скептического отношения к современной системе международных институтов. Для того чтобы Соединенные Штаты могли действовать без санкции Совета Безопасности ООН, Маккейн предлагает создать Лигу демократий — организацию, в которую вошли бы все ключевые американские союзники в Европе, Азии и Латинской Америке. По его словам, она будет исправлять ошибки ООН в таких, например, вопросах, как ужесточение санкций в отношении Ирана или оказание поддержки молодым демократиям в Сербии и в Украине. Маккейн заявляет, что при создании новой организации следует руководствоваться примером НАТО. Кроме того, он выступает за институционализацию стратегических отношений между тихоокеанскими и азиатскими демократиями — США, Австралией, Японией и Индией.

Рудольф Джулиани считает ООН анахронизмом, не соответствующим новой расстановке сил. «ООН оказалась недееспособной органи-

зацией, — пишет он. — За последние полвека она не сумела разрешить ни один серьезный конфликт. ООН не в силах бороться с терроризмом и нарушениями прав человека. Эта организация не оправдала ожидания, которые возлагались на нее в момент основания. Слишком часто она обнаруживала свою слабость, нерешительность и коррумпированность». Подобная позиция во многом созвучна взглядам бывшего заместителя госсекретаря, одного из ведущих идеологов неоконсерватизма Джона Болтона, который заявлял, что «Организации Объединенных Наций больше не существует, а существует лишь единственная сверхдержава, которая может руководить международным сообществом».

Митт Ромни главным вызовом современной эпохи считает религиозные противоречия, поэтому на международной арене он надеется создать коалицию государств под условным названием «Партнерство ради процветания и прогресса», направленную против исламского экстремизма. «Моим первым актом на посту президента, — пишет Ромни, — будет проведение саммита, в котором примут участие Соединенные Штаты, другие развитые страны и умеренные мусульманские государства. Его целью будет разработка стратегии, позволяющей оказать поддержку умеренным мусульманам в их противостоянии с экстремистами».

Демократические кандидаты осуждают отношение нынешней администрации к международным институтам. Джон Эдвардс убежден, что проведение США односторонней политики на руку таким мировым державам, как Китай и Россия, которые используют непопулярность Америки для продвижения собственных интересов. Билл Ричардсон, который при президенте Билле Клинтоне представлял Соединенные Штаты в ООН, призывает исправить ошибки неоконсерваторов и присоединиться к договору, учреждающему Международный уголовный суд. По мнению губернатора Нью-Мексико, поддержка Америкой этой организации сделает ее эффективным орудием в борьбе с нарушениями прав человека. Кроме того, Ричардсон говорит о необходимости реформировать ООН, включив в состав Совета Безопасности Германию, Индию, Японию, одно латиноамериканское государство и одно африканское. Такая реформа, убежден губернатор, превратит ООН в более действенную организацию. В целях восстановления морального лидерства США Ричардсон предлагает разработать проект типа плана Маршалла для Афганистана, Африки и Ближнего Востока, подписать Киотский протокол о глобальном потеплении и оказать

влияние на другие страны, лидирующие по выбросам углекислого газа, в том числе на Индию и Китай.

Хиллари Клинтон также призывает пересмотреть отношение нынешней администрации к проблеме глобального потепления. Она ратует за создание новой международной организации, которая занималась бы этим вопросом. В нее (по аналогии с «Большой восьмеркой») должны войти восемь стран, на долю которых приходятся наибольшие выбросы углекислого газа.

Демократы настаивают на восстановлении трансатлантического союза. Статья Билла Ричардсона практически полностью посвящена этой теме. Хиллари Клинтон называет европейские страны самыми надежными союзниками США. «Мы никогда не должны забывать, что по ключевым вопросам наши позиции совпадают», — утверждает она. Большинство экспертов считают, что если Хиллари станет хозяйкой Белого дома, то администрация сможет легко выстроить доверительные отношения с новым поколением европейских лидеров в Великобритании, Германии и Франции. Стоит напомнить, что во времена Билла Клинтона политические лидеры и элиты по обе стороны Атлантики были настолько близки, что казалось, будто между ними уже не существует океана.

РОССИЙСКИЙ ВОПРОС

Традиционно считалось, что для России более благоприятно нахождение у власти в Соединенных Штатах республиканской администрации, не столь рьяно выступающей за соблюдение прав человека и стремящейся вести с Кремлем прагматичный диалог. Однако на этих выборах республиканские кандидаты настроены по отношению к России более критично, чем демократы.

Например, демократ Билл Ричардсон порицает администрацию Буша за то, что главной темой на российско-американских переговорах в Братиславе в 2005 году стали авторитарные тенденции в политической жизни Российской Федерации, а не вопрос о российском ядерном комплексе. «Даже супердержавы, — заявил по этому поводу Ричардсон, — не имеют права вмешиваться во внутреннюю политику других государств».

Напротив, республиканский кандидат Джон Маккейн прославился как один из главных критиков современной России. Большинство антироссийских заявлений Конгресса США было принято по его инициативе. Он призывал Буша отменить поездку на саммит «Груп-

пы восьми» в Санкт-Петербурге, оказывал покровительство грузинскому президенту Михаилу Саакашвили. В статье, опубликованной в журнале *Foreign Affairs*, Маккейн уделяет российской тематике намного больше внимания, чем все остальные кандидаты. «Мы видим, — пишет он, — что в современной России не соблюдаются политические свободы, страной управляет кучка бывших офицеров спецслужб. Они стараются запугать соседей, выбравших демократический путь развития, таких, например, как Грузия. Они надеются выгадать на зависимости Европы от российских нефти и газа. Западу необходимо выработать новый подход к этой реваншистской России».

Маккейн предлагает исключить ее из «Большой восьмерки», которая вновь должна стать «клубом» демократических индустриально развитых стран. В него могли бы войти Бразилия или Индия, но там нет места России, утверждает Маккейн. Кроме того, он требует увеличить расходы на программы поддержки политических свобод и верховенства права в современной Российской Федерации.

Как считает Майкл Хакаби, России, наряду с имперскими амбициями, всегда был присущ комплекс неполноценности перед Западом. «Русская история — это вечная борьба между западниками и славянофилами», — пишет он. Однако нынешняя российская элита, по мнению Хакаби, — это убежденные националисты, которых интересуют лишь цены на энергоресурсы. Желая сохранить напряженность на энергетическом рынке, Москва ничего не предпримет, чтобы разрешить иранский кризис, уверен кандидат.

По мнению Рудольфа Джулиани, в ближайшее время отношения Вашингтона с Москвой и Пекином останутся напряженными. Поэтому он старается убедить электорат в необходимости увеличить военный бюджет, чтобы показать этим державам всю бессмысленность дальнейшего соперничества с США. «Конечно, мы вряд ли вернемся к эпохе холодной войны, — пишет он, — или развяжем новую гонку вооружений. Однако следует понимать, что правительства России и Китая руководствуются в своей политике сиюминутными интересами, не учитывая при этом долгосрочных целей, которые заключаются в соблюдении международных норм».

На посту президента Джулиани попытается сохранить американское влияние на постсоветском пространстве. «Я думаю, что пришло время дать ясно понять Путину, что Америка может говорить мягко и держать в руках дубину, — заявил он в ходе дебатов между кандидатами от Республиканской партии. — Мы должны как можно быс-

трее создать систему противоракетной обороны. Полагаю, что сейчас наилучшее время для расширения НАТО. Украина нуждается в нашей поддержке — она будет хорошим барьером против России».

Хиллари Клинтон критикует российскую политику Буша, обращаясь к нынешней администрации с риторическим вопросом: «Кто потерял Россию?» Тем же вопросом задавался сам Джордж Буш, когда в 2000-м ему предстояло сменить супруга Хиллари на посту президента. Советники Клинтон утверждают, что в отношениях с Россией республиканская администрация руководствовалась представлениями времен холодной войны. Так, за несколько дней до встречи Буша с российским президентом в Кеннебанкпорте Билл Клинтон выступил против американских планов размещения противоракет в Восточной Европе, заявив, что они угрожают безопасности России. «Мои сведения могут быть неточны, однако у меня складывается впечатление, что мы создаем кризис там, где он абсолютно не нужен», — сказал бывший американский президент.

Если когда-то республиканцы порицали администрацию Клинтона за персонификацию внешней политики, то сейчас уже Хиллари указывает на то, что команда Буша переоценила личный фактор в российско-американских отношениях. Ставка была сделана на президента Путина, который, по мнению Клинтон, «отказался от политических свобод, завоеванных после падения коммунизма, создал новый класс олигархов и начал вмешиваться во внутреннюю политику бывших советских республик».

Однако, по словам Хиллари Клинтон, «было бы ошибкой рассматривать Россию только как угрозу». Она отмечает, что Путин использовал энергетические ресурсы страны в целях развития российской экономики и повышения уровня жизни обычных граждан. «Нам необходимо сотрудничать с Россией в таких серьезных вопросах, как иранская ядерная программа, распространение ядерного оружия и дипломатическое решение косовской проблемы», — пишет Клинтон. Впрочем, эксперты отмечают, что в случае победы Хиллари на президентских выборах российский вопрос во внешней политике США, скорее всего, отойдет на второй план.

У Джона Эдвардса типичный для представителя Демократической партии подход к российскому вопросу. Идеология для него куда важнее, чем прагматические интересы. Еще в марте 2006-го, когда сенатор от штата Северная Каролина впервые заявил о своих президентских амбициях, он выступил (вместе с республиканцем Джеком Кем-

пом) инициатором доклада Совета по внешней политике под названием «Неверный путь России: что может и должна сделать Америка». В докладе утверждалось, что при президенте Джордже Буше-младшем отношения с Россией развиваются в неверном направлении и отступление от демократии может обернуться для этой страны серьезными проблемами. В своей статье Эдвардс вновь призвал США не закрывать глаза на «авторитарные тенденции в политической жизни России и перспективы российско-китайского сотрудничества». По его словам, «главной задачей Америки является сохранение России в западной политической орбите с помощью взаимных обязательств и, если это необходимо, дипломатического и экономического давления».

* * *

Предвыборные заявления кандидатов еще не означают, что, заняв вождественный пост, они будут неукоснительно воплощать свои обещания в жизнь. Практическая политика устанавливает рамки возможного, и ответственным государственным деятелям придется корректировать свои намерения. Однако даже беглый обзор программ претендентов показывает, что проблема глобального лидерства Америки останется в центре внимания президента, кто бы им ни стал. Несмотря на относительные неудачи последних лет, США не собираются замыкаться в себе и возвращаться к традиции изоляционизма, которая раньше считалась одним из столпов американской внешней политики.

Иранская головоломка

Групповой портрет шахского правительства Ирана
Херлуф Бидstrup, 1978 г.

“ Для правительства, которое так часто ссы-
ляется на прошлое, чтобы доказать правиль-
ность своего политического курса, администра-
ция Буша на удивление плохо знает историю
Ближнего Востока последних десятилетий. Когда
в 1980-х годах Соединенные Штаты пытались
сплотить арабский мир для сдерживания Ирана,
дело кончилось радикализацией суннитской поли-
тической культуры и появлением «Аль-Каиды» ”

Цена сдерживания Ирана Вали Наср, Рей Такей

110

Иран: взгляд без предубеждения Александр Лукоянов

120

Цена сдерживания Ирана

Новый ближневосточный курс Вашингтона построен на ошибочных посылах

Вали Наср, Рей Такей

За прошедший год главной целью ближневосточной политики Соединенных Штатов стало сдерживание Ирана. Вашингтон возлагает на Тегеран ответственность за рост насилия в Ираке и Афганистане, за испытания, выпавшие на долю Ливана, и неуступчивость ХАМАС. США чувствуют, что баланс сил в регионе меняется в пользу Ирана и его исламистских союзников. Для обеспечения региональной безопасности растущее влияние Тегерана необходимо максимально умерить.

О новом направлении ближневосточной политики объявил в мае прошлого года вице-президент США Дик Чейни. «Вместе с нашими друзьями мы будем противостоять экстремизму и стратегическим угрозам», — сказал он, находясь на борту американского корабля *John C. Stennis* в Персидском заливе. «Мы и впредь станем облегчать участь тех, кто страдает, и вершить суд над врагами свободы. Вместе с другими странами мы сделаем все, чтобы не допустить приобретения Ираном ядерного оружия и установления им господства в регионе», — подчеркнул Чейни.

Вали Наср — профессор международной политики в Школе права и дипломатии имени Флетчера и адъюнкт — старший научный сотрудник, специализирующийся по Ближнему Востоку, в Совете по международным отношениям, автор монографии *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future* («Возрождение шиизма: как конфликты внутри ислама будут определять будущее»). **Рей Такей** — старший научный сотрудник в Совете по международным отношениям, автор монографии *Hidden Iran: Paradox and Power in the Islamic Republic* («Загадочный Иран: парадоксы и власть в Исламской Республике»). Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 1 (январь — февраль) за 2008 год. © Council on Foreign Relations, Inc.

Государственный секретарь Кондолиза Райс выразила тот же настрой: «Для Соединенных Штатов и того Ближнего Востока, который мы хотели бы видеть, Иран представляет самую серьезную стратегическую угрозу, исходящую от одного государства». Форсирование работ по иранской ядерной программе продолжает тревожить США и большую часть мирового сообщества, усиливается ощущение того, что необходимы срочные меры.

Вашингтон надеется взять под контроль и по возможности обуздать рост влияния Тегерана, используя опыт начального периода холодной войны. В свое время Америке удалось сорвать экспансионистские замыслы Советского Союза путем распространения собственного влияния. США одновременно оказывали прямое давление на врага и создавали против него союз, имеющий широкую базу.

Сейчас Соединенные Штаты наращивают присутствие своих ВМС в Персидском заливе и делают резкие заявления, нагнетая ощущение военной угрозы. В то же время американское правительство финансирует 75-миллионную программу распространения демократии, которая предусматривает смену режима в Тегеране. За последние несколько месяцев Вашингтон добился принятия резолюций ООН, направленных против иранской ядерной программы, и неофициальных жестких финансовых санкций. В результате Иран оказался почти полностью отрезан от международных финансовых рынков. Белый дом официально объявил, что Корпус стражей исламской революции (КСИР) занимается распространением оружия массового уничтожения, а элитная армия Аль-Кудс (силы специального назначения. — Ред.), являющаяся структурой КСИРа, поддерживает терроризм. Это позволяет Министерству финансов США взять под наблюдение финансовые активы данных организаций, а американским военным преследовать и задерживать их персонал в Ираке. Вашингтон также стремится заручиться поддержкой тех правительств стран Ближнего Востока, которые он сейчас считает умеренными. В основном это авторитарные режимы, и на них американцы когда-то возлагали вину за бесчисленные проблемы региона.

Соединенные Штаты хотят лишить Тегеран влияния в арабском мире, сведя на нет его достижения и лишив поддержки союзников. То есть в конечном счете изолировать Иран путем проведения линии от Ливана до Омана. Администрация Джорджа Буша поддерживает правительства арабских стран, готовых противостоять иранской

политике в Ираке, Ливане и на палестинских территориях. Белый дом старается укрепить военный потенциал государств Персидского залива. Саудовская Аравия и государства Персидского залива получили вооружения на сумму 20 миллиардов долларов. По словам заместителя госсекретаря США Николаса Бёрнса, одна из основных целей этих поставок состоит в том, чтобы «дать этим странам возможность укрепить обороноспособность и тем самым обеспечить сдерживание иранской экспансии и иранской агрессии в будущем». Проводя региональные закрытые встречи и конференции, администрация Буша рассчитывает оживить израильско-палестинский мирный процесс и таким образом переключить внимание и энергию стран региона на угрозу, исходящую от Ирана.

Сдерживание Ирана — идея, конечно, не новая. Новыми, однако, являются преимущества, которые Вашингтон надеется получить в результате проведения такой политики. Со времени основания Исламской Республики Иран сменявшие друг друга республиканские и демократические администрации Соединенных Штатов придумывали разные политические курсы, доктрины и планы, чтобы обуздать фанатичную теократию. Однако для администрации Джорджа Буша-младшего сдерживание Ирана означает также и решение различных проблем Ближнего Востока.

По версии Вашингтона, суннитские арабские страны, опасаясь хаоса в Ираке и усиления там влияния Ирана, объединят усилия, чтобы помочь восстановлению жизнеспособного иракского государства. Угроза доминирования шиитов в регионе убедит Саудовскую Аравию и Египет в необходимости активно содействовать ослаблению «Хезболлы». США полагают, что теперь Израиль и его давние противники арабы наконец обрели общий интерес. Обе стороны хотели бы свести влияние Тегерана к минимуму и остановить восхождение поддерживаемого им движения ХАМАС. На этой основе они якобы придут к соглашению по вопросу израильско-палестинского конфликта. Это, в свою очередь, приведет к тому, что центр внимания на Ближнем Востоке сместится (совершенно справедливо) с разрушительной палестинской проблемы на более острый вопрос — угрозу со стороны Ирана. Белый дом отнюдь не тревожит то, что Ближний Восток сейчас охвачен огнем. Похоже, хаос создает для США беспрецедентную возможность переустроить регион так, что в итоге все будут чувствовать себя вполне комфортно в условиях господства Соединенных Штатов и доблести Израиля.

Проблема, однако, в том, что стратегию сдерживания, объявленную Вашингтоном, невозможно эффективно претворить в жизнь и, скорее всего, она лишь усугубит ситуацию. Компонентов, необходимых для успешного сдерживания, просто не существует. В этих условиях настоятельные призывы Соединенных Штатов к арабским странам выступить против Ирана единым фронтом могут еще больше дестабилизировать обстановку в и без того беспокойном регионе.

НОВЫЙ КУРС, ОКАЗАВШИЙСЯ ОШИБОЧНЫМ
Иран действительно создает серьезные проблемы для США. В списке его прегрешений и стремление обладать ядерным потенциалом, и коварное вмешательство в дела Ирака, и резкое противодействие израильско-палестинскому мирному процессу. Но более значимой проблемой является то, что администрация Буша абсолютно убеждена: Иран не может быть конструктивным участником процесса при стабильной ситуации на Ближнем Востоке, и его вызывающее поведение невозможно изменить дипломатическими методами. На самом же деле Тегеран не стремится создать беспорядок во имя выполнения некоего обета. Его также не назовешь экспансионистским государством с непомерными амбициями. Подобно России и Китаю Иран — это восходящая держава, стремящаяся стать ведущим государством в регионе.

Еще одна ошибка Вашингтона — считать, что с Ираном можно обращаться как с Советским Союзом, а к ситуации на Ближнем Востоке применима модель холодной войны. Как Израиль, так и арабские страны подталкивали Соединенные Штаты к обузданию ядерных амбиций Ирана, а со времени ливанской войны 2006 года их беспокоит укрепление связей между Тегераном и движением «Хезболла». По этой причине они начали поддерживать правительство Фуада Синьоры в Бейруте и пытаются сорвать сговор между Тегераном и Дамаском.

Вашингтон наращивает военное присутствие в Персидском заливе. Увеличение численности американских войск в Ираке, имевшее место в прошлом году, используется для сворачивания иранского влияния в этой стране. Однако те же самые арабские государства, которые обеспокоены усилением Тегерана, выступают против шиитского правительства в Ираке, являющегося одновременно и проиранским, и проамериканским, и относятся с симпатией к его суннитским противникам. Таким образом, американскому руковод-

ству приходится решать вопрос, как работать с иракским правительством и одновременно создавать региональный союз с суннитскими арабскими государствами. То есть вашингтонская «стена сдерживания» должна будет пройти как раз через Ирак, и она неизбежно дестабилизирует страну, поскольку превратится в линию фронта американо-иранской конфронтации.

В стратегии администрации Буша никак не учитываются различия позиций арабских государств. Все они действительно обеспокоены Ираном, но в их взглядах нет единообразия. Саудовская Аравия и Бахрейн осуждают иранский экспансионизм и опасаются вмешательства Тегерана в их внутренние дела. Египет же и Иорданию больше тревожит то, что возросшее в последнее время значение Ирана уменьшает их роль в регионе. Главное для них — не территория или внутренняя стабильность, а возможность влиять на решение палестинской проблемы.

Даже в районе Персидского залива нет единодушия в оппозиции Ирану. Так, в отличие от Бахрейна, Кувейта и Саудовской Аравии, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, которые не сталкивались с проблемой шиитского меньшинства, с середины 1990-х поддерживают широкие экономические связи с Тегераном и отнюдь не стремятся к конфронтации с ним. Более того, они опасаются последствий эскалации напряженности между Ираном и США. Даже союзники Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, оценивая свои возможности и слабости, формируя союзы и преследуя собственные интересы, осознают, что не застрахованы от влияния Ирана. Американская стратегия сдерживания, которая исходит из широкой солидарности арабских стран, неубедительна теоретически, и ее невозможно претворить в жизнь.

Почти полвека арабский мир считал иракскую армию своей защитницей в зоне Персидского залива. Ликвидировав ее в 2003 году, Соединенные Штаты оказались единственной силой в регионе, способной сдерживать Иран в военном отношении. Взяв на себя такую ответственность, США будут вынуждены на неопределенный срок разместить в регионе многочисленный военный контингент. Но, учитывая распространенность антиамериканских настроений, ни одно государство Персидского залива (за исключением Кувейта) не разрешит дислоцировать на своей территории значительные по численности американские воинские части. Таким образом, Вашингтону придется опираться на более слабых игроков для сдерживания

набирающего силу Ирана — самой большой страны региона по площади, численности населения и уровню экономического развития. Даже крупные поставки вооружений в государства Персидского залива не смогут изменить это положение.

Расчет Соединенных Штатов на то, что возобновление ближневосточного мирного процесса станет основой стратегии сдерживания Ирана, также проблематичен. В администрации Буша исходят из того, что налаживание дипломатических контактов между Израилем и его соседями успокоит арабскую улицу, объединит арабские правительства под эгидой США и создаст базу для создания арабо-израильского фронта против Ирана. Но американцы упускают из виду, что нынешнее состояние палестинской и израильской политики делает невозможными компромиссы, которые требуются для серьезного прорыва. И израильский премьер-министр Эхуд Ольмерт, и палестинский президент Махмуд Аббас слишком слабы, чтобы склонить сограждан к болезненным уступкам, а без них не достичь заключения жизнеспособного мирного соглашения. Арабские страны хотят значительно большего, чем Израиль и Соединенные Штаты. В то время как арабские лидеры открыто требовали проведения переговоров об окончательном статусе, госсекретарь Райс говорила лишь об импульсе для продвижения к миру.

Даже если мирный процесс удастся запустить вновь, представление о том, что подъем Ирана арабы считают более острой проблемой, чем продолжающийся не одно десятилетие арабо-израильский конфликт, ошибочно. После десятилетий вражды арабский народ и те, кто формирует общественное мнение в арабском мире, по-прежнему воспринимают Израиль как более серьезную угрозу. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад хорошо это понимает: он поднял градус дискуссий по палестинской проблеме именно потому, что хочет обрести популярность среди арабов. Он знает, что те не разделяют антииранских настроений своих правительств. Отстаивание Ахмадинежадом дела арабов, его выступления с подстрекательскими речами, в которых он клеймит Израиль, а также помощь ХАМАС и «Хезболле» снискали ему безоговорочную поддержку масс. Сегодня Тегеран фактически в полной мере обладает «мягкой силой» на Ближнем Востоке.

Вашингтон полагает, что его предложения по арабо-израильскому мирному процессу перенесут центр всеобщей обеспокоенности на Иран. А Тегеран уверен, что предпринимаемые сейчас усилия не

удовлетворяют арабов. При внимательном изучении настроений, царящих в регионе, становится ясно, что Иран стоит на более твердой почве, чем США. В самом деле, баланс сил на Ближнем Востоке будет определяться не палестинской проблемой, а судьбой так называемых «падающих» государств — Афганистана, Ирака и Ливана, где есть благодатная почва для расширения иранского влияния. Палестинский вопрос по-прежнему важен для безопасности Израиля, стабильности в Леванте (общее название стран, прилегающих к Восточному Средиземноморью, в более узком смысле — Сирии, Палестины и Ливана. — **Ред.**), а также для поддержания репутации и престижа Соединенных Штатов. Он служит и катализатором соперничества в регионе, хотя не является его первопричиной. Исход этого соперничества зависит не от решения палестинской проблемы. Как бы Вашингтон ни был обеспокоен растущей мощью Ирана, США не осознали, что центр тяжести на Ближнем Востоке сместился с Леванта в зону Персидского залива. Сейчас представляется более вероятным, что мир и стабильность в Персидском заливе принесут мир и стабильность в Левант, а не наоборот.

Для правительства, которое так часто ссылается на прошлое, чтобы доказать правильность своего политического курса, администрация Буша на удивление плохо знает историю Ближнего Востока последних десятилетий. Когда в 1980-х годах Соединенные Штаты пытались сплотить арабский мир, чтобы сдержать Иран, дело кончилось радикализацией суннитской политической культуры и появлением «Аль-Каиды». На этот раз последствия могут оказаться столь же неприятными. Политика сдерживания лишь способствует росту суннитского экстремизма как идеологического барьера шиитскому Ирану. Например, в 1980-х соперничество Саудовской Аравии с Ираном сказалось на ситуации в Южной Азии, а после израильско-ливанской войны 2006 года радикально настроенные салафиты сплотились, чтобы уравновесить растущую популярность «Хезболлы». В период холодной войны противодействие коммунизму предвещало распространение капитализма и демократии. Сегодня сдерживание Ирана будет означать распространение суннитского экстремизма, а это обернется против Вашингтона.

Современные реалии Ближнего Востока в итоге положат конец фантазиям Вашингтона в духе холодной войны. Это вовсе не значит, что Иран не представляет серьезной угрозы американским, арабским или израильским интересам. Однако попытки сдержать

Иран путем создания великого американо-арабо-израильского альянса повергнет Афганистан, Ирак и Ливан в пучину еще большего хаоса, разожжет исламский радикализм и обречет США на длительное и дорогостоящее присутствие на Ближнем Востоке.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Ближний Восток постоянно расколот внутренними противоречиями. В 1960-е годы радикальные арабские режимы бросили вызов легитимности и авторитету традиционных монархий. В 1970-е годы исламские фундаменталисты отвергли господствующий светский уклад, стремясь наставить регион на путь к Богу. В 1980-е годы большая часть арабского мира поддерживала Саддама Хусейна, когда он пытался свергнуть теократический режим в Иране, проводя политику геноцида.

Сейчас Ближний Восток вновь разделен — на этот раз по профессиональному признаку и по принадлежности к различным течениям ислама, причем сунниты требуют остановить восхождение шиитов. А США во имя сохранения баланса сил снова и снова ввязывались в региональную междоусобицу, обостря напряженность и существующий раскол. Если не считать арабо-израильского конфликта, Соединенные Штаты мало интересовались ролью посредника в разрешении споров либо усаживании противников за стол переговоров. Вашингтон вставал на сторону консервативных монархий против арабских социалистических республик, безучастно наблюдал за жестоким подавлением фундаменталистской оппозиции светскими правительствами, способствовал укреплению влияния Саудовской Аравии и иракской военной машины, чтобы сдерживать неистовый исламский фанатизм аятоллы Рухоллы Хомейни. Сейчас США обхаживают суннитские режимы, с тем чтобы объединиться против Ирана и его воспрянувших духом шиитских союзников. Каждый раз, когда Вашингтон втягивается в соперничество на Ближнем Востоке, его цель стабилизировать ситуацию в регионе оказывается все менее достижимой.

Соединенным Штатам следовало бы не сосредотачиваться на восстановлении прежнего баланса сил, а нацелиться на региональную интеграцию и содействовать созданию новых условий, при которых все государства, имеющие отношение к региону, были бы заинтересованы в стабильности. Администрация Джорджа Буша совершенно правильно понимает, что агрессивно настроенный Иран несет серьезную угрозу интересам США. Но сдерживание его путем размеще-

ния военных сил и создания противостоящих Тегерану союзов нельзя назвать разумной стратегией. Вопреки общепринятым характеристикам, Иран — это не мессианское государство, настроенное на радикальное изменение порядка в регионе под знаменем воинствующего ислама. Иран — государство, прежде всего нацеленное на извлечение выгоды (и в этом он не одинок), стремящееся утвердить свое первенство среди ближайших соседей. Отсюда и ближайшая задача для Вашингтона — создать ситуацию, при которой Иран посчитает выгодным для себя обуздать свои амбиции и придерживаться норм международного права.

Диалог, компромисс и торговля — эффективные инструменты, хотя оперировать ими непросто. Если США признают, что Иран имеет законные интересы в Ираке, Вашингтон и Тегеран смогут понять, что у них схожие цели. Обе страны хотят сохранить территориальную целостность Ирака и не допустить распространения иракской гражданской войны на весь Ближний Восток. Как восстановление дипломатических и экономических отношений между Ираном и Соединенными Штатами, так и сотрудничество по Ираку могли бы стать основой для окончательной договоренности по иранской ядерной программе, которая будет соответствовать обязательствам Тегерана по Договору о нераспространении ядерного оружия. Если бы Иран имел с США хорошие отношения в области безопасности и торговли и чувствовал себя спокойно, возможно, он ограничил бы свои ядерные амбиции.

Налаживание сотрудничества с Тегераном необязательно должно происходить за счет отношений Соединенных Штатов с арабскими странами — соседями Ирана. Вашингтону следует заниматься не милитаризацией зоны Персидского залива и укреплением шатких альянсов вокруг Ирана, а созданием новой региональной системы безопасности. Она должна включать все заинтересованные стороны и опираться среди прочего на договор, закрепляющий неприкосновенность границ, соглашения по контролю над вооружениями, запрещающие определенные виды оружия, общий рынок с зонами свободной торговли и механизм для разрешения споров. Преимуществом такого нового порядка будет то, что в рамках конструктивного партнерства он сведет Иран и Ирак — государства, где большинство населения составляют шииты, тем самым уменьшая риск конфликта на межконфессиональной почве.

Подобная договоренность в области безопасности позволила бы

Ирану легитимировать свое влияние и достичь целей не путем конфронтации, а через сотрудничество. А у иракского правительства, к которому соседи-сунниты зачастую относятся свысока, появилась бы возможность оказывать влияние и развеять миф о том, что оно является лишь придатком Тегерана. Саудовская Аравия и Иран, две ведущие страны региона, смогли бы выйти за рамки игры с «нулевой суммой», которую они ведут в Ираке, и оказать давление на своих союзников, дабы те приняли новый национальный договор, признающий интересы суннитского и курдского меньшинств в Ираке.

Однако все это станет возможным лишь при активном участии и содействии Соединенных Штатов. Чтобы государства Персидского залива могли доверить свою оборону новому региональному порядку, им понадобятся гарантии. Для Ирана, чьим главным соперником за доминирование в регионе остаются США, данное соглашение приобретет смысл, только если среди его участников будут американцы. Со своей стороны Соединенным Штатам придется продемонстрировать, что их цель — не навязать новый баланс сил, а поддержать региональное соглашение, одобренное всеми заинтересованными странами. Наконец, парадоксальным, но положительным результатом станет новая ситуация, при которой все государства Персидского залива будут не просто сотрудничать друг с другом, а официально одобряют дальнейшее присутствие США в регионе. Эта стратегия отвечала бы интересам как Китая и России, так и европейских союзников Соединенных Штатов: все они заинтересованы в стабильности на Ближнем Востоке и обеспечении доступа к его энергоресурсам.

Налаживать сотрудничество с Ираном, одновременно регулируя его растущее влияние в рамках соглашения по региональной безопасности, участником которого он будет, — наилучший способ стабилизировать ситуацию в Ираке, успокоить арабских союзников США, содействовать арабо-израильскому мирному процессу и даже придать новое направление переговорам по иранской ядерной программе. Поскольку данный подход включает всех заинтересованных игроков, он представляет собой наиболее устойчивую и требующую минимума усилий стратегию для Соединенных Штатов на Ближнем Востоке.

Иран: взгляд без предубеждения

Александр Лукоянов

Международный интерес к Исламской Республике Иран (ИРИ) неуклонно возрастает. Связано это не только с иранской ядерной программой, но и с общим повышением роли Тегерана в регионе, который в силу разных причин превратился в один из главных центров мировой политики.

Однако распространенные в мире представления зачастую отражают не столько истинную ситуацию в Иране, сколько то, как ее хотели бы видеть на Западе или в России. Между тем иранская реальность многообразна и далеко не всегда вписывается в стереотипы, к которым привыкли за границей. В этом автору довелось убедиться, побывав в ИРИ после долгого перерыва — осенью 2007 года.

Начать следует с того, что Иран — не закрытое государство. Иностранцы могут свободно приехать сюда на две недели, получив въездную визу в аэропорту Тегерана или Мешхеда. Передвижение по стране в целом не ограничивается, исключение составляют только граждане США: они должны путешествовать в сопровождении иранского гида. И конечно же, запрещен въезд гражданам Израиля. Более того, в ИРИ невозможно попасть даже тем, в чьих паспортах стоит израильская виза.

Иран постепенно меняется, все больше отходя от жестких норм ислама, насаждавшихся в стране многие годы, в том числе и с помощью «стражей исламской революции». Сегодня «стражей» на улицах почти не видно. Иранцы, безусловно, религиозны, но в большинстве своем они никогда, даже в эпоху исламской революции, не отличались фанатизмом. Это тем более справедливо по отношению к современному состоянию общества.

А.К. Лукоянов — к. и. н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Требования повседневной жизни часто отодвигают в сторону исламские строгости, к которым иранцы всегда относились творчески. Например, несмотря на запрет, в вагоне метро для мужчин можно увидеть женщину в сопровождении родственника-мужчины. Хотя раздельный проезд женщин и мужчин предписан не только общественному транспорту, но и такси, в Тегеране женщины часто пользуются дешевым общим такси.

Правда, за соблюдением исламской морали власти по-прежнему следят. Иногда закрывают мужские парикмахерские, если там делают непристойные прически, а также ограничивают места для велосипедных поездок, прогулок для женщин и проч.

ЭКОНОМИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Как и другие страны, богатые углеводородами, ИРИ за несколько лет мирового нефтяного бума заметно улучшила свое экономическое положение. В докладе МВФ «Прогнозы экономического развития в Ближневосточном и Центральном-Азиатском регионах» отмечается, что в 1385 иранском году (21.03.2006 — 20.03.2007) экономический рост в Иране составлял 4,9 %, а в 1386 и 1387 годах этот показатель достигнет уже 6 %. Объем ВВП в текущем году должен составить 278,1 млрд дол., а в следующем — 324,6 млрд долларов. Правда, в докладе отмечен и довольно высокий уровень инфляции в текущем году — 17,5 %, но уже в следующем предполагается ее снижение до 16,7%.

На практике, конечно, не все столь благополучно, как о том свидетельствует статистика, в том числе и данные международных организаций.

Достаточно остро стоит проблема занятости. В декабре 2007-го заместитель министра труда и социальных дел Ибрагим Назари Джалали заявил, что безработица упала с 12,3 % до 11,2 %, а к концу нынешнего года (к 20.03.2008) ожидается ее снижение до 11 %. По данным Центра статистики Ирана, весной 2005-го уровень безработицы составлял 11,9 %, затем цифра опустилась до 10,9 %. Но это официальные данные, которые, как и во всех странах, не вполне отражают реальность.

Рабочие места в ИРИ есть, но они не всегда устраивают иранцев. В Исфахане автору этих строк пришлось наблюдать, как «вербовщики» предлагали молодежи красочные буклеты с информацией о том, какие льготы при поступлении в вузы положены лицам, от-

работавшим несколько лет на государственных предприятиях. Однако молодые люди по большей части не глядя выбрасывали рекламные материалы, поскольку их либо не устраивают условия, либо они просто не верят такого рода предложениям.

Как и в шахские времена, власти прибегают к импорту квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы в сферах, которые иранцы считают непрестижными, в том числе в строительной индустрии. По информации Департамента занятости иностранных граждан, в стране находится более 11 тыс. специалистов и квалифицированных рабочих из-за рубежа. Точных сведений о рабочей силе с низким уровнем подготовленности нет, однако косвенные данные красноречивы: так, руководство этого департамента сообщило о решении выдать 300 тыс. разрешений на работу сроком на 6 месяцев иностранным гражданам.

При этом и сами иранцы отправляются на заработки за границу. За рубежом работают около полумиллиона только квалифицированных специалистов, включая выехавших из Ирана после исламской революции. Всего же, по данным Исследовательского центра Меджлиса, за пределами страны проживают 3 млн иранцев, располагающие активами в 1,3 трлн долларов. Руководители ИРИ безуспешно ищут способы привлечь эти средства. В 2006 году иранцы, работающие за рубежом, перевели на родину более 2 млрд долларов. Многие из них хотели бы вернуться назад, однако правительство не может пока создать приемлемые условия для их возвращения.

Еще одна серьезная проблема, с которой сталкивается Иран, — наркомания и афганский наркотрафик. На границе с Афганистаном иранские войска ведут настоящие бои с хорошо вооруженными наркокурьерами. Надо отдать должное властям ИРИ, которые не замалчивают эту проблему, а наркомания рассматривается как одна из наиболее опасных угроз. В 2006-м Штаб по борьбе с наркотиками обнародовал информацию, согласно которой за последние 11 лет от «злоупотребления» наркотиками погибло около 22 тыс. человек. По официальным данным, 45 % заключенных иранских тюрем — люди, обвиненные в распространении либо употреблении наркотических веществ. По сведениям ООН за 2005 год, наркотики употребляют 2,8 % населения Ирана старше 15 лет. Официально власти ИРИ сообщают о 2 млн наркоманов, оценочные данные — 6 млн человек.

Питательной средой для распространения наркомании являются неустроенность и неудовлетворенность материальным положением

и социальным статусом. Со времен монархии население Ирана выросло в два раза и составляет уже более 70 млн человек. Перенаселенность, особенно заметная в Тегеране, создает естественные проблемы: отсутствие работы с достойной оплатой, сложности с социальным обеспечением и т. п.

Средняя заработная плата, по разным данным, достигает 200–300 долларов. Минимальная зарплата рабочего составляла в 2004-м около 4 дол. в день, или порядка 100 дол. в месяц. Чтобы понять соотношение зарплат и цен, достаточно отметить, что последние по некоторым позициям уже приблизились к московским.

Многие иранцы не в состоянии приобретать необходимые товары и услуги по рыночным ценам, поэтому после исламской революции государство создало систему социальной поддержки населения. На социальные программы уходит около 20 % государственного бюджета, благотворительной деятельностью и реализацией социальных программ одновременно занимаются около 120 фондов и организаций. Тем не менее, согласно оценкам исследователей, в 2007 году примерно 10–12 млн иранцев жили за чертой бедности, а 6 млн граждан вообще выпали из чьей бы то ни было сферы внимания. Официально признается, что к началу 2005-го 1,7 млн человек жили «ниже абсолютной черты бедности».

Иранцам не хватает средств, чтобы поддерживать желаемый уровень жизни. В связи с этим они предпочитают добровольно ограничивать число детей в семьях. Странно было слышать от небедного местного жителя, что он хочет иметь только одного ребенка, поскольку жизнь стала очень дорогой. К тому же из продажи иногда исчезает сухое молоко, необходимое для детского питания. Многим средства нужны для обучения детей за границей, в том числе, как ни странно, и в Америке, куда выезд открыт. Вообще, судя по официальным данным, за рубежом обучаются более 70 тыс. иранцев.

Для решения своих материальных проблем иранцы ищут дополнительных заработков. Распространен частный извоз. И хотя ИРИ производит и даже экспортирует современные автомобили (в частности, «Саманд» поставляется в Россию), значительная часть тегеранского автопарка представлена устаревшими моделями.

НАДЕЖДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Со времен монархии население таких крупных городов, как Тегеран и Исфахан, значительно изменилось. Иранцы стали менее привет-

ливы и более озабочены повседневными проблемами, что очень заметно в сравнении, например, с Ираном 1970-х. Наглядно это проявляется уже в том, что теперь, как и в России, редкий автомобилист пропустит пешехода. Раньше это было правилом: почти каждый водитель давал пешеходам возможность перейти улицу, причем делал это с улыбкой.

Похоже, что почти за три десятилетия правления исламский режим не в полной мере оправдал ожидания народа. Многие участники революционного движения 1970-х годов не предполагали, что муллы останутся у власти на столь долгий срок. Им отводилась скорее роль «факела», задачей которого было «разжечь» революцию и «сгореть» в ней (по крайней мере, отойти в сторону после свержения монархии). Но «сгорели» в огне революции как раз те, кто так думал.

Сегодня к властям в ИРИ относятся, конечно, иначе, чем при аятолле Хомейни. В большинстве своем народ тогда все-таки верил в «вождя», способного и готового в ближайшей перспективе кардинально изменить к лучшему материальное положение. Теперь в народе говорят уже не только о повсеместной коррупции, но и о том, что родственники правящих мулл скупают недвижимость за рубежом. Причем собственность по баснословным ценам приобретается в странах Запада, руководство которых закрывает глаза на санкции, запрещающие такие операции. Два с половиной года назад президент Махмуд Ахмадинежад пришел к власти в значительной степени благодаря протестным настроениям и поддержке малообеспеченных слоев населения.

Однако сегодня, несмотря на макроэкономические показатели, свидетельствующие о достижениях Ирана, авторитет как Махмуда Ахмадинежада, так и религиозного лидера аятоллы Али Хаменеи невысок. По данным опросов, проведенных летом 2007-го интернет-изданиями «Руз» и «Базтаб», в поддержку президента высказались всего 10 % респондентов. Телевизионные репортажи демонстрируют, как некоторые слушатели дремлют, когда выступает Ахмадинежад или муллы самозабвенно проповедуют о нравственности. Народ уже не слишком верит речам, поскольку социальное расслоение продолжается, а разрыв между богатыми и бедными увеличивается.

Об этом можно судить, например, по ценам на недвижимость. Тегеран по-прежнему разделен на две части — бедную южную и

богатую северную. После исламской революции многие из бывших «революционеров» поселились на севере столицы, где значительно выросли цены на жилье: стоимость квадратного метра достигает уже 10 тыс. евро. На фоне явных проблем с обновлением инфраструктуры и модернизацией страны закономерно возникает вопрос: на что тратились и куда сейчас направляются средства, получаемые от продажи нефти?

На жизненном уровне населения негативно сказалось квотирование бензина и появление черного рынка горючего. Изменение привычного образа жизни и подорожание товаров и услуг вызвали естественный протест. Летом 2007 года было разграблено около 750 бензоколонок, имели место случаи поджога.

Вина за нехватку бензина возлагается на руководство. В ИРИ распространена точка зрения, согласно которой власти сознательно не строили нефтеперерабатывающих предприятий. Коррупционированные чиновники не были заинтересованы в строительстве новых заводов, т. к. получали долю от поставщиков бензина.

Весьма неубедительно звучит другая точка зрения (озвученная в Москве достаточно известным проиранским функционером), согласно которой Иран не стал строить нефтеперерабатывающие предприятия, потому что послушался совета Запада, обещавшего якобы гарантированные поставки бензина в ИРИ. Напомним, что одним из главных лозунгов исламской революции было достижение независимости от импорта, особенно в том, что касается топлива. Действующие нефтеперерабатывающие предприятия построены еще при шахе, во времена которого проблем с бензином не существовало.

С 22 декабря 2007-го программа нормирования продажи бензина в Иране вступила во вторую стадию, которая продлится до 19 апреля 2008 года. Власти учли опыт первого полугодичного этапа и увеличили ежемесячные нормы льготных продаж со 100 до 120 литров для легковых машин и с 30 до 36 литров для мотоциклов. Для некоторых типов автомобилей нормы отпуска бензина снижены. Коснулось это и такси. Норма легкового такси уменьшена с 800 до 700 литров. Интересно, что при этом значительно возросли нормы для общественного транспорта в сельской местности, где недостаток в доме оставляет желать лучшего, а люди являются традиционным электоратом религиозно-политических структур. Совершенно очевидно, однако, что кардинально эти меры ситуацию в стране не из-

менят. До введения квот на бензин в ИРИ на каждый автомобиль приходилось 11 литров топлива в день.

НОВЫЙ РОСТ НАЦИОНАЛИЗМА

На этом фоне заметны попытки переосмысления прошлого. Кто-то с ностальгией вспоминает относительно недавнее монархическое правление. Однако большинство иранцев шахской власти уже не помнят и не могут желать ее реставрации. Но все же интерес к этой странице истории, которую исламские революционные власти рассчитывали вырвать с корнем, возвращается.

Сегодня на тегеранском базаре можно увидеть золотые кулоны с изображением шаха Ирана. Вряд ли это было возможно несколько лет назад. Свободно продаются ассигнации и монеты с изображением иранских монархов. Зато, вероятно, по причине низкого спроса в Тегеране не так просто найти основополагающие труды аятоллы Рухоллы Хомейни «Кашф-е асрар» («Раскрытие тайн») и «Хокумат-е эслами» («Исламское правление»). Но во всех магазинах продаются популярные среди молодежи произведения светского исламского идеолога Али Шарийати, погибшего в Лондоне при невыясненных обстоятельствах еще до исламской революции. Исламские власти не особенно жаловали его работы, поскольку автор был против установления власти мулл и даже полагал, что Коран может интерпретировать светский человек, а не только профессиональный священнослужитель.

Иранцам присуще чувство национального достоинства, возрожденное последним шахом и получившее мощный новый импульс к развитию после исламской революции, движущей силой которой был не столько религиозный порыв, сколько национализм. Как и следовало ожидать, в стране снова растет национальное самосознание, что сопровождается повышением интереса к истории и более критическим восприятием существующей реальности. Любопытно, что в центре внимания оказывается и доисламское прошлое Ирана, что свидетельствует о стремлении не ограничиваться религиозной составляющей при поиске национальной и великодержавной идентичности.

Примечательно, что многим национально мыслящим иранцам не нравится политика руководства страны, направленная на поддержку палестинцев и демонстративную конфронтацию с Израилем. Эти люди не питают каких-то особых чувств к евреям и палестинцам, но считают, что на международные исламские и антиизраиль-

ские проекты выделяется слишком много средств, а это не способствует улучшению жизни самих иранцев и повышению престижа Исламской Республики Иран в мире. «Мы — не арабы, — говорят сторонники такого подхода. — Какое нам дело до конфликта палестинцев и евреев? Пусть сами разбираются. А нам ради палестинцев нечего без нужды портить отношения ни с Западом, ни с Израилем». Отметим, что такого прагматичного подхода придерживались шахские политики, старавшиеся извлекать пользу из палестино-израильских противоречий.

При этом политика президента Ахмадинежада во многом направлена на то, чтобы превратить ИРИ не только в ведущую региональную державу, но и в лидера всех мусульман, сгладив традиционные противоречия между суннитами и шиитами. Тегеран акцентирует внимание на общеисламских ценностях, интересах и целях глобального уровня. Иран пошел на сближение с Саудовской Аравией, которая является не только главным союзником американцев в зоне Персидского залива, но и историческим противником ИРИ, противостоящим расширению ее влияния в регионе. В декабре 2007-го Махмуд Ахмадинежад совершил хадж по личному приглашению саудовского короля Абдаллы II. При имаме Хомейни такое даже представить себе было невозможно.

Впрочем, конкуренция за влияние в Ираке, который всегда считался главным региональным соперником Ирана, способна отравить отношения Тегерана с арабскими режимами. Суннитские лидеры Ирака, а вместе с ними и многие политики в других странах Персидского залива воспринимают ИРИ как силу, в перспективе даже более опасную, чем США. Так, шейх Маджид аль-Кауди, лидер организации «Пламя Ирака», заявил: «Тегеран — наш действительный враг, поскольку он хочет контролировать мою страну и затем весь арабский мир».

Иран не боится угрозы со стороны Соединенных Штатов, хотя эта тема активно используется режимом для сохранения своих позиций. Несмотря на то что в СМИ много писали о почти неизбежном нападении Америки и даже неоднократно назывались даты вторжения, в ИРИ мало кто воспринимает эту информацию серьезно. Более того, никакой психологической подготовки к возможной войне с американцами не наблюдается.

По-настоящему массовых антизападных и антиамериканских настроений в Иране давно нет. Кое-где сохранились лозунги, при не-

обходимости проводятся соответствующие митинги и т. п. Но реальное отношение иранцев к США лаконично выразил автору этих строк один тегеранец, получающий пенсию в 400–500 долларов (как участник войны, имеющий ранения, он ушел на пенсию лет в 40). «Я кричу “Смерть Америке!”», — признался он, — потому что у меня там дочь на врача учиться, а мне надо деньги зарабатывать на ее обучение». Более того, в Куме есть аятоллы, то есть представители высшего шиитского духовенства, которые открыто выступают за восстановление отношений с Вашингтоном.

Вообще, происходящее в Соединенных Штатах вызывает обостренный интерес политиков и СМИ в Исламской Республике Иран. Когда кандидат в президенты США Хиллари Клинтон заявила, что в случае ее победы на президентских выборах Америка сядет за стол переговоров с Тегераном без предварительных условий, в одной из иранских газет появилась статья под заголовком «Соревнование политиков Америки за переговоры с Ираном».

Большое внимание ИРИ уделяет взаимоотношениям еще с одной ведущей мировой державой — КНР. Напомним, что в конце 2004 года Пекин подписал с Тегераном соглашение о сотрудничестве на 30 лет, предусматривающее проекты на 70 млрд долларов. Китайская государственная компания *Sinopes* займется разработкой гигантских газовых запасов Йадаравана, строительством объектов нефтехимической и газовой промышленности, включая трубопроводы. В соответствии с этим соглашением китайская военная строительная компания *NORINCO* должна расширять тегеранское метро, которое было построено в основном китайцами. Метрополитен в столице Ирана функционирует уже 7 лет. Китайцы успешно воспользовались санкциями в отношении ИРИ, чтобы закрепиться на ее рынке.

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ

Саммит прикаспийских государств, прошедший в Тегеране в минувшем октябре, иранский истеблишмент эффективно использовал для укрепления режима. В какой-то степени престижное международное мероприятие и личное присутствие на нем президента РФ Владимира Путина оказали стабилизирующее влияние на ситуацию в Иране и обеспечили нынешнему руководству дополнительные очки в глазах соотечественников.

Некоторые исследователи и политики уже несколько лет называют ИРИ среди стратегических союзников России. В октябре

2007-го член иранского парламента Казем Джалали назвал Москву и Тегеран «стратегическими партнерами» и заявил в интервью государственному телеканалу, что сейчас они находятся «по одну сторону баррикад». Однако на деле отношение Тегерана к Москве намного сложнее.

У непредвзятого иностранного наблюдателя в Иране вообще складывается впечатление, что расширению связей с западными странами там будут рады больше, чем с Россией, отношение к которой исторически неоднозначно или даже настороженно негативно. Москву подозревают в стремлении использовать Тегеран в собственной хитрой интриге.

Характерна, например, статья члена научного совета Тегеранского университета Элахе Кулаи «Противоречия Ирана с Америкой и Европой — подходящий инструмент игры России», опубликованная также в октябре 2007 года и явно приуроченная к саммиту и визиту Путина.

Элахе Кулаи — известный иранский политик: в 2001-м она возглавляла группу ирано-российской дружбы Собрания исламского совета (Меджлиса), а в 2002-м была наблюдателем от иранского парламента на переговорах по Каспию и членом комиссии Меджлиса по национальной безопасности и внешней политике. Кулаи прямо пишет, что в силу обстоятельств ИРИ находится в очень невыгодном положении для переговоров о статусе Каспия и защите своего суверенитета. В то же время «противоречия Ирана с Америкой и Европой превратились в подходящий инструмент для игры России с этими странами». Между тем еще в 2001 году Элахе Кулаи утверждала, что «тесные отношения между Россией и Ираном — естественное следствие давления, которое на нас оказывает Запад».

Товарооборот ИРИ с Германией составляет почти 25 млрд долларов, в то время как торговля с Россией находится на ничтожном уровне — 2 млрд (как с Казахстаном). Из-за экономической слабости Москва по-прежнему не может предложить каких-либо действительно широкомасштабных проектов. Строительство АЭС в Бушере — это отдельная тема, имеющая куда больше отношения к большой международной политике, чем к экономике. Да и на фоне той же Германии сумма бушерского контракта — менее миллиарда долларов — тоже не слишком впечатляет.

Что касается других проектов российско-иранского сотрудничества, то они не столь масштабны. Это относится и к контракту

на поставку пяти самолетов Ту-204-100. Они не решат проблемы старого и изношенного авиапарка Ирана. К тому же Россия сама почти не закупает собственных самолетов, что чрезвычайно важно для торговых партнеров и авторитета производителя. Интересен проект поставок в Исламскую Республику Иран и производства в этой стране пассажирских самолетов Ту-334, Ту-214 и гражданских вертолетов «Камов». Однако переговоры пока только ведутся, но даже и в случае достижения договоренности нет оснований надеяться на скорый результат. Проекты сотрудничества в нефтегазовой области и в сфере энергетики также трудно пока рассматривать как прибыльные и работающие на повышение престижа России в ИРИ. Конечно, грандиозен по замыслу проект соединения каналом Черного и Каспийского морей. Однако опять же пока совсем не ясно, что из этого получится. А главное — кто в большей степени от этого выиграет?

Иран намерен по-прежнему, как это всегда было в истории, играть на противоречиях России с другими странами, преследуя свои интересы. Приобретение страной статуса важной региональной державы прежде всего рассматривается в контексте того или иного взаимодействия с Западом. Поэтому Москве надо отдавать себе отчет в действительных приоритетах руководства ИРИ. Исламская революция завершилась со смертью имама Хомейни и его ближайших единомышленников. Иран давно вернулся на путь развития традиционных капиталистических отношений, постепенно освобождаясь от препятствующих этому элементов революционного наследия. В то же время Тегеран пытается использовать именно конфессионально-политическую составляющую данного наследия для распространения своего влияния не только в районе Персидского залива, но и за его пределами. При этом руководство ИРИ готово сотрудничать практически с любыми силами на международной арене, если это принесет пользу режиму.

Разговор по существу

Коммунизм – смертельный враг Америки.
Издание организации «Крестовый поход
христиан против коммунизма», 1956 г.

“ Возможности России существенно уменьшились по сравнению с советским прошлым. Российское общество больше нацелено на социально-экономическое развитие. Ту тотальную мобилизацию, которую советский строй смог навязать стране, очень трудно будет обосновать и узаконить при отсутствии крепкого и всеобъемлющего идеологического фундамента ”

Георгий Арбатов:

«Нам грозит более опасный период, чем холодная война»

132

Збигнев Бжезинский:

«Идея сдерживания когда-то превратилась в догму»

141

Георгий Арбатов:

«Нам грозит более опасный период, чем холодная война»

По обе стороны Атлантики стало модно говорить о холодной войне. И хотя перемены в мире очевидны, соблазн вернуться в привычную конфронтационную обстановку, когда все было понятно, велик. Известный обозреватель Джонатан Пауэр, который на протяжении нескольких десятилетий освещает мировые события для ведущих западных изданий, обратился к двум участникам политических битв эпохи идеологического противостояния. Академик РАН Георгий Арбатов и профессор политологии Збигнев Бжезинский — признанные эксперты в области международных отношений. И тот и другой знают предмет не понаслышке: и Арбатов, и Бжезинский многие годы служили советниками руководителей своих стран. Оба интервью впервые вышли в свет в британском журнале Prospect в декабре 2007 года.

— Если бы вам пришлось подводить жизненные итоги в 55 лет, были бы вы в таком же мире с собой и со своей совестью, в каком, по всей видимости, пребываете ныне?

— Конечно, я критично относился ко многим сторонам нашего образа жизни, хотя говорить открыто об этом тогда было рискованно. Но, насколько помню, я и в то время не шел на какие-то компромиссы по принципиальным вопросам. Возможно, я был введен в заблуждение теми идеологическими глупостями, которые мы все время друг другу говорили. Я и сегодня считаю, что, хотя мы кое в чем и ошибались, но зачинщиками холодной войны все же были американцы. Полагаю, что ее началом нужно считать атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. В своих мемуарах американский военный секретарь Генри Стимсон честно признал, что это было сделано для того, чтобы преподать русским урок и показать, что теперь придется играть по новым правилам.

— Вам не кажется, что Сталин планировал конфронтацию с Западом после победы во Второй мировой войне?

— Нет. На встречах со Сталиным коммунистические лидеры Франции и Италии, Морис Торез и Пальмиро Тольятти, например, поднимали вопрос о том, не настал ли подходящий момент для начала революций в этих странах, учитывая возникшую революционную ситуацию. Однако Сталин ответил: «Ни при каких обстоятельствах. Запад этого не потерпит». А еще одной войны мы да и мир в целом не выдержали бы.

— Но он ведь был сторонником марксистской идеологии экспансионизма?!

— Да, Сталин считал, что победа революции неизбежна. Но после пережитой нами страшной войны он боялся новых опасных начинаний. Он предпочитал выжидать и уповать на силу убеждения, а также на то, что противоречия капиталистического строя и новые экономические потрясения сыграют свою роль. Во многих вопросах он был наивен и невежествен. Наши общественные науки пребывали в то время в плачевном состоянии — не потому, что у нас не было умных людей, а потому, что было очень мало места для творческого мышления.

— В своей книге воспоминаний вы задаете вопрос в связи с советской интервенцией в Анголе и Афганистане: «Почему во второй половине семидесятых годов мы в глазах всего мира стали агрессивной, экспансионистской державой?» Но вы на него так и не ответили.

— Я предполагаю, что в тот период военно-промышленный комплекс настолько усилился, что политические лидеры не могли должным образом его контролировать. Но при этом нуждались в нем, чтобы оставаться у власти. Он был их главным инструментом власти, и поэтому они всячески избегали отчуждения во взаимоотношениях с военными. Страна управлялась не одним человеком. Вся система была насквозь пронизана военно-промышленным комплексом.

— Почему Горбачёв потерпел крах? Почему он не воспользовался своей колоссальной властью, чтобы ускорить продвижение реформ?

— Горбачёв боялся идти вперед, поскольку не был уверен, что страна и общественное мнение созрели для того, чтобы понять и принять реформы. Жаль, потому что я считаю его лучшим из всех наших лидеров, даже лучше Андропова.

— Тем не менее вы довольно критично высказываетесь о нем в своей книге.

— Только потому, что он не воспользовался своими возможностями и допустил распад Советского Союза. Три пьяных человека устроили заговор в Беловежской Пуще: Борис Ельцин, Леонид Кравчук из Украины и Станислав Шушкевич из Белоруссии. Об этой встрече хорошо известно, но мало кто знает, что все трое были пьяны.

— **Откуда вы это знаете?**

— Мне об этом рассказал один из присутствовавших там людей.

— **Вы можете назвать имя этого человека?**

— Нет.

— **А каково влияние военно-промышленного комплекса в современной России? Удалось ли взять его под контроль?**

— Экономические трудности в постсоветской России заставили сократить военные расходы до такой степени, что это нанесло ущерб нашей безопасности. Но теперь, похоже, наш новый лидер Путин снова вынужден считаться с военно-промышленным комплексом. Во всяком случае, военные назначаются на многие ответственные посты. Не знаю, в какой мере он может их контролировать. В целом им тоже приходится думать о выживании в военно-промышленном комплексе, а не об углублении мирного революционного процесса. Однажды в интервью одному американскому журналу я сказал (и эти слова были весьма популярны в то время), что мы сделаем для вас очень нехорошую вещь — лишим вас врага. И мы это сделали. Многим в Вашингтоне теперь непросто, как непросто и нам. Весьма трудно оправдывать непомерные военные расходы, когда в стране столько других нужд и к тому же нет реальной опасной угрозы извне. Это большая проблема. Не знаю как Путин и его окружение, но, глядя со стороны, можно сказать: он опасается упреков в том, что не заботится о нуждах военных. Коммунисты и Жириновский не преминули бы обвинить его в этом. Сейчас очень много развелось авантюристов. Путин могуществен, он опирается на широкую поддержку избирателей, но никто не знает, что будет после него. Это важно. Бюрократы тревожатся в первую очередь о своем будущем.

— **Упустил ли Запад возможность перетянуть Россию на свою сторону?**

— Вы хотите сказать, воспользовались ли обе стороны окончанием холодной войны? Полагаю, что нет. Соединенные Штаты были ослеплены тем, что, оказавшись единственной сверхдержавой, пустились в разные авантюры. Не все их инициативы были плохи. В Кувейте все

было сделано правильно, но военная кампания в Ираке оказалась слабо обоснованна и подготовлена. Разведывательные службы неудовлетворительно выполнили свою работу, да и сама кампания была проведена некачественно. Поэтому теперь США оказались втянуты в тяжелую войну с очень сомнительным исходом. Ирак может так измотать Америку, что она уйдет из этой страны, как в свое время случилось во Вьетнаме. Мы тоже из-за множества внутривластных проблем не использовали шанс, полученный после окончания холодной войны. Наши лидеры были удовлетворены тем, что Россию приняли в клуб восьми индустриально развитых стран. Не считаю, что новая холодная война неминуема, но мы вступили в эпоху многополярных международных отношений со множеством «центров силы». Подобная ситуация существовала перед Первой мировой войной. Это непростая политика: она требует больших усилий и тщательно обдуманных шагов. Вряд ли обе стороны к этому готовы. Мы можем шаг за шагом скатываться в трясину противостояния.

— **Почему ситуация так резко ухудшилась? Я имею в виду решения в области контроля над вооружениями и вооруженными силами, а также обострение отношений с Великобританией.**

— Главное в том, что прекратились переговоры. Стороны теряют интерес друг к другу. Виноваты обе стороны.

— **Если бы вы сегодня были президентом России, что бы вы предприняли для предотвращения дальнейшего ухудшения отношений?**

— Я бы начал серьезные переговоры. Организовал бы две-три встречи на высшем уровне, чтобы обсудить новую международную обстановку, возможные линии поведения и ответственность ведущих держав. Затем следовало бы со всей старательностью разработать повестку дня таких переговоров. Мы постоянно нуждаемся в переговорах, но к ним нужно все время готовиться, и притом весьма тщательно. Встречу в Кеннебанкпорте нельзя назвать переговорами. Я помню, как в прошлом организовывались подобные саммиты. У всех организаций, включая и мой аппарат, дел было по горло. Мы работали, работали и работали не покладая рук. Теперь же стороны потеряли всякий интерес. Российские правящие круги утратили интерес к консультациям с научным сообществом и пренебрегают мнением авторитетных специалистов. Боюсь, что нечто похожее происходит и в США. Встречи на высшем уровне превратились в шоу: лидеры жмут друг другу руки, улыбаются перед телекамерами, но никакие серьезные переговоры не ведутся.

Создается впечатление, что сейчас никто ни в чем не заинтересован. Я понятия не имею, откуда правители получают информацию и где черпают свои идеи. Путин создал наименее прозрачную на моей памяти систему государственного управления. Даже во времена Сталина мы знали, что, скажем, Маленков, или Суслов, или Жданов хотели сделать то-то либо то-то, после чего это становилось все более очевидным и заметным.

Мне ничего не известно об окружении Путина. Что думают эти люди? Что можно сказать о том или ином члене президентской команды? Они не выражают себя как общественные, публичные деятели.

Путин сделал много хорошего — восстановил систему государственного управления, например. Но в то же время ни в одной своей речи он не говорит о перспективах. К чему мы стремимся? Какой курс мы хотим осуществлять во внутренней и внешней политике? Это бы намного эффективнее сплотило страну, чем «вертикаль власти».

Интеллектуальный уровень бюрократов, чиновничества заметно снижается. Это началось при Ельцине: в воскресенье кто-то подсказывает ему имя, а в понедельник мы узнаём о новом премьере. Мы ничего о них не знаем, не знаем их взглядов.

— Вас не беспокоит, что Запад опять начнет считать Россию военным противником, если развитие ситуации продолжится в этом направлении?

— Все зависит от конкретных дел. Если руководители страны будут вести себя, как безумцы, это возможно. Но не думаю, что мы на такое способны — в первую очередь по экономическим соображениям. По дороге сюда вы видели богатые пригороды с фешенебельными особняками. Это главная цель бюрократии. Чинуши не заинтересованы в напряженной работе, военной конфронтации или мировой революции. В любой из этих их особняков можно направить судебных приставов и поинтересоваться источниками сверхдоходов. Все это грязные деньги, чиновники не получают столь высоких зарплат, на которые можно было бы купить такие особняки.

— Путин считает, что США воспользовались временной слабостью России, расширив НАТО, распространив свое влияние на южные республики бывшего Советского Союза и т. д. Теперь он наносит ответный удар, отменяя ранее заключенные договоры и угрожая перенацелить ракеты на Европу.

— Меня это не слишком тревожит. Я больше обеспокоен тем, что происходит внутри России. А что представляет собой новое поколение? Что у молодежи на уме? Иногда складывается впечатление, что они ничего не знают о прошлом, и похоже, что их не интересует будущее. На первом плане у них сиюминутные материальные потребности. Завтра эти молодые люди станут играть важную роль. Другой повод для беспокойства — это экономика. Мы так сильно зависим от цен на нефть, что, если они упадут, я не знаю, сможет ли что предпринять Путин. Подобно наркоману, мы сидим на игле высоких цен на нефть.

— **Я решил навестить вас сегодня, потому что, похоже, начинается новая опасная фаза противостояния. Призраки и тени прошлого не дают нам покоя.**

— Люди размышляют об этом, говорят об этом. Во времена Советского Союза мы были чрезмерно идеологизированы, но жить вообще без идеологии невозможно. Нам нужно прекратить глупые разговоры о том, что у России есть свой, уникальный путь. Это чепуха. Политическое руководство должно думать о том, куда нынешняя ситуация выведет страну, как решить существующие проблемы и к чему они приведут страну.

— **Почему так сильно испортились отношения с Великобританией?**

— В отсутствие реальных проблем политики искусственно раздувают надуманные. Главными злодеями становятся российские граждане, которые в данный момент находятся на территории России, но когда-то находились в Великобритании.

— **Создается ли «дымовая завеса», чтобы защитить убийц Литвиненко?**

— Это слишком далеко от меня и моей работы, и поэтому я плохо представляю себе реальное положение вещей. Возможно, создается «дымовая завеса», а быть может, речь идет об элементарной глупости. Я не знаю, что за люди окружают Путина. Я больше всего опасаясь как раз таких инцидентов, таких мелочей, которые не были заранее спланированы, но могут иметь очень плохие последствия. Мы не выстроили хорошие, на прочной основе, российско-британские отношения, хотя раньше они существовали.

— **Обеспокоены ли вы тем, что руководство России плохо контролирует ядерный арсенал страны?**

— У нас происходило множество техногенных катастроф, но нет оснований беспокоиться именно по вопросу о контроле над ядерными вооружениями.

— Но достаточно ли благоприятна политическая обстановка для того, чтобы говорить о более решительном сокращении ядерных вооружений?

— Обе стороны потеряли врага. Они не видят друг в друге непосредственной угрозы. И, похоже, не понимают, что эта угроза может снова возникнуть в довольно-таки короткое время. Уже одно только наличие большого количества вооружений повышает вероятность ухудшения отношений и делает ситуацию менее стабильной.

Если у вас накоплено так много ядерных вооружений, то необходимо сказать, что существует план избавления от них, даже если вы пока не можете назвать точную дату. В противном случае другие страны скажут: если у вас есть эти вооружения, почему мы не можем их иметь? В настоящее время обладание ядерным оружием становится признаком великой державы. Какие враги угрожают безопасности Северной Кореи? Их нет, но эта страна хочет быть великой и могущественной.

Во времена холодной войны нас тревожило, что противник может сделать что-то плохое. Сегодня мы должны опасаться того, что стороны не делают ничего хорошего. Они рассчитывают, что все будет идти так, как идет сегодня. Но ситуация постоянно меняется. Можно ожидать появления новых диктаторов, которые пожелают обзавестись ядерным оружием.

США и Россия в равной степени виновны в том, что ядерного разоружения нет. Честно говоря, Россия действует неправильно в этом вопросе. У нас так много вооружений, что мы могли бы сократить их в одностороннем порядке, показав хороший пример. Мы могли бы демонтировать ракеты и тем самым внушить другим доверие. Тогда американцы вынуждены были бы последовать нашему примеру.

— Кто из американских президентов, по вашему мнению, больше виновен в создании напряженности — Буш или Клинтон?

— Буш, поскольку он применил военную силу.

— Не кажется ли вам, что начинается новая холодная война?

— Нет, но мы можем скатиться к ней. Это будет не идеологическая война, но она окажется хуже предыдущей, потому что мы живем в многополярном мире и даже небольшие государства обладают ядерным оружием или могут стать ядерными. Раньше США и СССР всех держали под контролем, а теперь многие страны мира становятся неуправляемыми. Я не говорю, что это уже свершившийся факт, но мы можем подойти к более опасному периоду, чем холодная война. Впереди маячит опасность. Два года тому назад об

этом нельзя было даже помыслить, а теперь можно. Многое будет зависеть от личных качеств будущих лидеров США и России.

— **Кого бы вы хотели видеть следующим президентом России?**

— У меня нет фаворитов, потому что я не знаю кандидатов.

— **А с американской стороны?**

— Из Хиллари Клинтон может получиться неплохой президент. Что касается Барака Обамы, то о нем я знаю очень мало.

— **Обама недавно сказал, что США «снова должны повести за собой мир».**

— Если Обама надеется править миром, став политическим лидером Америки, то он наивный новичок в политике. Даже если он так думает, ему не следует говорить об этом вслух.

— **Митт Ромни, ведущий кандидат от Республиканской партии, не так давно заявил, что «угроза радикального ислама так же реальна», как в прошлом была реальна угроза нацистской Германии и Советского Союза. «Последствия пренебрежения вызовом в лице радикальной исламской организации или государства, обладающего ядерным оружием, просто неприемлемы», — сказал он.**

— Они нашли потерянного врага! Теперь все можно объяснить и оправдать: военные расходы, военные действия... «Война цивилизаций» — это в большой степени надуманное понятие.

— **Продолжится ли все это после Буша?**

— Продолжится — и у них, и у нас. Нам придется вести переговоры с разными мусульманскими лидерами, потому что такой сценарий плох как для христианства, так и для ислама. Возможно, нам нужно организовать конференцию с участием Китая, Японии, Малайзии, Индонезии, Египта и представителей христианского мира. Нам нельзя допустить, чтобы новое поколение выросло с этой нездоровой идеей «войны цивилизаций», поскольку так недолго и беду накликают. Если все время внушать эту мысль людям, то война станет реальностью.

У Пакистана уже есть ядерное оружие. Вскоре им, возможно, обзаведется Иран. Расползание ядерных вооружений удастся остановить лишь в том случае, если в мире улучшится политический климат, а это не произойдет до тех пор, пока крупные державы не начнут сокращать свои ядерные арсеналы. Нам нужно подать пример, а затем сказать: зачем вам нужно это оружие? Вы опасаетесь других стран? Если это так, то давайте сядем за стол переговоров и обсудим, как мы можем помочь вам.

— Может ли Россия убедить Иран отказаться от планов создания атомной бомбы?

— Думаю, что совместно с Америкой мы сможем остановить Тегеран и уговорить его не создавать бомбу. В Москве все говорят: «Зачем нам тревожиться и переживать по этому поводу? Ведь у американцев больше причин для беспокойства». Поэтому Америка должна стать инициатором переговоров. Если же все будет идти так, как идет сегодня, появление у Ирана атомной бомбы неизбежно. Но если мы будем вести переговоры и подадим хороший пример, сократив собственные ядерные арсеналы, то этого можно будет избежать. Я лично не знаком с лидерами мусульманских стран и не знаю их психологию, но я уверен, что обладание ядерным оружием делает лидера более авантюрным и надменным.

— Беспокоит ли вас рост военной мощи Китая, как это беспокоит Пентагон?

— Мне не очень нравится военное усиление Китая. Это в большей степени угроза для России, чем для США. Но я не вижу явной, реальной опасности. Китай мирно интегрируется в мировую экономику и делает это весьма успешно. Это государство так долго было лишено достойного места в мировом сообществе! Это наложило отпечаток на психологию китайцев. В настоящее время они заняты реальным возрождением своей страны. В то же время у нас нет гарантий того, что военные однажды не придут к власти в КНР. Это будет плохо для Китая и для его соседей. Важно продолжать переговоры с Пекином. Нам придется строить систему многополярного мира и международных отношений как основу нашей общей безопасности.

— Разделяете ли вы идею Горбачёва о том, что Россия должна стать частью общеевропейского дома?

— Конечно. Россия могла бы внести большой вклад в развитие Европейского союза. Почему она должна находиться в изоляции, как того хотят Польша и Эстония? Нельзя все время жить вчерашним днем. Если бы мы жили только прошлым, никто из нас не пожал бы руку немцу. ЕС должен помочь нам теперь, пусть даже чисто символически, дав понять, что Европа не против присоединения России к Евросоюзу. Если бы Европейский союз сказал о том, что Россия может стать частью единой Европы через одно или два десятилетия, это помогло бы стабилизировать политику России.

«Идея сдерживания когда-то превратилась в догму»

— **Была ли холодная война необходимостью?**

— Часть ответа — в том, что это исторический факт. Каковы были альтернативы в конце 40-х и начале 50-х годов прошлого века? Можно ли было бы ее избежать? Вполне возможно — при более просвещенном советском руководстве и несколько менее встревоженном руководстве западном. Но исчерпывающего ответа на этот вопрос не существует.

— **Не представляется ли вам, что знаменитая «длинная телеграмма» Джорджа Кеннана была неправильно истолкована многими влиятельными людьми в американском внешнеполитическом истеблишменте?**

— Не думаю, что она была неправильно понята. Но через какое-то время идея сдерживания превратилась в догму и приобрела милитаристскую направленность, к чему Кеннан, конечно же, не призывал. Если сослаться на свои собственные труды конца 1950-х — начала 1960-х, то я в те годы пропагандировал политику мирного вовлечения, поскольку коммунистическая система казалась мне, несмотря на ее внешнюю мощь, слабой в социально-экономическом плане. Вот почему представлялось, что более гибкая политика ведения холодной войны западным миром гораздо действеннее. Многие из моих критиков верили исключительно в сдерживание военными средствами.

— **Удалось ли творчески использовать окончание холодной войны?**

— Мы недостаточно хорошо использовали появившиеся возможности. Можно было бы сделать гораздо больше для того, чтобы вовлечь и, быть может, втянуть Россию в более тесные взаимоотношения с Западом, которые помогли бы уменьшить нарастающую ностальгию по имперскому статусу, ту, что мы сейчас наблюдаем в Кремле. Но это все опять из области предположений. Мы точно не знаем, насколько успешным мог бы быть альтернативный подход к решению этой исторической проблемы.

— Оглядываясь назад и размышляя о своих ощущениях того времени, что вы можете сказать о расширении НАТО на восток? Было ли это хорошей идеей?

— Это было необходимо с политической и исторической точек зрения. Представьте себе, какая напряженность царила бы сейчас в Центральной Европе, не будь страны этого региона членами НАТО. Достаточно взглянуть на недавние трения между Россией и Эстонией, а еще лучше — на угрозы, эмбарго и даже военные жесты России в адрес Грузии. Посмотрите, какое давление, в том числе энергетическое, Россия оказывает на Украину. Несомненно, членство в НАТО и Европейском союзе стабилизировало отношения между Центральной Европой и Россией, и в будущем оно может способствовать развитию более тесного сотрудничества между ними.

— Разве государственный секретарь США Джеймс Бейкер не давал Горбачёву обещание не расширять НАТО?

— Я в это не верю. Думаю, обещание касалось отказа от размещения войск НАТО в Восточной Европе. Сомневаюсь, что было дано какое-то однозначное обещание (это можно легко проверить) не расширять НАТО на восток.

— Но разве Америка не воспользовалась слабостью России в годы правления Ельцина?

— Думаю, что США воспользовались ситуацией, в которой необходимо было принять некоторые решения по поводу будущего статуса Центральной Европы. Не будь ясности в вопросе о принадлежности Центральной Европы и ее самоопределении, мы могли бы сегодня снова столкнуться с серьезными проблемами в самом сердце Европы.

— Георгий Арбатов в разговоре со мной подчеркивал колоссальное влияние военно-промышленного комплекса на советское руководство. Вы могли бы выступить с такой же критикой американского военно-промышленного комплекса?

— Впервые этот вопрос был поднят президентом Эйзенхауэром, и уже сам факт, что он употребил эти слова, делает ему честь. На Западе существовал и до сих пор существует военно-промышленный комплекс, который и сегодня все еще играет более или менее существенную роль. Вне всякого сомнения, он является важным аспектом нашей действительности. Не знаю, играет ли он более серьезную роль на Западе, чем играл в Советском Союзе, но подозреваю, что в Советском Союзе он имел большее значение просто

в силу того, что экономическая база в СССР была намного уже, а соотношение военных расходов и ВВП — намного выше.

— Существует ли опасность, что Россия может снова стать военным противником?

— Сомневаюсь. Чтобы быть военным противником США в мировом масштабе, России придется выполнять какую-то миссию, осуществлять глобальную стратегию и, возможно, обрести идеологическую основу. Это представляется мне маловероятным. Но между Соединенными Штатами и Россией могут возникать трения — это легко себе представить. Отчасти они уже появились сегодня на нескольких узких направлениях. Помимо всего прочего, возможности России существенно уменьшились по сравнению с советским прошлым. Российское общество больше нацелено на социально-экономическое развитие, и это все труднее отрицать в условиях относительного доступа России на внешние мировые рынки и ее относительной открытости для внешнего мира. Если говорить коротко, ту тотальную мобилизацию, которую советский строй смог навязать России, очень трудно будет обосновать и узаконить при отсутствии крепкого и всеобъемлющего идеологического фундамента.

— Стало быть, вы не нервничаете, когда слышите воинственную риторику наподобие той, которой была пропитана речь Владимира Путина на прошлогодней Мюнхенской конференции, или высказывания в связи с развертыванием элементов системы противоракетной обороны в Центральной Европе?

— В какой-то степени я озабочен, хотя меня это не особенно беспокоит, поскольку такая риторика наносит ущерб только самой России. Она откладывает процесс своего окончательного воссоединения с Западом и отождествления с ним. Вызывающее поведение Путина, которое на более примитивном уровне иллюстрируется его появлением с обнаженным торсом прошедшим летом (имеется в виду серия фотографий президента России на отдыхе. — Ред.), похоже на мальчишескую бравладу. Мне представляется, что Путин тем самым нанес ущерб международному авторитету России, но не думаю, что такое поведение дает повод для серьезного беспокойства.

— Было ли ошибкой не связать Россию более тесными узами с Европейским союзом после окончания холодной войны?

— Можно было сделать больше для того, чтобы Россия решительнее отождествляла себя с Западом — в частности, в эпоху Ельцина. Но стоит оговориться: есть большие сомнения в готовности

российского общества к этому. Тот период — время великого унижения, большой неопределенности и сильного замешательства в России, так что было не так-то легко создать что-то долговечное и прочное в долгосрочной перспективе. Но хочу еще раз подчеркнуть, что в начале 1990-х нужно было попытаться сделать больше.

— **Не кажется ли вам, что Россия — неотъемлемая часть западной цивилизации?**

— Да, конечно, так же как и Украина.

— **Но нельзя же сравнить украинских писателей, поэтов, композиторов, художников, драматургов с великими деятелями России в смысле их вклада в мировую культуру!**

— Вопрос не в этом, а в том, какое общество ближе к европейскому по своим нравам и установкам. Украина в большей степени европейская страна, чем Россия. Украинцы продемонстрировали прекрасную способность улаживать разногласия без помощи оружия. Русские более склонны решать политические проблемы с применением грубой силы. Но, думаю, и то общество, и другое ценят христианское наследие, а христианское наследие тесно связано с европейским. Если сравнивать оба общества, то Украина по своему духу ближе к Европе, чем Россия, но это несущественные отличия.

— **Хотелось бы вам видеть эти две страны членами Евросоюза уже в следующем поколении?**

— Я часто говорил о том, что если Украина сблизится с Западом и вступит в Европейский союз и НАТО, то Россия с большей долей вероятности последует ее примеру, чем если Украина этого не сделает.

— **Значит, ЕС нужно дать понять России, что на определенных условиях она могла бы присоединиться к европейскому сообществу лет эдак через 20?**

— Возможно, 20 лет — это слишком короткий срок, хотя наверняка никто этого не знает, поскольку исторические процессы значительно ускорились. В будущем Европа может простираться от Португалии на Атлантическом побережье до Владивостока на Тихоокеанском. Но не знаю, когда это произойдет. Однако я точно знаю, что если Украина не сблизится с Западом, если ей помешают это сделать либо Запад не примет ее в свои ряды, то присоединение России отложится на неопределенное время и вероятность ностальгических попыток возродить империю увеличится.

— **Обе сверхдержавы по-прежнему сохраняют пугающий арсенал ядерного вооружения. Как придать импульс процессу ядерного разоружения?**

— Остановив его распространение. Это — непереносимое условие...

— **Мне казалось, что непереносимым условием является разоружение великих держав. Без этого трудно будет сдерживать те страны, которые жаждут обзавестись атомным оружием.**

— В некотором смысле — да, но большинство стран, которые стремятся к тому, чтобы иметь свое ядерное оружие, не собираются вести военные действия с США или Россией. Они делают это из-за того, что опасаются соседних стран либо что-то замышляют против них. Не думаю, что нам удастся положить конец существованию ядерных арсеналов, если мы не остановим расползание оружия.

— **Значит, вы не согласны с Арбатовым, что иранскую ядерную программу не удастся остановить до тех пор, пока великие державы не подадут пример и не начнут собственное ядерное разоружение?**

— Я не согласен с этим мнением. Должно быть найдено какое-то решение иранской проблемы, и мы не можем ждать до тех пор, пока США и Россия начнут подлинное разоружение.

— **Посмотрите на эту проблему глазами Ирана. Как могут великие державы настаивать на нераспространении, если сами не желают расставаться со своими гигантскими арсеналами?**

— Это справедливый и законный аргумент. Однако если быть реалистами, то массового разоружения Америки и России на данном этапе ждать не приходится, а проблему Ирана все равно необходимо решать. Будем надеяться, что в течение следующих нескольких лет Россия и Америка продвинутся в вопросе разоружения, но если откладывать решение иранской проблемы до того момента, когда произойдет разоружение России и Америки, то возрастет вероятность того, что у Ирана появится свое ядерное оружие.

— **Если бы вы с Джимми Картером снова оказались у руля в Белом доме, говорили бы вы то же самое?**

— Надо думать. А почему нет?

— **В своей последней книге «Второй шанс» вы очень критично отзываетесь как о Буше, так и о Клинтоне.**

— У Джорджа Буша-старшего был, во-первых, уникальный шанс решить одну серьезную региональную проблему и начать двустороннее решение другой. Этой региональной проблемой было мирное урегулирование на Ближнем Востоке. Он не использовал в полной мере те возможности, которые появились после изгнания Саддама Хусейна из Кувейта, в частности, для решения израильско-палестинской проблемы. Во-вторых, проявив себя тонким и успешным дипломатом в период рас-

пада советского блока, он так и не сформулировал четко более глобальную перспективу, которая была бы способна так или иначе пленить умы россиян и придать Ельцину и его команде больше уверенности в том, что Россия может стать частью Запада. Некоторым оправданием может служить то, что он, возможно, думал осуществить все это в течение своего второго президентского срока. Однако второго срока не случилось.

Клинтон был слишком механистичен, слишком поглощен своим имиджем и внутривнутриполитическими вопросами в то время, когда Америке представилась беспрецедентная возможность на международной арене. Кроме того, американский электорат проголосовал за республиканский Конгресс, который занялся сокращением налогов для богатых и превратил преданность Америки интересам мирового сообщества в пустую риторику.

Главу о Джордже Буше-младшем я назвал «Катастрофическое руководство». Он совершенно не понял исторического момента и имел ужасно искаженное представление о действительности, которое демагогически пропагандировал для того, чтобы добиться поддержки американского общества в совершенно ненужной войне. На мой взгляд, существует постоянный риск того, что масштабы этой войны могут разрастись еще до того, как Буш покинет свой пост.

— В каком смысле разрастись?

— В том смысле, что продолжающийся конфликт в Ираке, который Буш, вместо того чтобы покончить с ним, совершенно очевидно решил оставить в наследство своему преемнику, создает угрозу новых столкновений, всплеск насилия, провокаций, вооруженного противостояния с Ираном. Возможно, даже террористического акта в Соединенных Штатах, вину за который можно будет легко возложить на иранцев. В этом заключается внутренняя динамика войны в Ираке. Не так давно «Аль-Каида» заявила, что вооруженное столкновение Америки и Ирана во многом отвечает ее стратегическим интересам. Есть и другие силы в нашей стране и за рубежом, которые поддерживают военную акцию против Ирана. Следовательно, существует опасность того, что продолжающийся конфликт в Ираке может самым непредвиденным образом перерасти в американо-иранское противостояние, а это в свою очередь приведет в движение другие непредвиденные факторы. В результате Америка увязнет в этом регионе, что нанесет ущерб ее государственным интересам и миру на нашей планете в целом.

— Если преемником Буша станет демократ, как он сможет положить этому конец?

— Я бы призвал нового президента предпринять шаги, которые приведут войну к политическому завершению. Это следует сделать безотлагательно именно потому, что любой продолжающийся, тлеющий конфликт имеет внутреннюю динамику в нестабильном и взрывоопасном регионе Персидского залива, которая в конечном итоге может привести к вооруженному противостоянию с Ираном.

Следующему президенту следует поспешить, во-первых, начать переговоры со всеми иракскими лидерами — не только с теми, которые находятся в Зеленой зоне, — чтобы совместно определить дату вывода американских войск. Это заставит иракских лидеров более ответственно или в крайнем случае более решительно отнестись к разрешению внутренних конфликтов.

Во-вторых, использовать факт вывода американских войск из Ирака для того, чтобы побудить все пограничные страны начать региональные переговоры об оказании помощи Ираку в решении проблем безопасности после нашего ухода. Все соседи Ирака, включая Сирию и Иран, заинтересованы в том, чтобы не допустить взрыва в Ираке. Кроме того, нужно попытаться убедить другие мусульманские страны (в частности, Марокко, Египет, Алжир) оказать военную помощь Ираку после окончания оккупации с целью стабилизировать ситуацию в этой стране. Наконец, потребуется участие мирового сообщества — возможно, при посредничестве ООН — в программе широкомасштабной реабилитации иракского общества, которому эта война нанесла колоссальный урон. Параллельно я бы приложил более серьезные усилия для ведения переговоров с иранцами, а также принял более последовательные меры к тому, чтобы принудить Израиль и палестинцев к заключению реального мира вместо неустойчивого перемирия.

— Барак Обама писал, что «Соединенные Штаты должны снова повести за собой мир». Сейчас, когда эра Буша подходит к концу, мы узнали, что у Америки плохо получается «вести за собой мир».

— И да и нет. Я бы сказал, что США остаются потенциальным лидером мира, но только если будут правильно вести себя на международной арене, уделяя больше внимания внешней политике. Не следует путать доминирование с идеей собственного всемогущества. На самом деле под лидерством я понимаю то, что Соединенные Штаты могут быть важным катализатором успешного международного сотрудничества. Никто другой этого не сможет сделать. Учитывая нашу роль в мире, наши ресурсы, мы играем решающую роль.

Это просто непреложный факт. Но остается выбор между подлинным лидерством и неуклюжим доминированием.

— Неоконсерваторы использовали события 11 сентября 2001 года для обоснования идеи о том, что США должны более агрессивно применять свою военно-политическую силу. Хотя ход войны в Ираке отрезвил правительство, центр тяжести в американской внешней политике по-прежнему в значительной мере смещен вправо по сравнению с тем, где он находился раньше.

— Вряд ли я соглашусь с подобным утверждением. Согласен с первой частью вашей формулировки: неоконсерваторы действительно использовали события 11 сентября, занявшись чрезвычайно успешной демагогией, в которой, как ни печально, президент сыграл первую скрипку. Но, думаю, реакция на войну означает, что маятник снова качнулся к центру. Трудно предсказать, как быстро будет смещаться центр тяжести, и многое будет зависеть от того, победит ли демократ на президентских выборах.

— Кто отважится проанализировать события 11 сентября в исторической перспективе? Это было не самое худшее из того, что Америка пережила за свою историю?

— Кровавая бойня сопоставима по масштабам с атакой на Пёрл-Харбор. Уникальность этого события в том, что оно стало глубоко личным переживанием для большинства американцев благодаря телевидению, усилившему его психологическое воздействие. Но думаю, что некоторые кандидаты от Демократической партии, такие, как Джон Эдвардс и Барак Обама, вполне определенно и конкретно раскритиковали упрощенческое и извращенное применение фразы «глобальная война с терроризмом». Конечно, это явное упрощение последствий событий 11 сентября.

— Мы ближе всего подошли к заключению всеобъемлющего мирного договора между Израилем и палестинцами в Кемп-Дэвиде при Клинтоне. Однако министр иностранных дел в кабинете Эхуда Барака сказал, что на месте Арафата он тоже отверг бы выдвинутые предложения, как слишком туманные. Какова ваша оценка Кемп-Дэвида?

— Не соглашусь с вами в том, что мы были ближе всего к успеху в Кемп-Дэвиде. Думаю, ближе всего к данной цели подошел первый Кемп-Дэвид при Картере, потому что итогом той встречи стало подписание важного мирного договора между арабским государством — Египтом и Израилем. Впоследствии это позволило заключить мирный договор между Израилем и Иорданией, который означает невозможность войны объединенного арабского мира с Израилем.

Переговоры между Клинтоном, Бараком и Арафатом так и не приблизились к прорыву, предложения действительно оставались до такой степени размытыми и неопределенными, что Арафату было трудно безоговорочно принять их, тем более что не предусматривалось никаких конкретных шагов. Кажется, он предпринял неуклюжую попытку создать впечатление, будто отвергает их, тогда как в действительности он был просто сбит с толку. Американская общественность даже не поняла, что переговоры продолжались после завершения кемп-дэвидского раунда.

— **Американская пресса ужасно поносила Арафата. Чем руководствовались журналисты?**

— Не забывайте, что все происходившее было тесно связано с выборами в Америке и Израиле. Обстановка политизировалась, и сложившуюся ситуацию по-разному использовали Барак и Шарон. Гор также участвовал в той кампании. Он хотел быть избранным и не желал вступать в полемику с израильянами на том этапе.

— **Почему американские СМИ, в которых работают так много умных, мыслящих людей, до такой степени упрощали ситуацию?**

— Возможно, они не были полностью в курсе событий, поскольку получали информацию на брифингах, где в основном доминировали американцы и израильяне. Так же плохо велась работа с документами и фактами: большинство аргументов были чисто словесными, и они дали конкретный импульс той шумихе в прессе.

— **Оглядываясь на свою политическую жизнь, можете ли вы сказать, что верите в способность американских СМИ серьезно освещать важные вопросы? Или вы стали циником?**

— Со временем я стал более циничным, но не могу сказать, что СМИ в других странах лучше. Наверно, сама природа средств массовой информации такова, что они всё упрощают. По-видимому, это неизбежно и необходимо. Но в какой-то момент упрощение превращается в искажение.

— **Чтобы опубликовать мнения, расходящиеся с официальной позицией, приходится преодолевать сильное сопротивление. Тебя то и дело обвиняют в радикализме и антиамериканизме. Похоже, что руководство сети *International Herald Tribune*, с которой я связан и владельцами которой в разное время были *The Washington Post* и *The New York Times*, сопротивляется публикации таких материалов, которые идут вразрез с преобладающей на данный момент точкой зрения.**

— Это действительно так, но, помимо всего прочего, большинство мировых проблем слишком сложны, чтобы их можно было доходчиво

и популярно изложить в рамках небольшой газетной статьи. Средства массовой информации служат массам — в этом их главная задача.

— Давайте вернемся к Ирану. Отношения с этой страной испортились как раз в ваше время — в период президентства Картера. Вы совершили ошибку, позволив СМИ раздуть понятную обеспокоенность по поводу захвата заложников до непомерных масштабов. После выборов 1997 года в Иране Клинтон, опасаясь израильского и иранского лобби у себя на родине, предпочел не устанавливать более тесную связь с умеренным иранским президентом Хатами. Похоже, что Америка не разыграла иранскую карту должным образом.

— Печально, но это так. Думаю, вы более правы, говоря о неспособности Клинтона воспользоваться представившейся возможностью, нежели в другом своем утверждении по поводу заложников. В конце концов, кризис с заложниками вызвал вполне понятное недовольство в США. Реальной проблемой было падение шахского режима, которое стало следствием того, что Соединенные Штаты в 50-х годах прошлого века свергли Моссадыка, хотя в самой Америке это плохо понимали. Именно тогда США стали на путь, который со временем привел их к столкновению с поднимавшим голову иранским национализмом. Возможно, англичане манипулировали нами больше, чем кажется, когда принималось решение об устранении Моссадыка. Ведь в действительности Моссадык ссорился не с нами, а с ними. Но после его устранения мы осуществили крупномасштабное вмешательство во внутренние дела этой страны и стали получать ренту с ее нефтяных залежей, потому что Великобритания так и не вернула себе ведущие позиции в Иране. Мы заняли ее место и стали мишенью для иранского национализма.

Когда возникла угроза шаху, мы слишком долго медлили — я вынужден это признать. Мне кажется, нам следовало намного быстрее ловить рыбу или обрезать наживку. Либо нужно было решиться на поддержку шаха, чтобы подавить оппозицию, не допустить возвращения Хомейни, а затем стать на путь реформ. Либо нам нужно было быстро избавиться от шаха. Вместо этого мы попытались идти посередине и создали двусмысленную ситуацию...

— Но ведь именно вы были архитектором того политического курса.

— Я был одним из архитекторов, склоняясь к первой стратегии, тогда как другие высказывались за второй путь. Сочетание этих двух подходов оказалось непродуктивным. Сегодня мы столкнулись с такой же дилеммой в Пакистане. Нам не нравится военная диктатура, но можно

ли быть уверенным в том, что популизм с примесью мусульманского фанатизма будет лучше? Можно ли установить в Пакистане двоевластие с президентом Мушаррафом и премьер-министром Бхутто (беседа состоялась до убийства Беназир Бхутто. — Ред.), или это будет означать первую фазу столкновения между ними с непредсказуемыми последствиями? Должен сказать, что не завидую нашим ведущим политикам, которым предстоит решать эту проблему, потому что, вспоминая все этапы иранского кризиса, смею утверждать: трудно быть абсолютно, на сто процентов уверенным в том, что один выбор лучше другого.

— Митт Ромни недавно писал в *Foreign Affairs*, что «угроза радикального ислама так же реальна, как угроза нацистской Германии и Советского Союза». Не эта ли установка направляет нас по опасному пути? Это мнение преобладает не только в республиканских кругах, но и среди других влиятельных американцев.

— Да, сенатор Либерман разделяет такую точку зрения. Это — неверное видение, паразитирующее на историческом невежестве американского населения. Как можно всерьез воспринимать слова Ромни, Джулиани или Либермана о том, что промышленно неразвитая страна Третьего мира, имеющая относительно скудные военные ресурсы, представляет такую же угрозу, какую представляла в 1939 году самая передовая индустриальная нация Европы с самой современной армией мира или какую в 50-е и 60-е годы прошлого века представлял могущественный Советский Союз, носитель популярной во всем мире идеологии и накопивший внушительный ядерный арсенал. Кандидат в президенты, который мелет подобного рода ерунду, либо держит американцев за невежественных идиотов (наверно, небезосновательно) и в этом случае занимается чистой воды демагогией, либо достаточно глуп и сам верит в эту ахинею. Тем самым он убедительно доказывает, что не заслуживает быть избранным на пост президента.

— Существует ли какой-то способ улучшить информированность американского электората, или вы уже отказались от этой затеи?

— Если бы у нас было платоническое общество, можно было бы ввести обязательные экзамены для кандидатов в президенты, чтобы те из них, которые не выдержат этот экзамен, автоматически исключались из президентской гонки!

— Не кажется ли вам, что пора менять наш народ, как однажды сказал Брехт?

— Это было бы слишком амбициозной целью. Я был бы удовлетворен переменой в кандидатах!

— В своей книге вы называете тот регион мира, о котором мы говорим, глобальными Балканами и пишете, что Америка может увязнуть в этом болоте.

— Мне кажется, у войны в Ираке наблюдается опасная динамика, которая со временем может перерасти в нечто большее. Некоторые люди в администрации президента с неоконсервативными воззрениями, похоже, испытывают непреодолимое искушение и самоубийственную склонность осложнить проблему Ирака военными действиями против Ирана.

— **Что вы можете сказать о Китае? В последнее время растет тревога по поводу увеличивающихся военных расходов и всё возрастающих амбиций этой страны. Каким вам видится Китай?**

— Если мы будем надуть экономику Китая, он сможет стать самой влиятельной из влиятельных стран, но не доминирующей мировой державой. Китайцы, с которыми я не раз имел дело, терпеливы, благоразумны и на удивление хорошо информированы. У них есть императорская традиция, которая позволяет им использовать свой шанс, при этом чрезмерно не напрягаясь. В этом смысле, если мы пошатнемся, они не преминут воспользоваться нашим стесненным положением, но в обозримом будущем они не выйдут за привычные рамки. У них громадные внутренние проблемы, которые мы склонны недооценивать, глядя на сверкающие, гламурные фасады Шанхая и других городов. В действительности же у них во многом неразвита инфраструктура, колоссальная бедность и отсталость, и чтобы исправить это положение, потребуется не одно десятилетие успешной и стабильной работы без каких-либо внутренних потрясений.

— **Вы говорили, что Америка рискует превратиться в огромное замкнутое сообщество, изолированное от остального мира. Что привело вас к подобному умозаключению?**

— Вам это, конечно же, хорошо известно. Вопрос в том, будем ли мы продолжать в том же духе, или ситуация будет и дальше ухудшаться. Это во многом зависит от того, что мы обсуждали, а также в немалой степени от того, подвергнутся ли США новым террористическим атакам и как страна, особенно ее политическое руководство, поведет себя в этих обстоятельствах. Одно из моих обвинений в адрес президента Буша состоит в том, что он культивировал в обществе атмосферу страха вместо того, чтобы ослаблять напряжение. Я считаю, что долг политического руководства — вселять уверенность в своих сограждан. Как метко выразился президент Рузвельт, «нам нечего бояться, кроме самого страха». Буш действовал так, как будто справедливо прямо противоположное утверждение.

Политическая экономика

Позвольте, сэр?
Европейский взгляд на политику России.
Конец XIX века.

“ В отличие от США Европейский союз не может позволить себе игнорировать Москву. Именно поэтому он должен перестроить отношения с Россией, приняв к сведению произошедшие глубокие изменения. Как и Турция, Россия в большой степени определит дальнейшие перспективы общеевропейского строительства ”

Европа, Россия, США: новые величины старого уравнения
Тома Гомар

154

Как развязать гордиев узел между ЕС и Россией? *Кари Лиухто*

167

Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно
Филип Хэнсон

174

Управление рентой как основа стабильности *Клиффорд Гэдди*

181

Европа, Россия, США: новые величины старого уравнения

Тома Гомар

С 2006 года отношения между Европейским союзом, Россией и США переживают глубокий кризис, характеризующийся переплетением стратегических и энергетических аспектов.

Нынешняя ситуация позволяет провести аналогии с первой половиной 1980-х. Главным вопросом тогда было, как сочетать развитие торговых отношений между Востоком и Западом с обеспечением безопасности западных стран. Эти две сферы (стратегия и энергетика) тесно взаимосвязаны и сегодня.

Соединенные Штаты и европейские страны завязли в Афганистане, в то время как Россия, преодолев, благодаря максимально высоким доходам от поставок энергоресурсов, хаос переходного периода, наращивает темпы экономического роста и возвращается на мировую арену. Москва выступает против американских планов размещения элементов системы противоракетной обороны в Польше и Чешской Республике, противится расширению НАТО, ужесточает политику на границах (Грузия), на Балканах (Косово) и в более широком плане — по вопросам, связанным с европейской безопасностью (ДОВСЕ).

Следствием напряженности, возникшей в российско-украинских отношениях в январе 2006 года, стал всплеск дискуссии об энергетической зависимости ЕС от России и о том, что Москва

Тома Гомар руководит Центром «Россия / Новые независимые государства» Французского института международных отношений (*IFRI*). Под его редакцией выпускается электронная коллекция статей *Russie.Nei.Visions*, доступная на трех языках на сайте института www.ifri.org. Он преподает в Сен-Сирском высшем военном училище. Расширенная версия этой статьи опубликована в журнале *Politique internationale*, № 118, январь 2008 г.

использует поставки углеводородного сырья в качестве политического инструмента.

Сегодня в основе отношений между Евросоюзом, Россией и США лежит следующее уравнение: активность Соединенных Штатов в Европе и на прилегающих к России территориях с использованием стратегических рычагов плюс ужесточение внешней и внутренней политики Кремля с опорой на средства энергетического воздействия равняется оттеснению Европейского союза на второй план.

ЕС столкнулся с тем, что в международные отношения возвращается логика силы, и оказался не готов к тем изменениям в своем окружении, которые не вписываются в рамки общеевропейских ценностей и не оправдывают надежд переходного периода. Такая ситуация приводит европейцев к осознанию необходимости срочно пересмотреть отношения с Россией.

ОПАСНОСТЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ

Евросоюз располагает 0,6 % мировых запасов нефти (у США — 2,5 %, у России — 6,6 %). На Европейский союз приходится 2,9 % мирового производства (на Соединенные Штаты — 8 %, на Россию — 12,3 %). Доля от мирового потребления составляет в случае Европейского союза 18,6 % (США — 24,1 %, Россия — 3,3 %). Что касается газа, то на территории единой Европы находится 1,3 % мировых запасов (в Соединенных Штатах — 3,3 %, в России — 26,3 %). На ЕС приходится 7,1 % мировой добычи газа (США — 18,5 %, Россия — 21,3 %) и 17 % мирового потребления (Соединенные Штаты — 22 %, Россия — 15,1 %). Ввоз энергоресурсов в Европу будет постоянно расти, что часто преподносится как усиление энергетической зависимости от поставщиков, в первую очередь от России.

Поставки газа в Евросоюз составляют 84,8 % от всего российского экспорта. 26,3 % газа, потребляемого на территории Европейского союза, приходит из России. Экспорт нефти из постсоветских стран в ЕС составляет 83,3 % от всех поставок из этой зоны и покрывает 38,7 % общего потребления нефти в Европе. Нефть, поступающая с постсоветского пространства в США, покрывает лишь 1,79 % потребностей этой страны. 75 % российских экспортных доходов непосредственно зависят от европейского энергетического рынка. Последняя цифра лучше всего отражает тесную взаимозависимость России и Европы в данной сфере.

Теоретически Соединенные Штаты, Россия и Евросоюз являются энергетическими партнерами. Во время первого президентского срока Владимира Путина (2000–2004) было подписано несколько очень важных политических соглашений, направленных на укрепление взаимного доверия. В октябре 2000 года Европейский союз и Российская Федерация вступили в «энергетический диалог», призванный гарантировать поставки энергоресурсов и приток западных инвестиций в данный сектор экономики. В октябре 2002-го об «энергетическом партнерстве», направленном на то, чтобы облегчить проникновение российского капитала на североамериканский рынок и поступление американских капиталовложений в Россию, договорились Москва и Вашингтон.

В период второго президентского срока Владимира Путина (2004–2008) отношения в области энергетики приобрели политическую окраску. Этому способствовали постоянно возникавшие разногласия по вопросу о ценах. Со времени украинского кризиса (январь 2006-го), США, России и ЕС не удается избавиться от склонности драматизировать энергетические отношения. Такие страны, как, например, Польша, хотели бы, чтобы энергетические вопросы были переданы в ведение НАТО, в то время как страны-производители (например, Иран) рассуждают о возможности создания газовой ОПЕК. Поскольку стратегические интересы переплетаются с торговыми, сложно определить их подлинную суть.

Если в начале президентства Путина отношения в сфере энергетики расценивались как фактор сотрудничества, то постепенно они стали источником напряженности. Стоит отметить, что тяга к превращению энергоресурсов в политический инструмент свойственна не только России, но и, судя по заявлениям американских руководителей, Соединенным Штатам.

Отказываясь воспринимать энергобезопасность в геополитическом контексте, европейцы остаются вне игры. Эта ситуация тем более парадоксальна, что у Брюсселя есть довольно сильные козыри. Хотя Евросоюз не обладает собственными сырьевыми ресурсами, три из четырех крупнейших мировых энергетических компаний — европейские (*British Petroleum, Shell* и *Total*). Заиклившись на функционировании рынков, Европейский союз так и не смог утвердиться в качестве солидного игрока на энергетической арене.

Энергетическая алгебра ЕС походит на уравнение с несколькими неизвестными. Сложность его обусловлена разной степенью за-

висимости стран-членов от импорта энергоресурсов. Для Евросоюза в целом «энергетическая безопасность» — это доступ к ресурсам по разумным ценам, а также взаимозависимость в отношениях с Москвой. Такой подход лишь частично совпадает с российским.

Для России «энергетическая безопасность» скорее означает выход на платежеспособные рынки, сокращение рисков на этих рынках и получение гарантий долговременных инвестиций стран-потребителей.

Американцы же под «энергетической безопасностью» понимают прежде всего эффективное функционирование мировых энергетических рынков, гарантами которого они себя считают. Помимо этого они хотели бы превратить энергетику в «мировое всеобщее благо». Вашингтон пытается осуществлять так называемую дипломатию альтернативных нефте- и газопроводов, призванную диверсифицировать экспортные потоки, которые по возможности обходили бы стороной несговорчивые, по его мнению, режимы, такие, например, как Россия и Иран.

С 1978 года либерализация североамериканского газового рынка осуществляется за счет сегментации производственной цепи: закупка, транспортировка, хранение, оптовая продажа и продажа конечному потребителю. Такой механизм считается эталонным. Он вполне применим и в Европе, поскольку обеспечит большую гибкость, большую прозрачность, равно как и интеграцию трех региональных рынков (североамериканский, азиатский и европейский). Благодаря своим природным запасам и транспортной инфраструктуре, Россия способна играть решающую роль как во взаимосвязи региональных рынков, так и в их изоляции.

Теоретически либерализация не сочетается с монополизацией. Поэтому Соединенные Штаты и Европейский союз ищут пути для того, чтобы преодолеть монополию «Газпрома» в производстве, транзите и экспорте. Хотим мы того или нет, растущий спрос автоматически закрепит за Россией центральное место. Москва смогла наилучшим образом воспользоваться возможностями, которые ей предоставила либерализация рынка, для того, чтобы усилить свои позиции. Являясь монополистом на начальном этапе производства, «Газпром», тем не менее, выступает за свободную конкуренцию на конечном этапе. Российская компания стремится заключать прямые договоры с европейскими потребителями (пока только промышленными).

Когда страны — члены ЕС, желая повлиять на Россию, ссылаются на Энергетическую хартию, они ломятся в наглухо закрытую дверь. Ведь в политическом плане Москва не чувствует себя связанной никакими ограничениями, а в техническом — обладает способами лоббирования, причем достаточно эффективными, чтобы диктовать правила игры.

Споры о неизбежности энергетического партнерства с Россией постепенно сменились дискуссиями о надежности «Газпрома» как торгового партнера. Они вызваны крайне противоречивыми сигналами, поступающими от российской стороны, а также туманными перспективами. Стиль работы «Газпрома», сегодняшний уровень вложений в эту компанию, промышленная стратегия и состояние газового потенциала в России ставят вопрос о способности компании сохранить в среднесрочной перспективе объем поставок без привлечения запасов Центральной Азии. Сомнения подкрепляются прогнозами, согласно которым спрос внутри России будет неуклонно расти.

Евросоюз столкнулся с проблемой, которую отчасти создал сам: либерализация газового рынка, призванная содействовать конкуренции между поставщиками, скорее привела к конкуренции между европейскими компаниями, нуждающимися в российском газе в условиях повышающегося спроса. Она разворачивается под лозунгом «каждый за себя», что дискредитирует Европейский союз. США открыто проявляют беспокойство по поводу растущей зависимости Старого Света от России. Американские эксперты рекомендуют европейским коллегам прорабатывать сценарии на случай внезапного и значительного сокращения поставок российского газа в Германию либо Италию.

В последнее время много говорят о новых маршрутах газопроводов — прежде всего для соединения европейского рынка и Прикаспийского региона, который рассматривается как альтернатива России. На долю Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана приходится 5 % мировых запасов, 5,16 % мировой добычи и 3,22 % мирового потребления газа. Легко сравнить эти данные с приведенными выше цифрами, иллюстрирующими потенциал России.

10 лет назад, когда Россия еще была слабой, а Америка — полна оптимизма, этот регион стал объектом многочисленных притязаний. В кругах, близких к Белому дому, сегодня принято изобличать «энергетическое вторжение» России в Европу, а также критиковать

медлительность европейцев в принятии адекватных мер. Не спеша с осуществлением таких проектов, как *Nabucco*, ЕС, мол, дает возможность «Газпрому» реализовывать новые проекты (например, «Южный поток»), закрепляющие изолированность Прикаспийского региона. Противодействие России — лучший путь для возрождения трансатлантического партнерства: Евросоюз и Соединенные Штаты, несмотря на огромную разницу их энергетического положения, должны выработать единую «защитную тактику» против России.

Подобные рассуждения, распространенные в официальных и экспертных кругах, сдержанно воспринимаются в энергетических компаниях. С их точки зрения, в условиях, когда главным является обеспечение поставок энергоносителей и функционирования рынков, систематические действия в обход России — это нонсенс.

РЕАЛИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ

Еще одним гордиевым узлом в отношениях между Европейским союзом, Россией и США являются стратегические вопросы. После событий вокруг ЮКОСа (2003) глобальные проблемы оказались неотделимы от темы «энергетического империализма». Именно так смотрят на вещи новые страны — члены Евросоюза, в частности Польша и государства Балтии, все еще воспринимающие Москву как источник потенциальной военной угрозы.

Завязнув в Ираке, заиклившись на Иране и получив массу проблем в Афганистане, Вашингтон в последние годы рассматривает Россию не как стратегический приоритет, а скорее как непредсказуемого партнера. Начавшееся в 2006 году ужесточение американской политики достигло пика в июне 2007-го, когда, выступая в Праге, Джордж Буш сравнил действия России на мировой арене с политикой Китая. В этой речи, как и в ряде предшествующих выступлений, американский президент откровенно выразил озабоченность внутренней эволюцией России и установил прямую связь между сворачиванием демократических реформ и внешней политикой.

В российском обществе укоренилось мнение, что страна находится во враждебном окружении. При Владимире Путине Москва совершила два стратегических поворота. Первый случился после 11 сентября 2001 года, когда Россия сделала шаг навстречу Западу. Второй был связан с реакцией на «цветные» революции и стал шагом назад, к евразийству. Эти события глубоко изменили мировос-

приятие команды Путина, которая теперь убеждена в необходимости противостоять агрессивному западному влиянию у своих границ.

Россия, к которой постепенно возвращается бывшая мощь, стремится пересмотреть отношения с Соединенными Штатами, НАТО и ЕС и вернуть позиции, потерянные за время переходного периода. Сегодня Кремль ассоциирует утрату былой мощи с разграблением национальных богатств России, которое происходило под прикрытием и при поддержке Запада.

Российской элите дорога идея великой державы, не только являющейся основным фактором регионального равновесия и евро-атлантической стабильности, но и определяющей общий миропорядок. Вместе с тем стремление населения к открытости страны, подтверждаемое опросами общественного мнения, вносит определенные коррективы в великодержавные настроения элиты.

Первоначальный интерес Москвы к единой Европейской политике в области безопасности и обороны (ЕПБО) затмило ее негативное отношение к масштабному расширению НАТО в 2004-м, в результате которого Североатлантический альянс утвердился как основной гарант безопасности на европейском континенте. Жесткость российской позиции объясняется тремя тесно связанными между собой факторами: американской активностью у российских границ, которая после событий в Украине расценивается Кремлем как череда провокаций; общим снижением возможностей Соединенных Штатов, завязнувших в Ираке; стратегическим ослаблением Евросоюза. Эти обстоятельства открывают перед Россией пространство для маневра, цель которого ясна: использовать вновь обретенную силу для того, чтобы заставить признать существование российских зон влияния.

Европейский союз, Россия и Соединенные Штаты воспринимают друг друга в искаженном виде, в то время как вызовы и угрозы будущего, естественно, выходят за пределы треугольника, который они составляют. Внутри него к тому же обнаруживается явный дисбаланс, что, конечно, не способствует нормализации отношений.

В 2006 году Россия выделяла на содержание одного военнослужащего 3,8 тыс. дол. (Соединенные Штаты — 190 тыс. дол., Германия — 94 тыс. дол., Турция — 12,7 тыс. дол.). При этом по сравнению с 2000-м российский показатель вырос на 350 %. Валовый внутренний продукт на душу населения в России составляет 16 % от того же показателя в США и находится на уровне ВВП такой стра-

ны, как, например, Мексика. В 2005 году военные расходы России оценивались в 58 млрд дол., в то время как американский военный бюджет достиг 495 млрд дол., а общие военные расходы объединенной Европы — 240 млрд долларов.

Россия остается второй ядерной державой мира и располагает арсеналом, который включает в себя ядерные силы наземного (500 баллистических ракет), морского (12 подводных лодок) и воздушно-го (80 бомбардировщиков) базирования. Качество арсенала и его соответствие современным требованиям оцениваются неоднозначно.

Аналогичная ситуация и в космической области. Несмотря на свое подавляющее превосходство в космосе, Соединенные Штаты проявляют растущее беспокойство по поводу возрождения российской космической программы, в результате чего Москва будет способна разработать эффективные противоспутниковые системы. В самой России вопрос о выживании космического сектора уступил место вопросу о его развитии, которое идет одновременно с реорганизацией военно-промышленного комплекса. Реализация европейских космических программ наталкивается на отсутствие страны-лидера и нерешенность вопросов на общеевропейском уровне.

В современных условиях сравнение огневой мощи вооружений постепенно утрачивает смысл. В то же время необходимо отметить реорганизацию российских Вооруженных сил, которые, согласно известному высказыванию, не так сильны, как хотят казаться, но и не так слабы, как кажется. Ряд широкомасштабных учений, прошедших в последние годы, заставили вновь говорить о возрождении реальных возможностей по переброске сил и средств.

Что касается Европы, то наращивание ее военной мощи пока не соответствует значительности заявленных планов в области безопасности. Ни Вашингтон, ни Москва не воспринимают Евросоюз в качестве серьезной военной силы стратегического плана. Памятуя о военной операции НАТО в Югославии в 1999-м, Кремль старается отыгаться в Косово, заявляя, что любое долговременное урегулирование конфликтов в Европе возможно только при непосредственном участии России.

Четыре стратегические проблемы являются сегодня предметом переговоров внутри «треугольника»: Иран, Косово, системы ПРО и расширение НАТО. С точки зрения Москвы, приоритетный порядок этих проблем должен быть обратным.

Что касается размещения элементов системы ПРО, то Европейский союз фактически оказался в стороне от решения этого вопроса. Европейские государства по-разному смотрят на угрозу со стороны Тегерана, на реальность его ядерной программы и проекта создания баллистических ракет. Скептицизм в отношении иранской угрозы чувствуется, в частности, в Германии. Развертывание системы ПРО, безусловно, не может угрожать боеспособности российского ядерного потенциала, но такие страны, как, к примеру, Польша, считают, что это придаст им уверенности в отношениях с Москвой.

Варшава обратилась к США с просьбой о размещении на своей территории не только десяти систем перехвата баллистических ракет, но и зенитно-ракетных комплексов *Patriot*. Однако она получила вежливый отказ: такие просьбы не способствуют развитию взаимопонимания и внушают России подозрения. В стратегических вопросах Польша предпочитает двусторонние договоренности, в то время как в энергетической сфере она, напротив, категорически против такого подхода.

На данный момент проблемы, связанные с размещением элементов системы ПРО, решаются в рамках российско-американского диалога. На предложения тут же следуют встречные контрпредложения, причем с европейцами никто не советуется. Лишь благодаря настойчивости Ангелы Меркель эта проблема начала обсуждаться в многостороннем формате на встрече стран НАТО в августе 2007 года. Ряд государств, в частности Германия, Канада и Норвегия, сдержанно относятся к планам развертывания ПРО, полагая, что это негативно скажется на отношениях Североатлантического альянса с Россией. С точки зрения Вашингтона, подобный обмен мнениями не ставит под сомнение обоснованность американских планов, тем более что такие страны, как Болгария, Греция, Румыния и Турция, хотели бы, чтоб будущая система ПРО прикрывала юго-восток Европы.

ЕС не способен выработать единую позицию относительно американских планов. Хавьер Солана призвал обсудить вопрос о размещении элементов системы ПРО, однако вынужден был признать, что принятие окончательного решения не будет зависеть от Евросоюза. Эта ситуация больше, чем какая-либо другая, указывает на стратегическую слабость Европейского союза, равно как и на серьезные проблемы во взаимоотношениях Европы и Америки. По су-

ти, ЕС, перекладывая решение стратегических вопросов на НАТО, продолжает терять авторитет в глазах Москвы.

НА ПУТИ К ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ?

Долгие годы Евросоюз действовал в рамках постмодернистского дискурса, заключающегося в провозглашении себя державой нового типа: своего рода «мягкая сила» на все времена. Вне всяких сомнений, тезисы о «ползучей интеграции», другими словами, принятие новыми странами-членами общеевропейских правил, норм, законов подтверждает способность Европейского союза изменять свое окружение. Следование принципу «главенства права» всегда будет оптимальной основой для отношений с Россией, позволяющей избежать «мягкого сдерживания», тем более что подобную модель трудно представить себе в условиях постоянного расширения торговых обменов.

Такой подход проявляется, например, в Европейской политике соседства (ЕПС). С одной стороны, она направлена на стабилизацию граничащих с ЕС регионов, а с другой — подготавливает новые страны к вступлению в Евросоюз. Государствам — кандидатам на присоединение предлагается начать двусторонний диалог с Брюсселем в рамках специальных «планов действий».

Россия всегда отказывалась принимать участие в ЕПС, считая приемлемыми для себя лишь отношения на равных. Нынешнее российское руководство больше не считает Европейский союз образцом. При Путине Кремль сформулировал доктрину, которая базируется на таких двух понятиях, как «специфичность России» и «суверенная демократия».

Первый принцип означает, что на российскую систему власти и темпы ее развития большое влияние оказывает прошлое страны.

Вторая идея позволяет оправдать ограничение политических свобод и утверждать, что Россия не допустит никакого внешнего влияния на своей территории. Если смотреть глубже, то история России — наследие Российской империи и Советского Союза — служит основой политики Владимира Путина, стремящегося быть на уровне великого прошлого. Он действует, скорее оглядываясь назад, нежели в соответствии с определенным планом построения общества. Логика Путина в большой степени определяется желанием восстановить то, что было. Это стремление сильнее, чем его собствен-

ные убеждения, и проявляется во многих слоях российской политической культуры, в особенности в подходах к стратегическим вопросам. В отличие от Соединенных Штатов российская военно-политическая элита рассматривает прошлое как лучший способ для понимания настоящего и подготовки к будущему.

Американская внешняя политика традиционно строится на неразрывной связи между защитой национальных интересов и универсальными демократическими ценностями. Неоконсервативная идеология прошла при Джордже Буше несколько этапов. С 2006-го, столкнувшись с действительностью, она обнаружила неспособность содействовать реализации амбиций руководства США. В момент переизбрания Джорджа Буша на второй срок (2004) существовала надежда на поворот американской политики в сторону реализма и менее догматичного подхода к международной жизни. Официально провозгласив в январе 2006 года концепцию «трансформационной дипломатии», Госдепартамент попытался согласовать новый взгляд на международные отношения с доктриной Буша, действовавшей во время его первого президентского срока.

Теперь к такому взгляду должны прибавиться менее грубые с идеологической точки зрения механизмы, например «государственное строительство» как предмет более продуманной методологии. Проведение выборов следует отныне рассматривать как необходимое, но недостаточное условие демократизации общества. Сама же демократизация больше не считается универсальным способом решения всех проблем безопасности. Однако ядром разногласий Соединенных Штатов с Россией по-прежнему является долгосрочная цель Вашингтона — добиться превращения авторитарных режимов в стабильные демократии.

Идея «продвижения демократии», столь близкая администрации Буша, столкнулась с особенностями, которыми отмечено сотрудничество с авторитарными режимами на Кавказе и в Центральной Азии. Начиная с 2003-го многие аналитики с беспокойством отмечали расхождение между принципами «продвижения демократии» и средствами, которые применяются в рамках глобальной войны с терроризмом. Такая оценка вызывала бурную реакцию со стороны политических деятелей, по-прежнему убежденных в эффективности насаждения демократии. Поддержка, которую Москва оказала Вашингтону после 11 сентября 2001 года, в какой-то момент заставила поверить в возможное сближение обеих стран. Точкой единения,

разумеется, было не «продвижение демократии», а «борьба с международным терроризмом». Отношение к «цветным» революциям в бывших советских республиках послужило причиной раскола между Россией и США.

С американской точки зрения, эти события явились отражением непреодолимого желания покончить с моделью государственного устройства, которая несла на себе отпечаток советско-российских времен, и присоединиться к евро-атлантическим структурам. Таким образом, они содержат элементы, способствующие трансформации современного мироустройства. Как мировая держава, ведущая войну, Соединенные Штаты явно не удовлетворены нынешним статус-кво.

С точки зрения Москвы, «цветные» революции проходили при одобрении и поддержке внешних сил и продемонстрировали неприкрытое стремление ограничить российское влияние в регионе. Однако в конечном счете революции стали серьезным препятствием на пути становления новых государств и лишь дали толчок к обострению внутривосточной ситуации.

В деле «продвижения демократии», равно как и в «борьбе с международным терроризмом», Европейский союз отстает и от США, и от России. Европейцы слишком долго колебались в оценке событий, происходивших на постсоветском пространстве, отчего создалось впечатление, что они с запозданием реагируют на «цветные» революции. С другой стороны, в заслугу ЕС можно поставить роль посредника, которую он сыграл в ходе украинской «оранжевой революции».

В отличие от Москвы и Вашингтона Брюссель (опять же по причине разных позиций отдельных стран) всегда держался в стороне от глобальной борьбы с терроризмом. Он считал, что ведение войны, не ограниченной ни временными, ни пространственными рамками, чревато опасностью смещения политических и военных целей. Резонность такого подхода все более очевидна и заслуживает гораздо лучшего дипломатического применения. Внутри Евросоюза чаще и чаще звучит мнение о необходимости сформулировать собственную доктрину содействия демократии, которая позволила бы европейцам занять место в борьбе за утверждение демократических ценностей, но при этом более четко отмежеваться от США.

По мнению ряда аналитиков, в борьбе против терроризма Европейский союз сохраняет чувство меры, защищая верховенство международного права над военной силой. В этой борьбе ЕС приходит-

ся действовать вместе с двумя государствами — Соединенными Штатами и Россией, которые расценивают друг друга как противников. Не учитывая этого фактора, невозможно понять российскую и американскую внешнюю политику. Применение силы и политическое оправдание этого являются сегодня двумя дестабилизирующими моментами в отношениях между Евросоюзом, Россией и США.

* * *

В отличие от Соединенных Штатов Европейский союз не может позволить себе игнорировать Москву. Именно поэтому он должен перестроить отношения с Россией, приняв к сведению произошедшие глубокие изменения. Как и Турция, Россия в большой степени определит дальнейшие перспективы общеевропейского строительства. Российская политика ЕС больше не может строиться в соответствии с логикой оказания помощи, которой долго придерживались европейские страны. Такая политика принесла плоды, но она малоприменима к стране, которая выходит на третье место в мире по валютным запасам. Связи между Евросоюзом и Россией больше не могут развиваться лишь в тесных рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, «энергетического диалога» или «четырех общих пространств».

Необходимо срочно увязать отношения с региональными (влияние на общих соседей), трансатлантическими (влияние на общеевропейскую безопасность, которая все еще зависит от степени и характера американского присутствия) и глобальными (влияние на связи с центральноазиатскими странами, Китаем, Индией и Ираном) вопросами. Очевидно, что для Европейского союза речь идет не о выборе между Россией и Соединенными Штатами, а лишь о том, чтобы эти две страны не делали выбора за него. Не впадая в упрощенное видение «кондоминиума» или «возвращения к холодной войне», ЕС должен попытаться адаптироваться к действиям мировых держав. Традиционная приверженность Европы к главенству международного права, безусловно, необходима, но уже недостаточна в отношениях с двумя крупнейшими державами. В то же время очевидно, что Евросоюзу нужно делать все возможное, чтобы и американцы, и русские прислушивались к его мнению. Ведь ему есть что сказать.

Как развязать гордиев узел между ЕС и Россией?

Кари Лиухто

ТОРГОВЛЯ И ТОВАРОПЕРЕВОЗКИ

За последние 10 лет внешнеторговый оборот России утроился. Даже если частично это объясняется подорожанием ресурсов, налицо и количественный рост перевозок. Особую важность приобретают в этой связи эффективность таможи и безопасность транспортных маршрутов. Поскольку более половины внешнего оборота России приходится на Европейский союз, возрастает нагрузка на наши общие границы.

У пропускных пунктов грузовики выстраиваются в многокилометровые очереди, требуются совместные усилия, чтобы сократить время ожидания хотя бы до четырех часов. Добиться этого поможет целый ряд технических решений. Так, на всех таможенных постах между ЕС и Россией можно использовать электронные декларации, причем эту систему следует ввести на всех российских границах, иначе пострадает конкурентоспособность компаний из Евросоюза. Широкое применение электронных деклараций избавит Россию от распространения поддельных накладных и позволит заработать миллиарды евро. Зарубежные компании сэкономят драгоценное время, а российский потребитель получит более дешевые импортные товары. Кроме того, число таможенных работников сократится, как минимум, на треть, что облегчит положение на рынке труда хотя бы в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Сегодня главный маршрут транспортировки российской нефти пролегает через Балтийское море. Объемы перевозок здесь уже превышают показатели по черноморскому направлению и нефтепрово-

Кари Лиухто — профессор, директор Панъевропейского института при Школе экономики Турку (Финляндия).

ду «Дружба». Ожидается, что по итогам 2007 года через порты Финского залива пройдет около 140 млн тонн нефти, а к середине будущего десятилетия цифра обещает вырасти до 250 миллионов. Резкое увеличение нефтепоставок с востока на запад, напряженное общение между Хельсинки и Таллином, долгая зима, покрывающая море толстым слоем льда, превратили Финский залив в потенциальный источник очередной нефтяной катастрофы, угрожающей береговой экологии Европейского союза и России. Системы слежения и информации помогают избежать столкновений, но этого недостаточно: однокорпусные танкеры представляют собой серьезную опасность в мелких и узких каналах неподалеку от Санкт-Петербурга.

Газопоставки также являются сегодня предметом жарких споров. И поскольку трубопровод *Nordstream* стал для ЕС яблоком раздора, я предлагаю проложить его так, чтобы газ попадал в Германию через страны Балтии и Польшу. Тем самым Россия проявила бы добрую волю, способствуя континентальной интеграции Европы. Даже если отношения Москвы с ее балтийскими соседями и Польшей далеки от идеала, эти страны являются членами Евросоюза и, следовательно, должны рассматриваться как надежные транзитные партнеры.

Наземный трубопровод — вариант менее уязвимый с технической и экологической точек зрения, к тому же менее дорогостоящий. Но если он повлечет за собой дополнительные затраты, то четыре транзитные страны будут обязаны их компенсировать. При этом они не имеют права повышать транзитные ставки, так как использование *Nordstream* не обязывает владельцев нести дополнительные административные расходы.

Даже если доля России во внешнем товарообороте Европейского союза не превышает 8 %, эта организация, тем не менее, зависит от российских энергоносителей. Российский импорт в ЕС на две трети состоит из минерального топлива, смазочных веществ и сопутствующих материалов. Более того, именно на Россию приходится 43 % газа и 33 % нефти, поступающих на европейский рынок.

От торговли с Россией и российского топлива больше всего зависят бывшие соцстраны, но в первую очередь — государства Балтии. Как ни парадоксально, существует прямая зависимость между степенью экономического влияния России и повышенной напряженностью в отношениях. Финляндия — исключение из общего правила: несмотря на болезненные моменты нашей общей истории,

она ведет с Россией самый интенсивный товарообмен на душу населения среди стран – членов Евросоюза и поддерживает с ней добрососедские отношения (см. таблицу).

Экономические отношения ЕС – Россия, 2006 г.

	Доля России, %		Товарообмен с Россией на душу населения, €	Доля России, %	
	Экспорт	Импорт		Импорт нефти, 2005 г.	Импорт природного газа, 2005 г.
Австрия	2	2	568	28	70
Бельгия	1	2	715	42	5
Болгария	2	3	76	89	100
Великобритания	1	2	183	10	н/д
Венгрия	3	8	668	99	73
Германия	3	4	633	34	42
Греция	2	7	350	32	84
Дания	2	1	387	0	н/д
Ирландия	0	0	84	н/д	н/д
Испания	1	3	200	14	н/д
Италия	2	4	361	21	32
Латвия	11	8	564	н/д	100
Литва	13	24	1 526	100	100
Люксембург	1	1	524	н/д	н/д
Мальта	0	0	10	н/д	н/д
Нидерланды	1	5	1 381	27	0
Польша	4	10	352	98	66
Португалия	0	1	72	0	н/д
Румыния	1	8	163	56	100
Словакия	2	11	849	100	100
Словения	4	2	572	0	60
Финляндия	10	14	2 638	81	100
Франция	1	2	225	11	20
Чехия	2	6	559	71	76
Швеция	2	4	634	36	н/д
Эстония	8	13	1 481	н/д	100

Н/д – нет данных.

Составлено на основе данных *Eurostat 2007*.

Опыт Финляндии показывает: можно абстрагироваться от тяжелых воспоминаний, не пытаться демонстрировать расхождения позиций и принципов, а искать пути конструктивного развития. Европейский союз и Россия достаточно несхожи, чтобы учиться друг у друга, но у них есть и немало общего, чтобы работать вместе. Возможно, некоторым из стран — членов ЕС было бы полезно перенять прагматичный подход Финляндии к отношениям с Россией. Но как бы ни были крепки двусторонние связи Хельсинки и Москвы, они не должны становиться на пути единой политики Евросоюза в отношении Российской Федерации.

ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

В ходе недавнего саммита Европейский союз — Россия в Португалии президент РФ Владимир Путин заявил, что российские инвестиции в Европейский союз составляют менее 3 млрд евро. Названная цифра внушает сомнения, если учесть, что, по данным ООН, общий объем прямых зарубежных инвестиций России перевалил к концу 2006-го за 100 млрд евро. К тому же результаты наших исследований показывают, что Евросоюз — одно из основных направлений российских прямых капиталовложений за рубежом.

Рассматриваемый вопрос затрагивает не столько статистику, сколько политику: Россия намекает, что Европейский союз ограничивает ее инвестиции на едином рынке. Это не соответствует действительности — по крайней мере, пока. Двери ЕС открыты для всех частных компаний, если они играют по правилам, не стремятся к монополии и не являются инструментом чьей-то внешней политики.

Евросоюз вряд ли прибегнет к протекционизму, чтобы помешать экспансии «Газпрома» на едином рынке. Гораздо большую тревогу вызывает то, что Россия вводит всё более строгие ограничения для иностранных инвестиций. И дело не только в готовящихся законе о стратегических секторах экономики или законе о недрах. Куда серьезнее политика в отношении «национальных чемпионов», лишь усугубляющая непредсказуемость инвестиционной ситуации. Зарубежные инвесторы теряются в догадках, в каком секторе правительство задумает создать новых «чемпионов». И не стоит рассчитывать, что государственная поддержка будет исключительно финансовой. Непрозрачная политика в отношении «чемпионов» наносит колоссальный вред инвестициям, даже по сравнению со всеми теми ограничениями, которые вводятся против иностранных фирм.

Евросоюз и Россия должны приложить все усилия, чтобы инвестиционная ситуация оставалась максимально демократичной и, что еще важнее, предсказуемой, поскольку именно предсказуемость — один из ключевых стимулов для притока финансов, как внутренних, так и внешних. Также хотелось бы подчеркнуть важность соревновательно-го подхода к привлечению иностранных вложений и модернизации экономических структур. Но усиление конкурентоспособности невозможно без активного соперничества. А политика создания «национальных чемпионов» с последующей олигополизацией рынка и вытеснением иностранных конкурентов этому отнюдь не способствует.

Обычно принцип взаимности достаточно эффективен в политике независимо от размеров и потенциала сторон, но сегодня этот принцип становится контрпродуктивным в том смысле, что Европейский союз и Россия стоят на пороге эры взаимных же ограничений. Москва собирается ограничить деятельность иностранных игроков в околооборонных отраслях, а затем, возможно, и в ряде секторов добывающей промышленности. В ответ Брюссель планирует сократить присутствие зарубежных государственных компаний на энергетическом рынке, дабы избежать сосредоточения в одних руках производства и распределения энергии.

Чтобы разорвать порочный круг ограничений, необходимо создать независимую экспертную группу, вменив ей в обязанность изыскать новые возможности для создания демократичной и предсказуемой инвестиционной обстановки. В такую группу могли бы войти участники «Круглого стола промышленников России и ЕС», ведущие политики и исследователи, раз в два года представляющие непредвзятый отчет об инвестиционном климате на пространстве Евросоюз — Россия, а также об основных препятствиях на пути его дальнейшего улучшения.

Наконец, следует помнить, что иностранные инвестиции — не просто самый дешевый способ обзавестись капиталом, овладеть новыми технологиями и освоить передовой опыт управления. Присутствие на рынке зарубежных компаний полезно еще и тем, что деловые контакты перебрасывают дополнительные «мостики» и способствуют континентальной интеграции Европы. В период политических разногласий новые участники диалога удерживают его в конструктивном русле. Возможно, кому-то и выгодны наши размолвки, но я уверен, что лишь маргинальные группировки выиграют от инвестиционной и торговой войны между Европейским союзом и Россией.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ГРАЖДАН

Излишние формальности, затрудняющие свободное передвижение, должны быть выявлены и устранены. Проблему российских граждан, живущих в Калининграде, можно попробовать решить, к примеру, посредством установления безвизовой зоны между ЕС и Калининградской областью сроком на 10 лет. Если этот вариант окажется приемлемым для обеих сторон, то по истечении испытательного срока безвизовый режим можно будет продлить до бесконечности, а со временем, видимо, распространить и на всю Россию.

Нельзя забывать и о сплачивающей силе неформального общения. К сожалению, развитие у нас контактов на уровне обычных граждан оставляет желать много лучшего. По данным брюссельского Центра «Евросоюз – Россия», лишь 18 % россиян хотя бы раз в жизни выезжали за пределы СНГ. По всей вероятности, процент граждан Европейского союза, побывавших в России, еще ниже.

Говоря о свободе передвижения, не будем забывать о том, что уже в недалеком будущем ЕС столкнется с нехваткой рабочей силы, если только страны-члены не смягчат свою иммиграционную политику. Россияне же скорее приспособятся к жизни в Евросоюзе, чем иммигранты, приезжающие туда из отдаленных уголков мира. В Европейском союзе уже проживает несколько миллионов россиян. Русские диаспоры особенно многочисленны в Германии, Испании, Великобритании и странах Балтии. Нам непросто понять заявления, в которых поднимается вопрос о дискриминации русского меньшинства в прибалтийских государствах, но столь серьезные обвинения невозможно игнорировать. Необходимо, чтобы независимая группа специалистов, представляющих заинтересованные стороны и третьи страны, тщательно проанализировала и объективно прояснила ситуацию.

Чтобы выявить болевые точки наших взаимоотношений, настоятельно требуются совместные исследования. Я поддерживаю идею создания и финансирования Россией организации по защите прав этнических меньшинств, иммигрантов и прессы в ЕС при условии, что исследования будут проводиться на совместной основе. Со своей стороны Евросоюз должен создать и финансировать подобные центры на территории России. Независимые группы ученых смогут найти новые пути к улучшению сложившихся взаимоотношений.

На данный момент отношения серьезно осложнены по ряду принципиальных причин. Чтобы развязать этот gordiev узел, сторо-

нам следует сконцентрироваться на сотрудничестве, в расчете на то, что оно принесет ощутимые результаты в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Я не склонен преуменьшать значение глобальных замыслов, но, если сегодня скачок невозможен, нужно продвигаться вперед пошагово, поскольку малые победы готовят почву для больших достижений. Вместо того чтобы строить стратегическое партнерство лишь на словах, Европейский союз и Россия стоят перед необходимостью заняться составлением списка оперативных задач, ориентированных на середину будущего десятилетия. Сделав это, мы развяжем gordiev узел, не прибегая к тому способу, которым воспользовался Александр Македонский.

Московская школа политических исследований

Sapere aude!

Имей мужество мыслить!

Вам помогут Наши книги в сериях

- **Библиотека Московской школы политических исследований**
- **Культура. Политика. Философия**
- **Своевременная мысль**

Наш журнал

Общая тетрадь

Вестник Московской школы политических исследований

Наши координаты:

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21, 22
тел./факс: (495)202-85-01, 299-99-04

Получить информацию о книгах вы можете на сайте www.msps.ru

Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно

Филип Хэнсон

Отношения между Россией и Европейским союзом можно характеризовать в терминах энергетической взаимозависимости. Поэтому неудивительно, что энергетическая безопасность является предметом общей озабоченности. Европейские лидеры боятся попасть в зависимость от одного поставщика, а их российские коллеги не хотят полагаться лишь на один рынок. Вероятно, каждая из сторон постарается избежать такой ситуации, однако практические проблемы производства и поставок энергии легче решать совместными усилиями.

Европейцам нужны нефть и газ, россиянам — деньги. ЕС, объединяющий 27 стран, получает из России четвертую часть необходимых энергоносителей, а больше половины совокупных российских поставок нефти и около четверти газа идут в Европу (хотя экспорт газа приходится частично компенсировать импортом из Центральной Азии). В последнее время доходы федерального бюджета России почти на 50 % складываются из налогов нефтегазовой сферы (налог на добычу сырья, налог на прибыль, экспортные пошлины). Конечно, далеко не все они связаны с импортом в Европу, но данное направление наиболее прибыльно: цены и экспортные пошлины здесь намного выше, чем внутри России и СНГ.

В первую очередь стороны озабочены газовым вопросом, но и проблема электроснабжения вызывает определенное беспокойство.

Филип Хэнсон — почетный профессор политэкономии России и Восточной Европы Бирмингемского университета, научный сотрудник Королевского института международных отношений (Чэтэм-хаус) по российским и евразийским программам.

В 2006 году сырая нефть и нефтепродукты принесли России в три с половиной раза больше денег, чем экспорт газа; нефтепродукты доминируют и в энергетическом балансе Евросоюза. Но нефтяной рынок — система сравнительно открытая и гибкая. Проблемы с газопоставками возникают главным образом по той причине, что там требуются долгосрочные двусторонние соглашения. Готов ли покупатель заключить крупный и долгосрочный контракт на условиях «бери или плати», чтобы оправдать вложения в добычу и транспортировку? Не захочет ли поставщик «перекрыть кран», чтобы добиться от покупателя политических уступок?

Электроэнергию Россия пока экспортирует в очень небольших объемах. Газ же — сравнительно чистое и привлекательное энергетическое топливо. Тем не менее «Газпром» уже давно интересуется инвестициями не только в газо-, но и в электрораспределяющие предприятия Европы. Отсюда и вопросы, связанные с участием России в процессах производства и распределения электроэнергии в этом регионе.

Практические проблемы в данной сфере иллюстрируют два недавних события.

Первое — обнародование в декабре 2006-го Концепции энергетической стратегии России на период до 2030 года (далее — ЭС-2030), которая обретет окончательную форму в следующем 2008-м году, когда придет на смену нынешней, рассчитанной до 2020-го. Документ фиксирует серьезную проблему: в условиях роста спроса и на внутреннем, и на европейском рынках объемы производства газа в России могут оказаться недостаточными.

Второе — предложение комиссара ЕС по вопросам конкуренции Нели Крус о либерализации энергетических рынков в странах Европейского союза. Компаниям предстоит расчленение. Производство должно быть отделено от распределения. При этом предполагается не ограничиваться территорией Евросоюза. Абсурдно притеснять собственные компании, позволяя их неразделенным зарубежным конкурентам приобретать распределительные сети внутри ЕС. И конечно, чаще всего в этой связи упоминается «Газпром».

Авторы этих двух документов не ставили себе целью в первую очередь проанализировать вопрос сотрудничества Европейского союза и России, однако они предлагают нам некую программу действий.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОПОСТАВОК

Европейцам, озабоченным стабильностью российских газопоставок, следует учесть: согласно упомянутой Концепции, разработанной Институтом энергетической стратегии при Минпромэнерго, главная проблема — не готовность, а способность России отвечать на растущие запросы Евросоюза.

Опасения в связи с тем, что Москва попытается использовать газ как инструмент политического давления, сильно преувеличены. Чтобы Кремль «перекрыл кран» Германии, Франции, Австрии или Италии, ситуация должна балансировать едва ли не на грани войны. Это крайне маловероятно. Но даже столь чудовищное обострение ситуации не возникнет внезапно и на пустом месте: у объекта шантажа всегда будет время принять меры. Если же политических катаклизмов не случится, Москва слишком заинтересована в доходах, чтобы решиться на крайние меры. «Газовая паника», охватившая Европу в январе 2006 года, явилась реакцией на косвенный ущерб от российско-украинского конфликта, хотя бы отчасти имевшего коммерческий характер. И его можно было бы избежать, сумей Москва взять ситуацию под контроль. Во всяком случае это был скорее непредвиденный поворот событий.

Большую тревогу вызывает то, что Россия, возможно, окажется не в состоянии существенно увеличить газопоставки в Европу. Об этом недвусмысленно говорится в ЭС-2030. По мнению авторов, в ближайшем будущем производство энергоресурсов как в России, так и в мире «стабилизируется», иными словами, подойдет к порогу стагнации. Отчасти поэтому возможность значительного и долгосрочного падения цен на нефть даже не обсуждается.

Концепция предусматривает два сценария: умеренный и оптимистический. Последний, собственно, и положен в основу новой энергетической политики. Согласно обоим сценариям, России не грозит сокращение производства нефти и газа. Многие аналитики сочли бы эту позицию излишне самоуверенной, но мы не будем на этом останавливаться. Для европейцев самый тревожный момент состоит в том, что даже в соответствии с оптимистическим сценарием объемы производства и экспорта российского газа будут прирастать очень медленно.

Похоже, предусматривается сокращение совокупного экспорта в страны СНГ, Турцию и Европу. К тому же к 2030 году общий объем газопоставок, не связанных с Азиатско-Тихоокеанским регионом, будет, вероятно, включать в себя и сжиженный природный

газ со Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море: к этому времени оно, возможно, вступит в строй.

**Перспективы развития российской газовой отрасли до 2030 г.
(ЭС-2030, оптимистический сценарий),
млрд куб. м в год и % годового прироста**

	2005 г.	2030 г.	% г. п.
Добыча	638	800	0,9
Экспорт	207	275	1,1
Экспорт в Азиатско-Тихоокеанский регион	78		

Данные: Минпромэнерго, ЭС-2030 (2007); Восточная газовая программа (2007)

Итак, перед Европой (включая Турцию) вырисовываются не самые радужные перспективы. Даже если в связи с ростом цен экспорт в страны СНГ еще сократится, Европа может в лучшем случае рассчитывать на нынешний уровень поставок. Но суммарное потребление газа в Европейском союзе увеличивается: процент годового прироста за 2000–2006 годы равен 1,7. Что еще тревожнее, так как и без того скромные показатели экспорта отчасти объясняются тем, что России успешно удалось заменить газ углем и ядерной энергией. Этот план требует весьма значительного увеличения потенциала ядерной энергетики. Программа строительства АЭС выглядит реалистичной, но вряд ли она осуществима в поставленные сроки.

Не будем забывать, однако, что речь идет об оптимистическом сценарии, предполагающем способность России радикально улучшить инвестиционный климат в энергетическом секторе и обеспечить стабильную оптимизацию энергопотребления. В противном случае перспективы Европы выглядят куда печальнее.

В Концепции энергетической стратегии подробно очерчены проблемы, препятствующие увеличению производства углеводородов и более экономному энергопотреблению в России. Авторы отмечают также, что в ближайшем будущем следует внести ясность в законодательство о государственном вмешательстве в сферу энергетики, что налоги в нефтяной индустрии, скорее всего, завышены. Говорится о необходимости срочно принять решение относительно будущих внутренних цен на газ и электроэнергию, четче определить правила взаимодействия с иностранными энергетическими компаниями. Эти и другие меры призваны усилить приток инвестиций в сферу производства энергоресурсов и электроснабжения.

За первые пять лет применения ныне действующей ЭС-2020 инвестиции в энергетический сектор резко сократились.

**Фиксированные капиталовложения в энергетический сектор
в 2000–2005 гг., % к «требованиям» ЭС-2020**

Нефть	85,1
Газ	49,5
Энергоснабжение	54,1

Данные: Минпромэнерго, ЭС-2030, с. 18

Более того, в ЭС-2030 годовые объемы инвестиций по отраслям энергетического сектора выражены в текущих ценах за 2002–2005 годы. Если привести их, согласно индексу постоянных цен производства Росстата, реальные тенденции выглядят еще более тревожно. С 2002 по 2003 год фиксированные инвестиции в нефтедобычу выросли на 23 %, однако затем последовал спад, и показатель 2005-го составил 78 % от уровня 2002 года. Реальный объем инвестиций в газовую сферу в 2003-м вырос на 13 %, в 2004 году еще несколько увеличился, а в 2005-м резко сократился до 45 % от показателя 2002 года.

Вероятные причины спада широко обсуждались: это и «дело ЮКОСа», и последующее решение «Газпрома» и «Роснефти» переключить капиталы с создания новых активов на приобретение уже существующих. Но нельзя забывать про ценовую и налоговую политику. До тех пор пока цены на газ и электроэнергию для российских потребителей (как частных, так и промышленных) будут поддерживаться на уровне, не покрывающем долговременных маргинальных затрат, у производителей не будет ни средств, ни стимулов для инвестиций в основной бизнес. «Газпром» хорошо зарабатывает на экспорте и не боится кредитов, однако в России его часто критикуют за крупные вложения в сферы, не связанные с газодобычей.

К тому же сегодня у потребителя гораздо меньше стимулов экономить электроэнергию, поскольку цены не отражают реальной нехватки ресурсов. По оценкам авторов ЭС-2030, недавнее сокращение энергоемкости на 75–80 % — результат структурных изменений в экономике, то есть перехода от производства к предоставлению услуг и переориентации индустрии на потребительские товары. Эта тенденция не вечна, и в скором времени она будет ослабевать.

Как нынешнее положение дел, так и перспективы, намеченные в Концепции энергетической стратегии, вызывают беспокойство у европейских потребителей. Что же предстоит сделать для дальнейшего сотрудничества?

Прежде всего необходимо прояснить прогнозы ЭС-2030 относительно энергопоставок на Запад. Возможно, предложенная здесь интерпретация данных ЭС-2030 создает неверное представление о будущем объеме поставок в Европу российских ресурсов, и особенно газа. Лучшее всего было бы поручить это российским специалистам, работающим в тесном контакте с западными коллегами как из международных энергетических компаний, так и из независимых экспертных центров.

Если и после этого у Европы останутся основания для беспокойства, следует провести дополнительные консультации с западными компаниями и аналитиками по вопросу об организационных барьерах, препятствующих нормальному притоку инвестиций в энергетику. Необходимо (и чем раньше, тем лучше) уточнить правила поведения иностранных энергокомпаний в России. Западный капитал и западные технологии, безусловно, окажут содействие российской энергетике, однако на каких условиях эта помощь будет предоставляться? Весной 2005 года президент РФ Владимир Путин попытался оперативно прояснить вопрос, поручив министерствам подготовить законодательную базу в сфере стратегических отраслей производства и стратегических ресурсов. Однако результаты ожидаются не ранее 2008-го — и это в лучшем случае.

Я не призываю остановить ренационализацию российской нефтяной отрасли и полностью открыть двери для западных инвесторов, хотя все это, на мой взгляд, весьма желательно. Предлагаю лишь активизировать процесс консультаций и внести большую ясность в правила игры.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ЕВРОПЫ

Упомянутый план главы антимонопольного ведомства ЕС по развитию конкуренции на энергетическом рынке многие в России восприняли как начало европейской кампании против «Газпрома». Предложения Нели Крус отчасти строятся на принципе взаимодействия. Так, рекомендовано не допускать к управлению распределительными сетями в Евросоюзе компании «извне», если соответствующие страны отказывают в подобном праве европейским компаниям. Это действи-

тельно отчасти нарушает планы «Газпрома», но и в данной ситуации будут полезны более активные консультации и разъяснения.

Либерализация рынков газа и электроэнергии в Европейском союзе отнюдь не задумывалась как удар по российским интересам. В центре внимания были вовсе не они, а попытка распространить на ЕС опыт либерализации энергетического рынка, успешно прошедшей в Великобритании и еще ряде стран. Вертикально интегрированные энергетические гиганты типа *E.ON Ruhrgas*, *Gaz de France*, *Eni* извлекают неплохую прибыль из распространения своей продукции. Если новые игроки получают доступ на рынок распределения, разрыв между оптовой и розничной ценой на энергоресурсы сократится. Так, в Германии сегодня этот разрыв гораздо больше, чем в Великобритании. Лоббисты энергоемких отраслей, естественно, сочувствуют грядущим переменам, да и для бытовых потребителей выгода очевидна. Настоящая борьба развернулась между сторонниками реформ, такими, как Крус и энергопотребители, с одной стороны, и вертикально интегрированными монополистами (олигополистами) и их политическими союзниками — с другой.

Не являясь европейской компанией, «Газпром» примкнул ко второму лагерю. Благодаря долгому и тесному сотрудничеству, «Газпром» и «национальные чемпионы» Германии, Франции, Италии и Австрии имеют общие предприятия и другие активы. Возможны два варианта: либо реформаторы терпят крах и сотрудничество продолжается в том же ключе, либо они торжествуют, и тогда возникает целый ряд вопросов. К примеру, сможет ли «Газпром» оставить за собой в достаточном количестве миноритарные акции европейских энергораспределительных компаний?

* * *

Чтобы дать ответы на вопросы, затронутые в данной статье, потребуется тщательный и профессиональный анализ. Этому может быть посвящена одна из консультаций, предшествующих регулярным саммитам ЕС — Россия. Проблема в отношениях состоит, в частности, в том, что московские политики уверены: благодаря своим размерам, ресурсам, истории и географическому положению Россия заслужила не только статус соседа или потенциального члена Евросоюза, но и право давать ему советы. Когда деловое сотрудничество настолько связано с энергетикой, стратегические консультации следует проводить именно в данной сфере. Это касается стратегии обеих сторон.

Управление рентой как основа стабильности

Клиффорд Гэдди

Непосредственные ставки США в российской экономике невелики. Как рынок сбыта наших товаров или как место, выгодное с точки зрения размещения производства, Россия — страна для американского бизнеса периферийная. Конечно, есть некоторые исключения. Например, Россия остается крупнейшим за пределами самих Соединенных Штатов рынком для американской курятины (четверть всего экспорта).

По-настоящему важной частью российской экономики, которая имеет значение для внешнего мира, является нефтегазовая отрасль. За исключением нефти, газа и ряда других сырьевых товаров большая часть российской продукции неконкурентоспособна на мировом рынке.

На долю России приходится менее полупроцента американского экспорта (меньше чем на долю Доминиканской Республики). В течение большей части полутора десятилетий, прошедших после распада СССР, прямые американские инвестиции в Россию составляли менее 0,1 % от всех прямых капиталовложений за рубежом. (Цифра, сравнимая с показателями в таких странах, как Доминиканская Республика и, скажем, Коста-Рика.) Однако в последнее время положение изменилось.

ПЕРЕМЕНА ФИНАНСОВОЙ СУДЬБЫ

В сфере государственных финансов мы стали свидетелями одной из самых драматических ситуаций в недавней экономической — и гео-

Клиффорд Гэдди — старший научный сотрудник Института Брукингса, автор ряда исследований о политической экономии российской нефтегазовой отрасли и долгосрочных перспективах экономического роста страны. В числе ранее изданных книг — *Russia's Virtual Economy* («Виртуальная экономика России») и *The Siberian Curse* («Сибирское проклятье»).

политической — истории. В 1998 году Россия настолько обнищала и столь плохо управлялась в финансовом плане, что, по сути, являлась банкротом. Отказ в получении финансовой помощи на сумму порядка 15 млрд долларов мог бы привести к падению правительства.

Когда в августе 1999-го Владимир Путин занял пост премьер-министра, валютные резервы составляли 8 млрд долларов, а к октябрю сократились до 6,6 млрд долларов. Россия практически перешла в режим конкурсного управления.

В августе 2007 года валютные резервы страны значительно превышали 400 млрд долларов, а еще 130 млрд долларов находились в Стабилизационном фонде. (Для сравнения: суммарные кредитные средства Международного валютного фонда — менее 250 млрд долларов.) Российское правительство продолжает пополнять валютный резерв и Стабилизационный фонд на сумму 170 млрд долларов в год.

Таким образом, Москва далеко ушла от тех дней, когда она в высшей степени зависела от финансовой щедрости Запада. Как одна из стран с крупнейшим профицитом платежного баланса в мире, Россия в значительной степени софинансирует дефицит платежного баланса США.

ДВА СТОЛПА

Российская экономика опирается на два столпа — нефть и газ. Именно в период восьмилетнего пребывания Владимира Путина на посту президента цены на эти товары взлетели вверх. Приток богатства от продажи нефти и газа ошеломляет.

Рассмотрим доход от одного-единственного компонента — экспорта сырой нефти. Примерно девять лет назад, 11 февраля 1999-го, нефть *Urals* стоила меньше 9 долларов за баррель. Россия добывала лишь 6 млн баррелей в день. Сегодня цена перевалила 90 долларов за баррель, а Россия добывает ежедневно около 10 млн баррелей. Практически весь прирост добычи отправляется на мировые рынки. За первый квартал 1999 года поступления от экспорта сырой нефти составили менее 2 млрд долларов. Сейчас Россия зарабатывает столько же на экспорте сырой нефти меньше чем за неделю.

Столпы служат опорой для платформы, на которой строится бизнес в сфере розничной и оптовой торговли, потребительских товаров, строительства, недвижимости. Это — «вненефтяная экономика», которая растет как доля общей экономики. Значит, нефть уже

менее важна? Как раз наоборот. Нефть становится более важной, потому что все больше предприятий и рабочих мест зависят от нефтяных и газовых доходов.

КАК РАБОТАЕТ СИСТЕМА:

НАЛОГИ ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ

Поскольку нефтяной бум почти точь-в-точь совпал с президентством Владимира Путина, велик соблазн приписать весь его экономический успех росту цен на нефть. Но это не вполне правильно. Действительно, на Путина свалилось неожиданное богатство, однако его величайшее достижение заключается в том, что огромную часть прибылей аккумулировало центральное правительство. Благодаря своевременному и всестороннему ремонту неблагополучной налоговой системы, президент Путин добился того, что федеральное правительство получило средства, необходимые для осуществления заявленной цели построения «сильного государства».

Экономику поддерживают не только сырая нефть и не только деньги, заработанные от продажи ее за рубеж, но и общая нефтегазовая рента. Рента, популярное название которой «сверхприбыль» или «незапланированная прибыль», представляет собой совокупную рыночную стоимость этих товаров (либо экспортируемых, либо так или иначе проданных по рыночной цене) минус нормальные затраты на добычу, включая нормальный ожидаемый уровень прибыли. Важнейшая вещь, которую следует знать о российской экономике, — это как суммарная рента распределяется либо делится между разными секторами.

Теоретически предполагается, что нефтегазовую сверхприбыль должен поглощать Стабилизационный фонд. На самом же деле из-за того, что фонд базируется только на доходах от экспорта нефти (в то время как нефтегазовая рента России гораздо выше, чем лишь приток средств от экспорта нефти), Стабилизационный фонд в 2006 году поглотил всего около 14 % от суммарной ренты.

Остальное распределяется между другими претендентами. Частные владельцы сырьевых компаний оставляют себе солидную долю в виде прибыли. Кое-что из оставшегося государство собирает в форме налогов — помимо тех, которые поступают прямо в Стабилизационный фонд. Но важная часть ренты распределяется через механизм «неформальных налогов». Они включают ценовые дотации (на природный газ, нефть по дотированным ценам практически не прода-

ется), взятки, откаты и «добровольные пожертвования» властям, особенно на местах.

Однако самый важный вид неформального налога — это избыточные расходы на добычу. Нефтяные и газовые компании заказывают оборудование и другую потребляемую продукцию у местных производителей, даже если их товары неконкурентоспособны. Такие заказы поддерживают существование местных предприятий, что означает рабочие места, доходы и налоговые поступления в местные бюджеты. Другими словами, размещая заказы, сырьевые компании делятся частью ренты на местном уровне.

Понятно, почему получатели распределяемой ренты считают такую систему привлекательной. Но отчего готовы делиться рентой ее изначальные владельцы? Они вынуждены это делать. «Неформальные» налоги не установлены законами, но на практике они не менее обязательны. Один российский ученый, описывая так называемые добровольные пожертвования бизнеса в «инфраструктурные фонды», «социальные фонды», курируемые местными властями, использовал термин «добровольно-принудительные». То же относится и к чрезмерным расходам. Все они принудительны в том смысле, что владелец подвергает себя риску, если отказывается их оплачивать.

Еще одно название для происходящего — «крышевание» или «покровительство», то есть вымогательство под предлогом защиты. Угроза при этом, как правило, исходит от самого защитника. Раздел ренты на местах — один из способов уплаты откупных денег.

Существует и общенациональный вариант «крыши», предназначенный в основном для самых крупных компаний. На этом уровне «дань» может уплачиваться иначе. Например, ожидается, что в своей деятельности за рубежом компании будут следовать определенной политике, которая содействует геополитическим интересам Российского государства, даже если со строго коммерческой точки зрения она не имеет смысла.

В любом случае, на местном или национальном уровне, принцип один и тот же: если вовремя не внести откуп, то при возникновении угрозы можно остаться без друзей.

Очень важно учитывать существование неформального раздела ренты. Это та часть айсберга, которая находится под водой, и именно она может привести к кораблекрушению. Одной из жертв такой скрытой части айсберга стал ЮКОС. Михаил Ходорковский просчитался. Он отказался выплачивать дополнительные расходы и по-

пытался минимизировать затраты (увеличить прибыль) в системе, которая требовала максимизации затрат.

ПУТИН КАК УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕНТОЙ

При любой форме «покровительства» тот, кто вам угрожает, и тот, кто предлагает защиту, — одно и то же лицо. Искусственно создаваемая угроза в России — потеря прав собственности. Кто же в таком случае является защитником? Кто в России имеет возможность убедительно угрожать правам собственности даже самых крупных российских компаний? Это президент Путин. Он является главным защитником и надзирателем системы «покровительства». Шире: он надзирает за всей системой раздела ренты.

Нефтегазовая рента дала Владимиру Путину власть для достижения его главной цели — усиления государства и поддержания социальной стабильности. Однако рентой надо управлять, для чего требовалось мастерство. В роли управляющего рентой Путин сделал три вещи, и сделал их с точки зрения собственных целей очень хорошо.

Во-первых, он наладил управление сбором ренты.

Во-вторых, определил приоритеты использования ренты.

В-третьих, взял под контроль реальный процесс раздела ренты.

Итак, **первое**. Путин унаследовал обширную и неповоротливую систему неформального раздела ренты, которую мы с моим коллегой Барри Иккэзом описывали как «виртуальную экономику России». Рента распределялась неформально и в основном на местном уровне. Путин продолжил и развил реформы, начатые уже в конце эры Бориса Ельцина. Хотя большая часть неформального раздела ренты продолжалась, основным приоритетом Путина стала ее формализация и централизация. Он собирал ренту в пользу центра путем формальных налогов.

Второе. Путин установил четкие приоритеты для использования формальной ренты. Одним из них стало восстановление суверенитета России. Меры Путина по созданию макроэкономической и финансовой стабильности были образцовыми. Его главной целью стало избавление от иностранного государственного долга. Он выплатил весь оставшийся долг России МВФ к январю 2005-го — на три с половиной года раньше графика. К августу 2006 года Парижскому клубу было возвращено около 23 млрд долларов.

Третье. Разделу ренты всегда свойственна напряженность. Если не держать этот процесс под контролем, он способен разорвать

страну на части. Путин сохранил схему «покровительства», которым занимались региональные чиновники и элиты. Однако установил за ним надзор из центра. Он построил модель, в которой губернаторы видят свою первоочередную задачу в централизованном сборе ренты. Это стало причиной реформирования политической системы и введения института прямого назначения губернаторов. Путину нужно было, чтобы губернаторы служили «региональными управляющими рентой» в рамках национальной структуры «Россия Инкорпорейтед».

Путинская модель управления «Россией Инкорпорейтед» базируется на его изучении концепции «стратегического планирования», которой он интересовался еще в период службы в КГБ. Именно этой теме посвящена его кандидатская диссертация по экономике (1997).

В собственной схеме Путин играет роль генерального директора «России Инкорпорейтед». Он управляет этой «организацией» на стратегическом уровне. Остальные — «управляющие подразделениями» (либо олигархи, либо губернаторы), выполняющие стратегические указания в строго определенных границах.

Модель управления рентой помогает понять, почему дискуссии о государственной и частной собственности в сегодняшней России могут сбить с толку. Ренационализация не обязательно является целью Путина. В его схеме важно не то, кто формально (в правовом смысле) владеет компанией. Права на собственность в путинской модели всегда условны, скорее принципиально то, кто и с какой целью контролирует потоки ренты.

Контроль над ними необходимо обеспечить игрокам лояльным Кремлю, вне зависимости от того, частной или государственной является данная компания. Частная форма собственности не обязательно служит препятствием к выполнению компанией функции в системе раздела ренты. И наоборот, государственная собственность сама по себе не гарантирует правильного распределения ренты. В ключевых государственных компаниях ключевые посты должны занимать лояльные лица.

БИЗНЕС В РОССИИ: ЗНАТЬ ПРАВИЛА

Описанная система создает специфический бизнес-климат, который осложняет существование любой компании, но особенно иностранной.

Бизнес всегда стремится максимизировать прибыль и минимизировать риски. Прибыль в России высока, и нет основания предполагать, что она снизится. Однако и риски не менее высоки.

Как и в любой стране, в России существует два вида рисков для бизнеса. Один — это конкурентный риск, то есть риск, например, неверной оценки вкусов клиентов и собственной конкурентоспособности. Следовательно, он зависит от качеств самой компании и ее соперников.

Второй вид риска, который обычно называют политическим, относится к институциональным факторам или факторам окружающей среды, влияющим на гарантии прав собственности инвестора. Инвестор спрашивает: гарантируется ли сохранность денег, которые я вкладываю, и доходов, которые получаю, от присвоения другими сторонами — преступниками либо государством?

Из предыдущего описания неформальных налогов вытекает первая отличительная черта политического риска в России. В любой стране неуплата формальных налогов ведет к санкциям против компании, включая возможную потерю собственности. В России столь же рискованно не платить неформальные налоги. Сложно точно выяснить, чего от тебя ждут. В отличие от формальных налогов, неформальные не предписаны законом и не описаны в подробностях. Неформальные налоги (а тем самым и права собственности, которые зависят от их уплаты) определяются суждениями отдельных политических чиновников.

Соответственно успех на российском рынке зависит не только от величины и качества физического капитала вашей компании (машины и оборудование), от способностей работников и управленческого персонала, но еще и от связей с нужными людьми — того, что можно назвать «отношенческим» капиталом.

Капиталом эти связи называются потому, что их можно накапливать. В них можно инвестировать. Это, правда, отвлекает дефицитное время, усилия и деньги от вложений в другие факторы производства. Что касается американских компаний, то российская специфика может вынудить их нарушать собственные законы, например Закон о взятках за рубежом (*Foreign Corrupt Practices Act*). Хотя это и не обязательно: многие, если не большая часть таких действий не подпадают под положения *FCPA*.

Но если вы не инвестируете в «отношенческий» капитал, то теряете конкурентные преимущества.

СНИЖЕНИЕ ЗАТРАТ НА БИЗНЕС

В учебнике не прочтешь о правилах игры в России (наличие неформальных налогов и необходимость накопления «отношенческого» капитала и пр.), но они познаваемы, а затраты на них вычисляемы. Предпринимателю же, чтобы принять решение, больше ничего и не нужно. Бизнес может и должен принимать такие решения самостоятельно.

Необходимость платить неформальные налоги и инвестировать в «отношенческий» капитал обременяет компанию дополнительными расходами. Однако является ли это барьером для справедливой конкуренции?

Действительно, кажется, что участнику со стороны труднее получить адекватную информацию о правилах игры, чем россиянину. Но это преодолимо. Одним из распространенных способов является партнерство с российской компанией, у которой уже есть нужные контакты, которая знает правила и умеет по ним играть. (Вы приобретаете некоторый «отношенческий» капитал.)

Способен ли внешний мир повлиять на эту систему с целью снижения расходов на бизнес? Волшебных рецептов нет. Может показаться, что перед нами очевидный случай чрезмерной коррупции, однако российская ситуация не так проста, а крестовый поход против коррупции может оказаться не столь желательным, как кажется.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ

Говоря о системе, которая допускает взятки, откаты, полюбовные сделки и рэкёт, я намеренно избегал употребления термина «коррупция». Он может сбить с толку. Мы все против коррупции. Но коррупция служит какой-то цели. Нам нужно понять, в чем состоит эта цель в России. Понятие раздела ренты дает нужный контекст.

Коррупция в России вездесуща. Иногда «покровительство» служит для личного обогащения, иногда является частью системы раздела ренты во имя социальной стабильности (создание рабочих мест и доходы) или государственных интересов. С точки зрения управляющего системой раздела ренты и всех, кто получает выгоду от этой системы, коррупция бывает «хорошая» и «плохая».

Хорошая коррупция «подмазывает шестеренки», обеспечивает функционирование механизма и расширяет поддержку системы. Работа управляющего (президента Путина) заключается в том, чтобы ограничить плохую коррупцию, поощряя при этом хорошую.

Очевидно, что антикоррупционная кампания в таком контексте становится проблематичной. У системы раздела ренты миллионы бенефициаров. Можно провести опрос и убедиться, что россияне против коррупции. Но задать им вопрос в такой форме — это все равно что спросить, нравится ли им, когда с них дерут деньги, их преследуют и унижают те, у кого больше власти. Они ненавидят коррупцию в таком ее определении.

Но вы услышите другие ответы, если спросите, например, тысячи рабочих на неконкурентоспособных машиностроительных заводах-«динозаврах» в Томской области, плохо ли было требовать, чтобы дочерняя компания ЮКОСа «Томскнефть» размещала заказы на таких заводах, хотя эти заказы являлись частью местного «крышевания» и включали в себя вымогательство, откаты, взятки и другие коррупционные действия. Ходорковский заявил, что он против коррупции, и отказался играть в эту игру. Он нажил себе в Томске много врагов.

Все зависит от того, кто и с какой целью извлекает выгоду из коррупции. Большинство людей, получающих прибыль благодаря завышению расходов при разделе ренты (что и есть форма коррупции), понятия не имеют, что происходит. Они вовлечены в разновидность того, что профессор Грегори Гроссман в контексте советской экономики описывал как «цепочку грабежа». В начале цепочки находится группа самых разных людей, которые делят награбленное, не всегда понимая, откуда они получают доход. Большинство из них вообще не считали себя бенефициарами коррупции. Напротив, они считали себя честными и работающими людьми, заслуживающими того, что получали. Сегодняшняя «цепочка ренты» работает аналогичным образом.

Более того, сама по себе антикоррупционная кампания наверняка окажется встроеной в «крышевание». Чтобы работать в России, вы вынуждены платить дань. Если вы платите, значит, нарушаете закон, то есть виновны в коррупции. Единственный способ избежать наказания — платить нужным людям, то есть участвовать в другом «крышевании». Это — классическая «ловушка-22» (безвыходное положение или «замкнутый круг». — Ред.).

УСТОИТ ЛИ СИСТЕМА?

Хотя на пути России к устойчивому экономическому развитию хватает вызовов и подводных камней, ее краткосрочные и среднесроч-

ные результаты по-прежнему зависят в основном от объема нефтегазовой ренты и того, как она используется.

Поэтому, если мы хотим знать, сможет ли система Путина пережить срок его правления, мы должны задать два вопроса:

- позволят ли мировые цены на нефть продолжить сбор ренты?
- если да, то сможет ли преемник управлять рентой так же эффективно, как Владимир Путин?

Цена порядка 60 долларов за баррель или выше в 2008 году обеспечит России и впредь мощный приток ренты.

Но затем надо обратиться ко второму вопросу: насколько успешно сумеет управлять рентой преемник? Вспомним о трех великих достижениях Путина:

- централизовал сбор ренты;
- направил ренту на решение стратегических задач государства;
- справился с напряжением, заложенным в самом процессе раздела ренты.

Централизованный сбор ренты — по сути, формальная система администрирования и применения налогообложения — был институционализирован и, следовательно, должен сохраниться надолго.

Что касается использования ренты, то Путин хорошо определил приоритеты. Преемник, вероятно, их сохранит.

Сложность представляет третья задача — управление процессом раздела ренты. Преемник должен понимать и поддерживать путинскую концепцию «Россия Инкорпорейтед», а также быть способен реализовать ее на практике. Он не может позволить разделу ренты перейти в процесс личного обогащения в ущерб интересам государства. Братоубийственное соперничество элит поставит под угрозу использование ренты в государственных интересах. Именно здесь приобретает актуальность коррупция. Плохая коррупция — продажность — может победить. Если это случится, Россия станет отнюдь не такой стабильной, как кажется ныне.

Отклики и рецензии

Как дядя Сэм помогает слаборазвитым странам
Журнал «Стыршел» (Болгария), 1961 г.

“Кремлевское руководство, несущее ответственность за национальную безопасность, не имеет права занимать нейтральную позицию в отношении процесса ускоренного «регионостроительства» на бывшей советской периферии. Сомнительные политические прожекты могут в конце концов взять верх над историко-географическими константами, экономическим прагматизмом и просто здравым смыслом”

Кто виноват в карабахском тупике? Фуад Ахундов
192

Рискованные эксперименты Владимир Дегоев
203

Многомерность политической вселенной Михаил Маргелов
210

Тройной блеф Саддама Хусейна Георгий Мирский
212

Кто виноват в карабахском тупике?

Фуад Ахундов

Вопреки надеждам окончание холодной войны не привело к укреплению общей безопасности. Одна из причин этого — резкое обострение «локальных» конфликтов, вспыхнувших главным образом на территории бывших социалистических федераций — СССР и СФРЮ.

Нагорно-карабахский конфликт между Азербайджаном и Арменией, в котором Баку, а также ряд международных организаций, прежде всего Совет Европы и Организация Исламская Конференция, усматривают агрессию Армении против Азербайджана, занимает уникальное положение.

Сегодня дипломаты многих стран прилагают усилия для урегулирования этого, как и многих других, конфликтов. Со стороны России данной проблемой занимается сопредседатель Минской группы ОБСЕ Юрий Мерзляков. Излишне напоминать, что долгосрочное урегулирование и заключение прочного и стабильного мира невозможны без понимания, в том числе и посредника-

ми, сути конфликта. И заведомо контрпродуктивны попытки подвести его под усредненные и донельзя упрощенные схемы.

Манипуляции с самоопределением

Одна из таких упрощенных схем (увы, популярная, но не становящаяся оттого более верной) — это противопоставление права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности. С такой позиции карабахский конфликт комментировал на страницах журнала «Россия в глобальной политике» (№ 4, 2007 г.) спикер парламента Армении Тигран Торосян.

Подобную трактовку трудно признать корректной. Как указывают многие исследователи, в частности Юрий Решетов, право наций на самоопределение вовсе не тождественно «праву на отделение». Оно может и должно реализовываться в форме автономий, местного самоуправления и т. п. Тем более нельзя смешивать понятия народа, нации и этни-

Фуад Ахундов — политолог.

ческой группы. Об опасности расширенного толкования права наций на самоопределение применительно к локальным конфликтам на территории бывших социалистических федераций высказался президент России Владимир Путин. Комментируя стремление стран Запада добиться признания независимости Косово вопреки воле властей Сербии, он спросил: «Вам не приходит в голову, что принятие на вооружение принципа самоопределения наций подтолкнет негативные процессы не только на постсоветском пространстве?» «Зачем это провоцировать? Я считаю, что это крайне вредно и очень опасно», — подчеркнул президент.

Ответственные политики и дипломаты всегда осознавали, насколько опасно расширенное толкование права на самоопределение. Устав ООН, являющийся основообразующим документом международного права, не содержит формулировок, которые позволили бы считать право на самоопределение достаточным основанием для бесконечного «дробления» государств, пресловутого «самоопределения улиц» и «суверенитета дворов».

Можно проследить эволюцию принципа самоопределения в процессе формирования Устава ООН. В предложениях, рассматривавшихся на конференции в Думбартон-Оксе, положения статьи 1, касающиеся самоопределения, отсутствовали — они были внесены в Устав на Сан-Фран-

цисской конференции в качестве поправок великих держав. При этом в материалах, резюмировавших ход рассмотрения поправок, констатировалось, что принцип равноправия народов и их право на самоопределение «являются двумя составными элементами единой нормы». В материалах конференции также зафиксировано, что принцип равноправия и самоопределения народов согласуется с целями Организации Объединенных Наций постольку, поскольку включает в себя только право народов на самоуправление, «но не право на отделение». Таким образом, происхождение и уставное содержание принципа равноправия и самоопределения ясно показывают, что этот принцип изначально исключал отделение как форму его реализации. Во Всеобщей декларации прав человека право на самоопределение народа также не предусматривалось.

Принцип самоопределения наций получил развитие в ходе распада мировой колониальной системы. От колониального гнета освобождались огромные колонии, заморские территории, ранее именовавшиеся Британской Танзанией, Бельгийским Конго и т. д. Правительства, находившиеся за тысячи километров в европейских столицах, уже не могли эффективно осуществлять властные полномочия на некогда контролируемых ими землях. Огромные территории с внушительным по численности населением оставались без го-

сударственных механизмов управления вообще, и для этого уникального в своем роде процесса требовалось «создать» законодательные рамки. Принцип самоопределения наций был здесь единственной правовой основой.

Однако уже в ходе африканских «сырьевых войн» (например, мятежи в провинции Катанга бывшего Бельгийского Конго и кровопролитные междоусобицы в нигерийской Биафре) стало понятно, к чему приводит апеллирование к праву наций на самоопределение, после того как далекие европейские метрополии утратили здесь всю власть. В результате — череда кровавых войн на уничтожение, расчленение государств, установление власти удельных князей, племенных вождей и т. д.

Так или иначе, по итогам жестокого «антиколониального» и, что более важно, постколониального опыта в структурах ООН было еще раз подтверждено следующее.

Во-первых, не следует смешивать право народа на самоопределение с правами меньшинств, так как в намерение авторов Устава ООН не входило предоставление этого права меньшинствам.

Во-вторых, право народа на самоопределение не должно осуществляться в целях подрыва единства нации либо создания препятствий для воплощения в жизнь этого единства в нарушение национального суверенитета.

Наконец, в исследовании «Право народов на самоопределение», подготовленном в 1981 году в рамках ООН, подчеркивается, что «принцип равноправия и самоопределения, установленный в Уставе ООН, не дает неограниченного права на отделение населению, проживающему на территории какого-либо независимого и суверенного государства, и такое право не может считаться положенным *lex lata* (изданного законодательства. — Ред.). Право на отделение, поддерживаемое или поощряемое иностранными государствами, будет явно находиться в вопиющем противоречии с принципом уважения территориальной целостности, на котором основывается принцип равенства государств». И далее: «Было бы опасно признавать в международном праве общее и неограниченное право на отделение, потому что права населения, проживающего на территории какого-либо государства, регулируются национальным конституционным правом этого государства».

В том же исследовании авторы, в частности, указывают на то, что «принцип равноправия и самоопределения народов должен служить объединению народов на добровольной и демократической основе, а не дробить существующие национальные образования. Необходимо избегать всяких формулировок принципа, которые могли бы быть истолкованы как расширяющие сферу его действия и обуславливающие его

применение к народам, которые уже составляют часть независимого и суверенного государства. Действовать каким-либо другим образом означало бы потворствовать сепаратистским движениям в суверенных государствах и могло бы послужить предлогом для того, чтобы поставить под угрозу национальное единство, территориальную целостность суверенных государств». Также, по мнению ученых, право народов на самоопределение записано в международных документах «не для того, чтобы поощрять сепаратистские или националистические движения».

Авторы выразили также уверенность в том, что «мировое сообщество достигло достаточной зрелости, чтобы уметь отличить подлинное самоопределение от самоопределения, служащего для прикрытия акта отделения».

Квинтэссенцию не только теоретического развития международного права, но и выстраданный мировым сообществом политический опыт выразила заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной думы РФ, руководитель думской Комиссии по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах Наталия Нарочницкая: «Нельзя апеллировать к праву наций на самоопределение. Прежде всего потому, что международное право, вопреки иллюзиям,

не признаёт такого права. Иначе это была бы бомба под любым федеративным или многонациональным государством. Это сразу создает характер прецедента, это сразу дает повод для аналогий: например, Чечня в России, баски в Испании. Никогда мировое сообщество этого не примет, тем более что это действительно не признаётся международным правом. Право на самоопределение трактуется сейчас в международном праве как право на культурную автономию, то есть как право продолжать национальную жизнь даже в рамках государства, где другая нация доминирует».

Валентин Романов, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов, указывал: хотя в Уставе ООН самоопределение именуется принципом, оно не фигурирует среди тех из них, в соответствии с которыми, как сказано в статье 2, «Организация и ее члены действуют». Принцип самоопределения — не самодовлеющая концепция, а одна из основ мирных и дружественных отношений между нациями. Кроме того, Устав ООН трактует самоопределение в неразрывной связи с равноправием народов, то есть уважаться должны не только права самоопределяющейся общности, но и права «не самоопределяющейся» части населения, жизнь и дальнейшую судьбу которой процесс самоопределения затрагивает. Анализ международных документов

(а не их околонучных толкований) не оставляет сомнений: тезис о праве наций на самоопределение неприменим к локальным конфликтам на территории бывшего СССР вообще и армяно-азербайджанскому в частности. Тем более он не может служить обоснованием для отделения части территории признанного суверенного государства. Показательно, что в квазигосударствах вместо общепринятой в международном праве трактовки «самоопределения» применяется его так называемая «ленинская» трактовка: «самоопределение вплоть до отделения», впервые появившаяся в документах РСДРП(б). Далее она неоднократно фигурировала в документах коммунистических партий разных стран. Однако, как нетрудно заметить, в международном праве принята иная трактовка самоопределения, где «отделение» прямо объявляется недопустимым.

Процесс самоопределения, а тем более отделения может осуществляться только легитимными методами: отделение возможно там, где оно предусмотрено национальным законодательством. Уточнение, как показала жизнь, более чем необходимое.

Процесс «самоопределения» армян Нагорного Карабаха сопровождался геноцидом и этническими чистками азербайджанцев, проживавших и в равнинном, и в Нагорном Карабахе. Трагедия в Ходжалы 26 февраля

1992 года была самым кровавым, но не единственным эпизодом.

И главное, участие в боевых действиях на территории Азербайджана регулярных частей Вооруженных сил Армении, укомплектованных призывниками, не позволяет говорить о «самоопределении». Скорее уместно вспомнить «защиту» Германией «угнетаемого немецкого населения» в Чехословакии, Польше и других странах Европы в конце 1930-х.

По мнению многих аналитиков, захват 9 мая 1992 года города Шуша, подавляющее большинство населения которого составляли азербайджанцы, не желавшие «самоопределения в форме отделения», и города Лачина, находившегося за пределами бывшей НКАО, свидетельствовал: речь идет о войне за территории. Тем более невозможно признать «актом самоопределения» захваты районов, прилегающих к бывшей НКАО, население которых полностью изгнано с родных мест.

То есть, в отличие от других конфликтов, в нагорно-карабахском армяно-азербайджанском противостоянии присутствует фактор территориальных притязаний Армении.

К слову, в 1988-м, когда, по версии армянской стороны, «депутаты облсовета Нагорного Карабаха приняли постановление» (по сути, заседание было незаконным, поскольку депутаты азербайджанской национальности, а это 30 % от общего состава, не были о нем проинфор-

мированы), оно говорило именно о «присоединении НКАО к Армении». Еще через два года армянский парламент принял Конституционный акт о присоединении Нагорного Карабаха к Армении.

Поняв, что это — откровенное территориальное притязание, сегодня армянская сторона пытается преподнести его как право нации на самоопределение, то есть отделение от Азербайджана. С таким же успехом армяне Северного Кавказа (а их численность примерно равна населению Армении) могут потребовать отделения от России и т. д.

Представим себе, что некий субъект, не имеющий собственного жилья, захватил дом, у которого есть законный владелец, выкинув на улицу и хозяев, и их имущество. А в суде адвокат начинает рассуждать о том, что право на жилище относится к основным правам человека, что каждый должен иметь крышу над головой и общество не вправе мириться с тем, что человек находится на улице, оно обязано бороться с бедностью, помогать бездомным обрести кров. Эти рассуждения имеют основания, но право на жилище и необходимость бороться с бедностью ни в коем случае не оправдывают захвата чужого дома. А ссылки на самоопределение наций с целью легитимации самопровозглашенных квазигосударств представляют собой «приспособленное законодательство», попытки подвести незаконный

акт под близкие лишь по звучанию, но не по сути постулаты международного права, являются откровенной подменой понятий и терминов.

Очевидно и другое. Армяне Нагорного Карабаха не могут считаться нацией в юридическом понимании. Общепринятая в мире трактовка нации как устойчивой исторической общности людей, живущих в определенных границах и осознающих себя как единое целое, не может быть применена к общине этнических армян, проживающих на территории одного из регионов Азербайджана. Более того, это определение показывает, что понятие нации сегодня лишается этнической основы. Существование Республики Армения уже создает армянскому народу достаточно возможностей для самоопределения и развития государственности. На этом фоне можно и нужно ставить вопрос о местном самоуправлении, развитии гуманитарной сферы, но никак не об отделении и не о создании на Кавказе наряду с тремя южнокавказскими государствами еще и четвертого, причем второго по счету армянского.

Предвзятость под видом объективности

Если на страницах научных изданий дискуссии по поводу мнимого противоречия права на самоопределение и территориальной целостности ведутся постоянно, то попыток сис-

темного анализа конфликта предпринимается куда меньше. Нечто подобное попытался сделать Владимир Казимиров («Россия в глобальной политике», № 5, 2007 г.). Но его статья, увы, скорее вводит читателя в заблуждение, чем восполняет пробел.

Предыстория нагорно-карабахского конфликта столь сложна и трагична, что даже сами противостоящие стороны сегодня воздерживаются, по крайней мере публично, от подробных и эмоциональных выяснений, кто первым бросил камень в соседа. Это вышло из политической моды и в Баку, и в Ереване. Однако Казимиров, давно не принимающий участия в реальном урегулировании и упустивший из виду развитие ситуации, считает нужным обратиться к прошлому. Представленная им «историческая справка» изобилует неточностями, она откровенно предвзята и тенденциозна.

Даже беглый анализ ситуации в зоне нагорно-карабахского конфликта, действий и заявлений сторон не оставляет сомнений: речь идет именно о территориальных претензиях одного государства к другому. Это, если угодно, конфликт философий: толерантности и моноэтничности, гармоничного сосуществования с соседями и тактики постоянных территориальных притязаний к соседним странам.

В мире не так много государств, где доля представителей одного народа превышает 99 %. Наиболее из-

вестные примеры — Япония и Исландия, островные образования, формировавшиеся в условиях естественной природной изоляции. Армения — единственное моноэтническое государство на многонациональном и поликонфессиональном Кавказе, где даже соседние села зачастую говорят на разных языках. Окружена она при этом не водной стихией, а мультинациональными странами — Азербайджаном, Ираном, Турцией и Грузией.

Армения тоже не всегда была этнически чистой. На момент создания Армянской ССР в нынешних границах Республики Армения, то есть с включением Гейчи и Зангезура, азербайджанцы, по одним данным, были сравнимы по численности с армянами, по другим, даже превосходили их. «Арменизация» происходила искусственным путем, в немалой степени посредством многократных «переселений» и этнических чисток, причем не только в советское время, а еще с начала XIX века, когда Россия пришла на Кавказ. Именно тогда началось перемещение сотен тысяч армян из Персии и Турции в пределы Российской империи. В 1828-м посол в Тегеране Александр Грибоедов, ответственный за переселение армян, обращал внимание царя на неуместную армянскую пропаганду против местных мусульман, которым и так приходилось тесниться. С того момента началась перманент-

тная этническая чистка азербайджанцев, которая продолжалась и при советской власти.

В частности, массовая депортация азербайджанцев из Армении была осуществлена на основании указа Сталина в 1948–1953 годах. Если в случае с крымскими татарами, чеченцами и прочими народами формальным основанием служило «наказание» за сотрудничество с немецкими захватчиками, то азербайджанцев выселяли просто за то, что они азербайджанцы. Другие репрессированные народы были депортированы из всех известных мест их проживания, азербайджанцы же — только из Армении, которую, очевидно, надлежало «очистить». «Очистить» решили и всю топонимику Армении. Многократными постановлениями Совмина СССР изменены более 2 тыс. наименований. Однако советского периода оказалось недостаточно для столь эпохального переименования на армянский лад. По словам начальника Государственного комитета кадастра недвижимости Армении Манука Варданяна, «процесс переименований населенных пунктов в стране название которых имеют тюркские корни должен завершиться уже в этом (2007. — **Авт.**) году».

Читателю достаточно найти в БСЭ или в ее кратком словаре известные ему географические названия в Армении или в азербайджанском Нагорном Карабахе, в скобках будут указаны дата переименования и ее

историческое название. Например Ереван (Эривань в честь Ревангулухана), Севан (Гекча, в перев. с азерб. — прекрасное), Степанакерт (Ханкенди, в перев. с азерб. — ханское село) и т. д.

Очередная волна переселений и этнических чисток прокатилась в 1985 и 1988–1989 годах. В ходе последней волны подверглись депортации также русские (молокане), курды, представители других национальностей.

Собственно конфликт вокруг Нагорного Карабаха начался не в 1988-м, как заявляет господин Казимиров, а значительно раньше, причем с подачи армянских ультранационалистических кругов. Так, 11 декабря 1985 года издающаяся во Франции армяноязычная газета «Гамк» опубликовала «Политический манифест партии Дашнакцутюн». В нем указывалось, что эта партия намерена бороться за создание «свободной и объединенной Армении» в границах, включающих «армянские территории, установленные Севрским договором, с районами Нахичевани, Ахалкалаки и Карабаха». Не только азербайджанские, но и армянские политики, в частности лидер Народно-демократического союза Армении Вазген Манукян, признавали, что именно «партии спюрка» (армянская диаспора) задали тон противостоянию в карабахском вопросе.

Пытаясь продемонстрировать «объективность», господин Казимиров

прибегает к откровенным натяжкам. К примеру, этнические чистки в Армении 1985–1989 годов, в результате которых, по самым приблизительным подсчетам, были убиты не менее 200 человек, в том числе несколько десятков — с особой жестокостью, а порядка 240 тысяч были вынуждены покинуть свои жилища, он «уравновешивает» аморфными обвинениями в «выдавливании армян из Нахичевани». Этот миф в последние годы раскручивается армянскими ультранационалистами, которые, однако, не представили (и вряд ли представят) мировому сообществу доказательства. Так же выглядят и попытки «уравновесить» ходжалинский геноцид армянскими же мифами о «трагедии» в селе Марага.

Господин Казимиров совсем не упоминает о весьма важной составляющей конфликта: армянская сторона с самого начала противостояния с Азербайджаном прибегала к террористическим методам. Жертвами становились влиятельные персоны в Нагорном Карабахе, среди которых были и законопослушные влиятельные армяне (для устрашения).

Убийство 14 апреля 1992 года председателя облсовета НКАО Артура Мкртчана, начальника Степанакертского аэропорта А. Шуханян, одного из руководителей Степанакертского горкома КПСС Валерия Григоряна — лишь вершина айсберга.

На территории Азербайджана армянские террористы неоднократно осуществляли взрывы автобусов, поездов метро, в том числе руками северокавказских боевиков, прошедших подготовку на базах спецслужб Армении. Ряд террористических актов совершен на территории России. Достаточно вспомнить, как в апреле 1991-го в Ростове-на-Дону группой армянских боевиков, прибывших из Нагорного Карабаха, был убит командующий Внутренними войсками МВД СССР на Северном Кавказе и в Закавказье полковник Владимир Блахотин. Расследование взрывов в бакинском метро и на железнодорожном вокзале вывело на преступную группу во главе с офицером спецслужб Армении Джааном Оганесяном, члены которой также совершили ряд терактов на территории России, в том числе в Чечне.

20 ноября 1991 года вблизи села Каракенд был сбит вертолет Ми-8, на борту которого находились и видные государственные деятели Азербайджана, и наблюдатели от Российской Федерации (генерал-майор И.Д. Лукашов, подполковник В.М. Кочаров) и представитель Казахстана (первый замминистра внутренних дел генерал-майор С.Д. Сериков), направлявшиеся в регион с миротворческой миссией.

Активное участие в боевых действиях против Азербайджана принимали международные террористы Монте Мелконян, Вагген Сислиян и

др. Так, по сообщению газеты *The New York Times*, на похоронах погибшего в Нагорном Карабахе летом 1993-го международного террориста Монте Мелконяна (он находился в розыске, объявленном Интерполом) присутствовал президент Армении Левон Тер-Петросян. А в 2001 году из французской тюрьмы был выпущен на свободу Варужан Карапетян, приговоренный к пожизненному заключению за взрыв бомбы в парижском аэропорту Орли. В Армении его встречали на высоком, представительственном, уровне, как и других террористов, уже отбывших свои сроки заключения.

Господин Казимиров отбрасывает все попытки изображать объективность, когда дело доходит до существа вопроса. Он без обиняков заявляет: «...принципиально важная особенность сегодняшней ситуации: ни в одном из остальных конфликтов на территории бывшего СССР столь открыто не демонстрируется настрой на силовой реванш. Поэтому позиция и доводы азербайджанской стороны требуют чрезвычайно пристального внимания». И это провозглашается тогда, когда международные посредники, в том числе сопредседатели Минской группы ОБСЕ, признают, что урегулирование тормозит позиция армянской, а не азербайджанской стороны. Столь односторонний анализ — это, вообще говоря, нонсенс в посреднической дипломатии.

Владимир Казимиров эмоционально восклицает: «...иерархи ОБСЕ... не вправе вяло реагировать на серийные угрозы официальных лиц, инциденты на линии соприкосновения, взвинчивание гонки вооружений». Посредники — не судьи, но они «обязаны отстаивать свою мирную миссию, давно взятую на себя сторонами. Ведь это прежде всего Организация по безопасности, а уж потом по сотрудничеству в Европе».

Ответ на вопрос, почему ОБСЕ не реагирует на заявления официальных представителей Азербайджана, очевиден: сколь ни велико стремление к мирному решению конфликта, право государств на самооборону еще никто не отменил. Как и принцип территориальной целостности, оно является краеугольным камнем миропорядка. Тем более неубедительны попытки Казимирова представить дело так, будто мнимая «агрессивность» и «приверженность силовому решению» официального Баку, а не агрессия со стороны Армении стала причиной продолжения боевых действий и оккупации. Казимирову как посреднику лучше, чем кому бы то ни было, известно, что именно Армения раз за разом срывала режим прекращения огня.

Наконец, попытаюсь сравнить военный потенциал Азербайджана и Армении на момент начала боевых действий, господин Казимиров почему-то не указывает, что в период,

когда российское оборонное ведомство возглавлял Павел Грачёв, массовый характер приобрела «сдача в аренду» боевых подразделений Российской армии в Армении и Нагорном Карабахе. Астрономические масштабы приняли и незаконные поставки оружия: в 1997-м депутаты Госдумы РФ генерал Лев Рохлин (ныне покойный) и Аман Тулеев оценили их в миллиард долларов. В азербайджанский плен неоднократно попадали российские военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях на стороне Армении. По личным просьбам Бориса Ельцина и Павла Грачёва их передавали российской стороне, что отлично известно Казимирову.

Попытки отставного дипломата возложить всю ответственность за военные действия и их последствия исключительно на азербайджанскую сторону выглядят, мягко говоря, неубедительно. Как и настойчивое стремление обвинить Баку в нарушении четырех резолюций Совета Безопасности ООН, в то время как их главным требованием является вывод войск с захваченных земель и обращено оно к армянской стороне.

Недоумение вызывает и утверждение господина Казимирова, что, дескать, Армения неоднократно принимала даже не совсем выгодные ей предложения посредников, в то время как Азербайджан их якобы отвергал. В реальности именно Ереван отверг и «пакет-

ный», и «поэтапный» планы урегулирования. Армения приняла лишь план, основанный на концепции «общего государства».

Смехотворно желание Казимирова выискать криминал в том, что Конституция Азербайджанской Республики предусматривает проведение референдумов лишь на всей территории страны. Аналогичные нормы содержатся в законодательстве многих государств.

Главной мыслью предложенного Владимиром Казимировым плана является «примерное наказание» Азербайджана за призывы к военному решению. Составленный на основе тезиса «во всем виноваты азербайджанцы», он априори не приведет к долгосрочному миру точно так же, как попытка «умиротворить» Гитлера за счет Австрии, Чехословакии и т. д.

На фоне откровенно проармянской позиции Казимирова его призывы к «гарантиям невозобновления войны» и даже к «операции по принуждению к миру» воспринимаются в Баку как намерение официальной Москвы взять Армению под свою защиту. Неудивительно, что российскому сопредседателю Минской группы ОБСЕ Юрию Мерзлякову регулярно приходится дезавуировать заявления своего предшественника, как не отражающие политику России в регионе. Ведь в противном случае они нанесут урон и имиджу России, и российской посреднической миссии.

Рискованные эксперименты

Владимир Дегоев

Уже более полутора десятилетий Черноморско-Каспийский регион живет в условиях кардинально изменившейся геополитической ситуации. Вместе с прежней конфронтационной линией между Востоком и Западом, двумя гигантскими полюсами завершившегося противостояния, исчезло и прежнее, более или менее устойчивое и управляемое, равновесие.

В годы конфронтации выработались четкие правила, предполагавшие сотрудничество (пусть и вынужденное) в вопросах сохранения мира. На смену пришел длительный и пока еще не завершившийся период трудной перенастройки международных отношений. Черноморско-Каспийский регион, обладающий огромным экономическим, геостратегическим и конфликтогенным потенциалом, оказался отнюдь не на периферии данного процесса. В прошлом году в Европе и Соединенных Штатах развернулась активная дискуссия о судьбе этой территории, нашедшая отражение и на страницах

журнала «Россия в глобальной политике» (№ 3, 2007 г.) — в статье Рональда Асмуса «Евро-атлантическое Причерноморье».

Относительная простота прежней расстановки сил на черноморско-каспийском пространстве (СССР — Турция как представитель НАТО — прозападный до 1979 года Иран) сменилась куда более сложной и запутанной картиной. У Черного моря появилось семь совладельцев, де-факто включая Абхазию (с учетом всех претендентов на этот статус, входящих в Организацию черноморского экономического сотрудничества, их число может достигнуть 13), а у Каспийского моря — пять. Между этими акваториями уже не Советский Кавказ, а четыре независимых государства, к которым при определенных обстоятельствах могут добавиться еще три пока непризнанных (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах).

Возможности, открывшиеся перед новообразованными странами, омрачаются жесткой и опасной борьбой за средства их реализации. Трагичес-

В.В. Дегоев — д. и. н., профессор МГИМО (У) МИД России.

кое наследие первых лет становления государственности на Южном Кавказе пока не позволяет нейтрализовать источники напряженности, постоянно чреватой кризисами. Ситуация усугубляется громадным (как считается) энергоресурсным, коммуникационным и военно-стратегическим потенциалом Черноморско-Каспийского региона.

США и Европейский союз с разной степенью откровенности объявили данную территорию сферой своих жизненных интересов. Соответственно государствами региона предложено проводить последовательную проамериканскую и прозападную политику, что якобы будет способствовать и более легкому решению их собственных внутренних проблем. В результате «естественная» экономическая конкуренция на черноморско-каспийском пространстве обостряется и выходит за положенные ей рамки, вольно либо невольно провоцируя военно-политическое соперничество. Для последнего характерна многосторонняя и подвижная конфигурация, которая далеко не всегда выстраивается по жесткому блоковому принципу. В ряде случаев интересы союзников вступают в конфликт, зато находят точки соприкосновения с интересами соперников. Это заметно усложняет систему взаимодействия, делает ее менее гибкой и предсказуемой, в том числе в кризисных ситуациях.

Нерешенные этнополитические конфликты не позволяют со всей ясностью оценить перспективы развития Южного Кавказа, и в частности использования его в энергетических и других проектах Запада. Как показал опыт, практика искусственного политического конструирования на постсоветской периферии, откровенно направленная против России, мало способствует эффективному продвижению проектов. Классическим примером является ГУУАМ (неформальное объединение Грузии, Украины, Узбекистана, Azerbaijan и Молдавии; после выхода из него Узбекистана — ГУАМ. — Ред.). Своих изначально объявленных экономических целей (повышение энергетической безопасности Запада) эта организация по разным причинам не добилась. Однако достигнут политический эффект — создан альянс, демонстративно противопоставленный Москве.

Чем менее удачна энергетическая миссия ГУАМ, тем очевиднее его эволюция в сторону военно-политического союза. Речь, однако, идет не о внутреннем, естественном развитии, каким оно могло бы быть при наличии объективных, органических предпосылок, а об искусственном, управляемом извне и во многом экспериментальном процессе. Обсуждается возможность расширения данного альянса за счет Польши (Варшава вообще проявляет особую активность), Литвы, Румынии и

Болгарии (все эти страны являются к тому же участниками Содружества демократического выбора, образованного в этой части Европы после «цветных» революций в Тбилиси и Киеве). Если это произойдет, иных доказательств намерения Вашингтона возвести «санитарный кордон» вокруг России уже не понадобится.

Поскольку сама мысль о дальнейшем расширении ЕС вызывает острую аллергию у жителей единой Европы, желающим стать членами «клуба» предложен облегченный вариант — «Европейская политика соседства плюс» (*ENP+*). По сути, она предусматривает подчинение постсоветских государств воле и указаниям Брюсселя без предоставления им реального членства в Евросоюзе и права участвовать в принятии решений. Запад по привычке исходит из предположения о том, что иных альтернатив «медвежьим объятиям» Кремля у элит бывших советских республик нет. Вдобавок Брюссель и Вашингтон никогда не задавались вопросом, а есть ли у этих элит чувство гордости, достоинства, самолюбия...

Но главную остроту вносит в черноморско-каспийскую проблематику идея дальнейшего продвижения НАТО на восток — независимо от того, является ли эта идея реальным планом или устрашающим блефом. Будучи, казалось бы, лишь плодом чьего-то абстрактного мышления, она уже стала осязаемым, материальным

фактором, ибо страх перед ее реализацией прочно укоренился в сознании российского политического класса. Точнее, в том инстинктивно-подкорковом, оборонительном сегменте этого сознания, который постоянно подпитывается исторической памятью и печальным опытом.

Затасканная и не подкреплённая аргументами формула «вам, россиянам, никто не угрожает» не может не вызвать у Москвы ничего, кроме раздражения. За ней проглядывают то ли высокомерное неуважение к способности Кремля анализировать геополитическую обстановку, то ли расчет на неисчерпаемые запасы русской наивности.

Под видом формирования интеграционных структур с целью вовлечения их в глобальную экономику, по сути, реализуются рискованные геополитические мегапроекты, которые предусматривают радикальное изменение баланса сил и территориальные перекройки.

По периметру России в ускоренном порядке создаются крупные регионы, составные части которых планируется объединить общностью долгосрочных целей. Названия новых пространств непременно включают в себя эпитет «большой»: «Большая Европа», «Большой Ближний Восток», «Большой Черноморский регион» (его логическое продолжение — «Большой Черноморско-Каспийский регион»).

Внутри этого «санитарного кордо-

на», который на Западе принято именовать эвфемизмом «пояс стабильности», как предполагается, будет успешно идти процесс демократизации. Но, с точки зрения проектантов, гораздо важнее другой процесс — образования в регионе «критической массы стран», позволяющей добиться численного и качественного преимущества над Россией и ее союзниками. (Ради этого можно смотреть сквозь пальцы на любые отступления от канонов демократии и либерализма, которыми богата постсоветская жизнь.)

Уже никто не пытается скрывать, что у границ России Западу нужна «долгосрочная военно-политическая структура», обеспечивающая «гарантии безопасности» перед лицом... нет, конечно, не России, а «новых угроз и вызовов». Данный политологический штамп, за которым можно спрятать все что угодно, широко освоено теми, кто хочет убедить Москву: ее представления о структурно-иерархическом содержании проблемы национальной безопасности старомодны. А НАТО бояться не следует, поскольку она-де давно сменила амплуа и сосредоточена в основном на вопросах экспорта лучших образцов демократии.

В это нелегко поверить — ведь те же люди твердят о насущной необходимости раскрыть над географическим окружением России натовский «зонтик безопасности». В каких целях? Неужели лишь с тем,

чтобы укрыться от международных террористов, наркоторговцев, нелегальных иммигрантов, экологических неприятностей и других олицетворений «новых угроз»?

Остаются вопросы крайне болезненные для многих европейских и американских аналитиков. Какая цена за торжество демократии в постсоветском ареале может считаться приемлемой? Стоит ли платить за это прогрессирующим и непредсказуемым обострением отношений с Россией? И где черта, за которой повышение уровня конфронтации становится недопустимым?

Пока у Запада нет однозначных ответов. Но влиятельные политические эксперты евро-атлантического сообщества позволяют себе заявлять о готовности Соединенных Штатов и Евросоюза проявить «решимость двигаться дальше, несмотря ни на что» и тем самым принудить Россию смириться с их планами. Это крайне рискованная позиция, ибо Кремль может усмотреть в ней открытое приглашение действовать в аналогичном духе, то есть «несмотря ни на что».

В доктрине укрепления безопасности на постсоветском южном фланге, предусматривающей насаждение там демократии посредством активного участия НАТО и Европейского союза, заложено логическое противоречие. Реалии нынешней ситуации таковы, что выбирать приходится между экспортом либераль-

ных ценностей и стремлением к более безопасному миру. Усиливающаяся дестабилизация постсоветского, в том числе черноморско-каспийского, пространства — одно из подтверждений этого.

Сами по себе опасные эксперименты в стиле «*Drang nach Osten*» приобретают поистине зловещие обертоны на фоне ухудшающихся американо-турецких и чреватых открытым столкновением американо-иранских отношений. Удар по ядерным объектам Ирана способен вызвать цепь плохо прогнозируемых и контролируемых последствий и надолго лишит стабильности Черноморско-Каспийский регион.

Объективные факторы, заставляющие беречь мир и стабильность, а также субъективное понимание этой необходимости все чаще вступают в последнее время в противоречие с иррациональным началом в поведении вашингтонской администрации и отдельных стран — членов ЕС. Явственным образом реставрируется модель восприятия России как некоей византийской державы, противопоставляющей себя европейской цивилизации (под которой непонятно по каким критериям понимается цивилизация западноевропейская). Этот безнадежно устаревший идеологический архетип активно реставрируют западные СМИ. Он овладевает сознанием политиков, прежде всего молодого поколения, ослабляет способность к трезвому анализу и

превращается в слепое руководство к действию.

В отличие от ветеранов холодной войны, испытавших на себе последствия нарушений ее негласных правил, новых европейских и американских лидеров, похоже, ничего не страшит. Чем еще объяснить декларируемое ими без всякого смущения право Запада единолично определять, какие интересы России в ближнем зарубежье законны, а какие нет? Даже те, что признаны «законными», уважать не обязательно. По ним всего лишь следует вести «широкую», «свободную», «конструктивную» дискуссию. А вот что действительно не подлежит обсуждению, так это «жизненно важные интересы» Евросоюза и НАТО на бывших территориях СССР.

Идея безальтернативности, связанная со стратегией тотального оппортунизма России везде и во всем, принимает навязчиво-нездоровый характер. Вместо того чтобы вникнуть в сущность той или иной российской инициативы, даже когда взаимная польза очевидна, ее априорно отвергают, поскольку-де от Кремля ничего хорошего ждать не приходится.

На черноморско-каспийском направлении проявления подобного иррационализма порой выражаются в азартной готовности поступиться экономической выгодой ради того, чтобы досадить Москве. Не заиграться бы настолько, что в один

прекрасный день обнаружится: реальные, в том числе экономические, издержки от захватывающих анти-российских игр бесконечно превышают полученные дивиденды.

Куда больше, однако, настораживает тенденция рассматривать черноморско-каспийские геополитические проекты приоритетными по сравнению с энергетическими. Регион пытаются насильственно переустроить в соответствии не с географическими и историческими реалиями, а с вашингтонскими планами радикального переформатирования глобального пространства. В результате не находится надлежащего места для осознания географической аксиомы. Из 12 государств, непосредственно входящих в Черноморско-Каспийский регион, лишь Россия имеет широкий доступ к обоим морям и владеет внушительной по площади территорией между ними, что автоматически наделяет ее особой функцией — служить идеальным связующим звеном между Центральной Азией, Кавказом и Европой.

Данный статус основательно подкрепляется наличием развитой и надежной энерготранспортной инфраструктуры к северу от Главного Кавказского хребта. Словом, речь идет о геоэкономических реалиях, которые гораздо легче и выгоднее принять (как, собственно, и поступают многие вменяемые торговые партнеры России), чем тратить силы на борьбу с ними.

Между тем именно такую во многом иррациональную борьбу ведут Соединенные Штаты и отчасти Европейский союз, невольно принося ей в жертву и соображения экономической целесообразности, и региональную безопасность. А все ради того, чтобы заполнить по периметру возрождающейся России как можно больше рычагов, сдерживающих якобы имеющиеся у нее новые имперские амбиции.

Правда, официальный Запад пока декларирует другую задачу — необходимость подстраховать свою экономику энергомаршрутами, идущими в обход России (через Южный Кавказ, Каспийское и Черное моря, Турцию, Украину). Однако их уязвимость перед лицом разнообразных угроз, а также низкая рентабельность наводят на мысль, что указанные альтернативы — это лишь благовидное прикрытие для сугубо военных и политических проектов.

Опытным полигоном, на котором проходят испытание данные проекты, стали государства Южного Кавказа, Турция, а в перспективе может стать даже Иран. Всем им вместе и каждому в отдельности отводится роль компонентов для сборки новой геополитической конструкции, которой, по замыслу, суждено в ближайшем будущем занять относительно самостоятельное место в региональном балансе сил.

Поскольку западный налогоплательщик не привык раскошелиться

на химеры, его стараются убедить в экономической целесообразности продвижения НАТО на восток и активного участия Евросоюза в проблемах региона. (Открыто проповедовать идею о необходимости защититься от возможного нападения России почти никто не решается ввиду ее полной абсурдности.) Отчасти поэтому СМИ не спешат прекращать разговоры о несметных богатствах Каспия, об имманентной готовности стран Южного Кавказа к либерализации и европеизации (говорить такое о Центральной Азии не поворачивается язык даже у сверх-оптимистов), а также, разумеется, о коварстве Москвы.

Россию не может не волновать вопрос о будущем предназначении искусственно образованных вокруг нее зон и о том, кто будет их реально контролировать. Если, скажем, ядром новых конструкций предполагается сделать ГУАМ с его нынешними программными задачами и в пополненном составе, это приведет только к нарастанию конфронтационных тенденций. Если же целью является создание прочной системы коллективной безопасности во имя

мира, стабильности и всеобщей экономической выгоды, то к чему тогда под любыми предложениями отстранять Россию от этого предприятия? Напротив, необходимо глубоко интегрировать ее, причем с такой долей участия, согласиться на которую Запад пока не готов.

В любом случае ясно одно: кремлевское руководство, несущее ответственность за национальную безопасность, не имеет ни права, ни возможности занимать нейтральную позицию в отношении процесса ускоренного «регионостроительства» на бывшей советской периферии. Сомнительные политические проекты могут в конце концов взять верх в этом процессе над историко-географическими константами, экономическим прагматизмом и просто здравым смыслом.

То, что сегодня представляется кое-кому «высокими издержками бездействия Запада на полпути» в восточном направлении, завтра может превратиться в ничтожную плату за сохранение всеобщего мира. Печально другое: желающих принимать эту мизерную плату в России уже не останется.

Многомерность политической вселенной

Михаил Маргелов

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — 272 с., илл.

Классификация и типология — необходимый инструмент научного анализа, идет ли речь о простых графиках, связывающих душевые показатели ВВП и потребления энергии, или о многомерных рейтингах стран — членов ООН. Создатели «Политического атласа современности», которые поставили перед собой цель разработать типологию почти двух сотен суверенных государств, по их собственному признанию, отнюдь не следовали формуле «искусство для искусства». Это лишь первый шаг, позволяющий как-то упорядочить объект и предмет исследования.

Однако уже этот этап, предполагающий использование многомерного метода, — масштабная самостоятель-

ная задача. Полученные в результате данные призваны послужить основанием для дальнейших размышлений о современном мире. В частности, объяснить, а может быть, и прогнозировать, как государство с тем или иным рейтингом действует в конкретных политико-экономических обстоятельствах.

Авторы книги сделали как бы моментальный снимок политических систем стран — членов ООН в 2005 году, что, впрочем, не делает его застывшим. Статистический аппарат позволяет осуществлять мониторинг значимых для моделей факторов и вносить необходимые коррективы.

«Политический атлас современности» представляет собой рейтинги стран мира по целому ряду таких важных параметров, как государственность, внешние и внутренние угрозы, международное влияние, качество жизни, институциональные основы демократии. Проведена мно-

М.В. Маргелов — председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам.

гомерная классификация и разномасштабная кластеризация государств, результаты чего наглядно демонстрирует качественный графический материал. Это значительно облегчает читателю поиск конечных данных, не вынуждая его с головой погружаться в математико-статистические основания работы.

Авторы снабдили свой труд подробным обзором «прецедентов» — провели тщательный подбор универсальных сравнений из ряда солидных источников, в которых также применялись количественные методы. Тем самым была подтверждена несомненная актуальность избранных направлений работы и в то же время — необходимость внесения новизны. Межстрановый анализ содержит, как правило, множество ловушек, и, если бы не многомерность рецензируемой работы, она могла бы превратиться в простое тиражирование «прецедентов», изобилующее значительными упрощениями.

Основу многомерности вместе с обеспечивающим ее математическим аппаратом — комплексными индексами, кластеризацией, методом главных компонент и др. — составили описания политических систем современных государств и экспертные оценки. Это в какой-то мере объясняет необходимость буквально прицельного «попадания» того или иного государства в соответствующую точку сложной и многоплано-

вой системы индексных координат. Можно согласиться с авторами в том, что подобный разброс «целей» указывает на невозможность единой модели мирового развития, поскольку мы имеем дело с объективно существующим разнообразием его возможностей. Не только группы стран, но и даже отдельные государства, как это выявлено в книге, представляют различные траектории политического развития.

Особый интерес вызовет у читателя положение России в этой системе координат. По индексу международного влияния Россия занимает в политическом атласе седьмое место после США, КНР, Японии, Германии, Франции и Великобритании. Причем США лидируют в этой семерке с кратным разрывом. Место России в рейтинге международного влияния тесно связано с уровнем ее государственности, зато плохо соотносится с типом политического устройства и качеством жизни. В целом положение страны в многомерной классификации авторы оценивают «как довольно противоречивое и неоднозначное».

Действительно, в России при высоком потенциале ее международно-го влияния низкий уровень качества жизни и средняя развитость институциональных основ демократии. Поставлена и проблема выявления «уникальности» России, но авторы перенесли эту задачу на дальнейшие этапы своей работы.

Создатели «Политического атласа современности» надеются, что их труд станет возвращением к «золотому веку» сравнительной политологии, когда исследователи отдавали предпочтение глобальности, а не анализу «малого числа случаев». Представляется, что в нашем во многом хаотичном мире обращение к данной методологии своевременно. Авторы признают, что их детище нуждается в дополнении, каковым могла бы стать «Энциклопедия политических систем современных го-

сударств». Продолжение работы в избранном направлении должно вызвать новый интерес и к страноведческим исследованиям в целом.

«Политический атлас современности» — настольная книга политологов, журналистов, дипломатов. Ее полезно иметь под рукой тем, кто профессионально занимается либо просто интересуется мировой политикой. Установлению контакта с аудиторией способствует, в частности, доступное изложение используемых в книге непростых статистических подходов.

Тройной блеф Саддама Хусейна

Георгий Мирский

Андрей Остальский. Боги Багдада. М.: Время, 2007.

Известный журналист Андрей Остальский, арабист, в прошлом корреспондент в Ираке, написал книгу особого жанра. С одной стороны, это типичный роман-триллер со всеми полагающимися перипетиями, драматичной интригой, увлекательными приключениями

русского и британского журналистов, судьбы которых причудливо переплетаются на Арабском Востоке. С другой — перед нами почти документальный репортаж о политических трагедиях в Ливане и Ираке, мемуары очевидца, которого судьба забросила в эти страны в один из самых драматических моментов их новейшей истории. Остальский рассказывает о том, что

Г.И. Мирский — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»

видел своими глазами, хотя повествование ведется от лица двух вымышленных персонажей.

И ливанские, и иракские события, описываемые в книге, имеют один общий знаменатель — убийства, массовые убийства. Это — жуткая бессмысленность кровопролития, кошмар фанатизма, демонстрация полнейшего пренебрежения человеческими жизнями, идет ли речь о гражданской войне на улицах Бейрута или об ирано-иракской войне, на которой Андрей Остальский работал фронтовым корреспондентом. Иранцы бросали в атаки мальчишек-добровольцев, которые своими телами обезвреживали мины, чтобы в бой вступили регулярные части. Миллион убитых — такова была цена той войны, которую начал Саддам Хусейн, решивший при помощи блицкрига стать величайшим арабским полководцем.

Наиболее яркие страницы книги — это характеристика саддамовского режима. Сильное впечатление производит письмо, которое один из героев произведения пишет своему иракскому другу Самиру, бывшему члену Иракской коммунистической партии. Он вспоминает историю, которую когда-то рассказывал сам Самир, попавший в баасистские застенки в период борьбы с коммунистами. В камеру привели его жену и пригрозили изнасиловать ее целым взводом солдат, если тот не согласится «отречься от членства в компартии, дать пока-

зания на партийное руководство: что все они — агенты КГБ» (с. 257). Отметим, что сотрудничество с КГБ инкриминировалось руководителям Иракской компартии в то время, когда Ирак был другом Советского Союза. Советское руководство знало о том, что творит Саддам с коммунистами, но продолжало оказывать помощь багдадскому диктатору.

Герой романа пишет, как узнал от Самира «о том, о чем баасисты говорят на своих тайных собраниях, где изучают Гитлера, Муссолини и Сталина в качестве достойных подражания героев. ...И еще ты рассказывал, какая на закрытых партийных семинарах проповедуется звериная ненависть к евреям и что курдов называют “обезьянами”» (сс. 264, 265).

Самир, член ЦК Иракской компартии, действительно поддерживал контакты с КГБ и, видимо, доводил конфиденциальную информацию до Старой площади и Лубянки, желая «нарисовать полную картину фашистского ужаса в превращенной в концлагерь стране... Но Москве все эти ужасы были до лампочки. За антиамериканизм они Саддаму не то еще были готовы простить... Ничего такого шокирующего для советского истеблишмента в иракском фашизме не было. Напротив, что-то слышалось родное...» (сс. 311–312).

В конце книги действие происходит уже в 2003 году, когда американцы вторглись в Ирак. Оба журналиста, герои романа, беседуют о

перспективах начавшейся войны, и один из них говорит: «Допустим даже, это будет маленькая победоносная война. Но что начнется потом? Ты-то должен знать, что за ящик Пандоры тогда откроется! Что, югославского опыта мало, что ли? А все, что там произошло, — это детские забавы по сравнению с тем, что начнется здесь. Шииты против суннитов, туркоманы против курдов, курды против всех. Баасистов начнут линчевать. А их сыновья — мстить. Вообще, кровная месть во все это вмешается, межклановые и межплеменные разборки. Кто с этим всем справится?» (с. 351).

Никто с этим не справился — нам сейчас это уже известно. Ирак погрузился в кровавую бездну, иракское фиаско нанесло тяжелейший удар по репутации Соединенных Штатов, не говоря уже о погубленном реноме Джорджа Буша-младшего (недавно известный американский политик Уильям Бакли сказал: «Даже если бы Буш изобрел Билль о правах, его бы это уже не спасло»).

Но что было бы, останься Саддам Хусейн у власти? Герой романа Остальского полагает, что Саддам стремился войти в историю «новым Салах-ад-Дином, победителем новых крестоносцев. И для начала, как минимум, отомстить за унижение 1991 года... Ради этого он только и живет, а смерти не боится. И власть без отщепенца ему тоже не нужна... Он ищет контактов с «Аль-Каидой», по-

тому что это для него идеальный вариант — их руками свою страшную месть осуществить» (сс. 351–352).

Теперь уже никто не узнает, действительно ли Саддам планировал, ради того чтобы отомстить Америке, унизившей его во время операции «Буря в пустыне», войти в альянс с «Аль-Каидой» и поделиться с ней элементами имевшегося у него оружия массового поражения. Что оно у него было — общеизвестно: к примеру, отравляющими веществами он убил массу иранцев и курдов — достаточно вспомнить операцию «Аль-Анфаль», в ходе которой только в городе Халабджа погибло пять тысяч человек. Но куда же это оружие девалось?

Очевидно, оно было уничтожено самими иракцами. Тогда почему Саддам Хусейн отказывался допустить в страну международных инспекторов, раз он знал, что никакого оружия массового поражения в Ираке уже нет? Ведь инспекторы подтвердили бы это, а Буш остался бы в дураках, лишившись предлога для развязывания войны.

В книге выдвигается такая версия. Саддам «до последней минуты не верил, что они решатся на полномасштабное вторжение, так, думал, поугадают, а в последний момент остановятся... Потом, думал он, рано или поздно в дело вступит ООН, да хоть бы и НАТО. Так или иначе, а придется возобновить международные инспекции, и вот тут-то и выяснится, что никакого оружия массо-

вого поражения вовсе нет! ...И потом, в следующий раз, когда ЦРУ начнет опять голосить, что программы возобновились, что производство химического и биологического оружия идет полным ходом, — кто же станет их принимать всерьез?» (сс. 448–449).

Ссылаясь на информацию, полученную от губернатора Аль-Хамдани, герой романа утверждает, что «все произведенное оружие было тщательно уничтожено... Программы по созданию оружия массового поражения были свернуты, но таким образом, чтобы их можно было снова развернуть в течение нескольких месяцев. И как только гроза миновала бы, как только удалось бы отменить санкции и прекратить визиты инспекторов ООН — а Россия и Франция обещали этого добиться, — программы можно было бы быстро возобновить... Инспекторам строились всевозможные козни, создавались препятствия, вокруг их приездов возникала подозрительная суета... Потом выдвигались всякие неожиданные условия. То есть делалось все, чтобы поддерживать ощущение: Ирак скрывает какую-то жуткую тайну. Но это был блеф! При этом членам партии на собраниях и командирам среднего да и верхнего звена в армии разъясняли, что на самом деле оружие есть, и очень мощное, но только оно тщательно спрятано. И будет обязательно применено — с

сокрушительными для врага последствиями... Таким образом, то, что Багдад твердил всему миру официально, было чистой правдой: никакого оружия массового поражения — ни ядерного, ни химического, ни биологического — на данный момент в Ираке действительно нет! Но этому никто не верит. Не верят американцы, не верят англичане... И сами иракцы, включая армейских генералов и высокопоставленных чиновников, тоже не верят. Они уверены, что это такая военная хитрость... Это двойной... нет, наверно, даже тройной блеф» (сс. 444, 445, 446, 447).

Эти слова вымышленного персонажа, видимо, отражают мнение автора книги, одного из самых знающих и квалифицированных арабистов, и его версия выглядит правдоподобной. Иракский диктатор, с одной стороны, не верил до конца в то, что американцы действительно решатся на вторжение (поэтому он и не принял всерьез предостережение прилетевшего в Багдад Евгения Примакова относительно того, что война вот-вот начнется). А с другой — хотел поддержать в армии и в народе уверенность в том, что у него есть мощное средство сопротивления агрессору.

Кстати, взятые в плен высокопоставленные иракские военные и гражданские чины показали на допросе: Саддам, продолжая считать главным врагом Иран, стремился

сохранить у тегеранских правителей убеждение в том, что он располагает неодолимым для них оружием. Понимая, что никто не верит его официальным утверждениям об отсутствии у Ирака такого оружия, он вводил в заблуждение и свой народ, и своих реальных и потенциальных врагов. Кончился этот «двойной или даже тройной блеф» плачевно как для самого Саддама, так и для иракского народа.

Роман Андрея Остальского, хотя речь в нем идет о событиях всего в двух арабских странах, дает читателю возможность понять и то, что происходит по соседству, так как удивительно точно отображены особенности менталитета, политической культуры, новых зловещих тенденций, характерных для всего региона. Книга могла бы иметь такой подзаголовок: «Большая драма Большого Ближнего Востока».

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events — turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington — this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” — *TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” — *FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” — *FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only.
We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ

Сергей Александрович
(председатель)

д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ

АРБАТОВ

Алексей Георгиевич

член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН

АХТИСААРИ Мартти

президент Финляндии в 1994–2000 гг.

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич

(заместитель председателя)

д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БЕРГСТЕН Фред

доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)

БИЛЬДТ Карл

(в личном качестве)

министр иностранных дел Швеции

ВАЙНШТОК

Семен Михайлович

генеральный директор госкорпорации «Олимпстрой», академик Академии горных наук

ГРИГОРЬЕВ

Владимир Викторович

(в личном качестве)

советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

ЖУКОВ

Александр Дмитриевич

(в личном качестве)

заместитель председателя Правительства РФ

ЗВЕРЕВ

Сергей Александрович

президент ЗАО «Компания развития общественных связей»

ИВАНОВ Игорь Сергеевич

(в личном качестве)

к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ в 2004–2007 гг.

КАЙЗЕР Карл

профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет

КОЖОКИН

Михаил Михайлович

к. и. н., заместитель президента — председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»

КОКОШИН

Андрей Афанасьевич

академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН

КОЛЬ Гельмут

канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.

КОМИССАР

Михаил Витальевич

генеральный директор ЗАО «Интерфакс»

КОПЬЕВ

Вячеслав Всеволодович

к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»

КУЗЫК Борис Николаевич

член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий

КУЗЬМИНОВ

Ярослав Иванович

к. э. н., доцент, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики

ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	министр иностранных дел РФ
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», президент фонда «Русский мир»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., глава общественного комитета «Россия в объединенной Европе
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, президент фонда «Наш выбор», заместитель председателя президиума движения «Российский народно-демократический союз»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США

ЮРГЕНС
Игорь Юрьевич

к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)

ЯСТРЖЕМБСКИЙ
Сергей Владимирович
(в личном качестве)

к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН
Анатолий Леонидович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

БУТОРИНА
Ольга Витальевна

д. э. н., советник ректора МГИМО (У) МИД России

ВИШНЕВСКИЙ
Анатолий Григорьевич

д. э. н., директор Центра демографии ГУ–ВШЭ

ДУБИНИН
Юрий Владимирович

профессор МГИМО (У) МИД России,
заслуженный работник дипломатической службы РФ

ГРИГОРЬЕВ
Леонид Маркович

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН,
президент Института энергетики и финансов

ЛОМАНОВ
Александр Владимирович

д. и. н., главный научный сотрудник ИДВ РАН

МИРСКИЙ Георгий Ильич

д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

ЭНТИН Владимир Львович

к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир
Олегович (председатель)

президент холдинговой компании «Интеррос»

ВАРДАНЯН Рубен Карленович

президент группы компаний «Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ Сергей
Владимирович

генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ
Владимир Петрович

к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»

КУЗЯЕВ Андрей Равелевич

президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ
Валерий Михайлович

генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих IATA, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: **46708, 46709, 46710**
Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: **15577, 11119, 16497**.
Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru

или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div> АБОНЕМЕНТ на газету журнал </div> <div style="border: 1px solid black; width: 100px; height: 30px;"></div> </div> <div style="text-align: right; font-size: small;">индекс издания</div> <div style="text-align: center; margin-top: 10px;"> Россия в глобальной политике (наименование издания) </div> <div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center;"> <div style="border: 1px solid black; width: 100px; height: 20px;"></div> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px; font-size: x-small;">Количество комплектов</div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small;">на 2006 год по месяцам</div> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <th>1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th><th>5</th><th>6</th><th>7</th><th>8</th><th>9</th><th>10</th><th>11</th><th>12</th> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table> <div style="display: flex; margin-top: 5px;"> <div style="width: 30%;">Куда</div> <div style="border: 1px solid black; flex-grow: 1;"></div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small; margin-top: 5px;">Почтовый индекс (адрес)</div> <div style="display: flex; margin-top: 5px;"> <div style="width: 30%;">Кому</div> <div style="border: 1px solid black; flex-grow: 1;"></div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small; margin-top: 5px;">(фамилия, инициалы)</div>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																				
	<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div> <table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td style="width: 30px; height: 20px;"></td> <td style="width: 30px; height: 20px;"></td> <td style="width: 30px; height: 20px;"></td> </tr> <tr> <td style="font-size: x-small;">ПВ</td> <td style="font-size: x-small;">место</td> <td style="font-size: x-small;">литер</td> </tr> </table> </div> <div> ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на газету журнал </div> <div style="border: 1px solid black; width: 100px; height: 30px;"></div> </div> <div style="text-align: right; font-size: small;">индекс издания</div> <div style="text-align: center; margin-top: 10px;"> Россия в глобальной политике (наименование издания) </div> <div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center; margin-top: 10px;"> <div style="width: 40%;"> Стоимость подписки </div> <div style="width: 20%;"> ____ руб. ____ коп. ____ руб. ____ коп. </div> <div style="width: 40%;"> Количество комплектов </div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small;">на 2006 год по месяцам</div> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <th>1</th><th>2</th><th>3</th><th>4</th><th>5</th><th>6</th><th>7</th><th>8</th><th>9</th><th>10</th><th>11</th><th>12</th> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table> <div style="display: flex; margin-top: 5px;"> <div style="width: 30%;">Куда</div> <div style="border: 1px solid black; flex-grow: 1;"></div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small; margin-top: 5px;">Почтовый индекс (адрес)</div> <div style="display: flex; margin-top: 5px;"> <div style="width: 30%;">Кому</div> <div style="border: 1px solid black; flex-grow: 1;"></div> </div> <div style="text-align: center; font-size: x-small; margin-top: 5px;">(фамилия, инициалы)</div>				ПВ	место	литер	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
ПВ	место	литер																													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																				

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ) Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (495) 681-9137, 681-9763

Факс: (495) 681-3798

E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications

3020 Harbor Lane N.

Minneapolis, MN 55447, USA

Tel: 1-763-550-0961

Fax: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!
Не забудьте указать
в подписном купоне
точный почтовый
индекс, адрес, по
которому вы хотите
получать журнал, и
ваш номер телефона
(для оперативной
связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие

январь - февраль

март - апрель

май - июнь

II полугодие

июль - август

сентябрь - октябрь

ноябрь - декабрь

Форма доставки

получение в редакции

нужное подчеркнуть

заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Извещение

Кассир

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302
(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 301018100000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция

Кассир

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302
(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 301018100000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"
(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

Р/с _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)